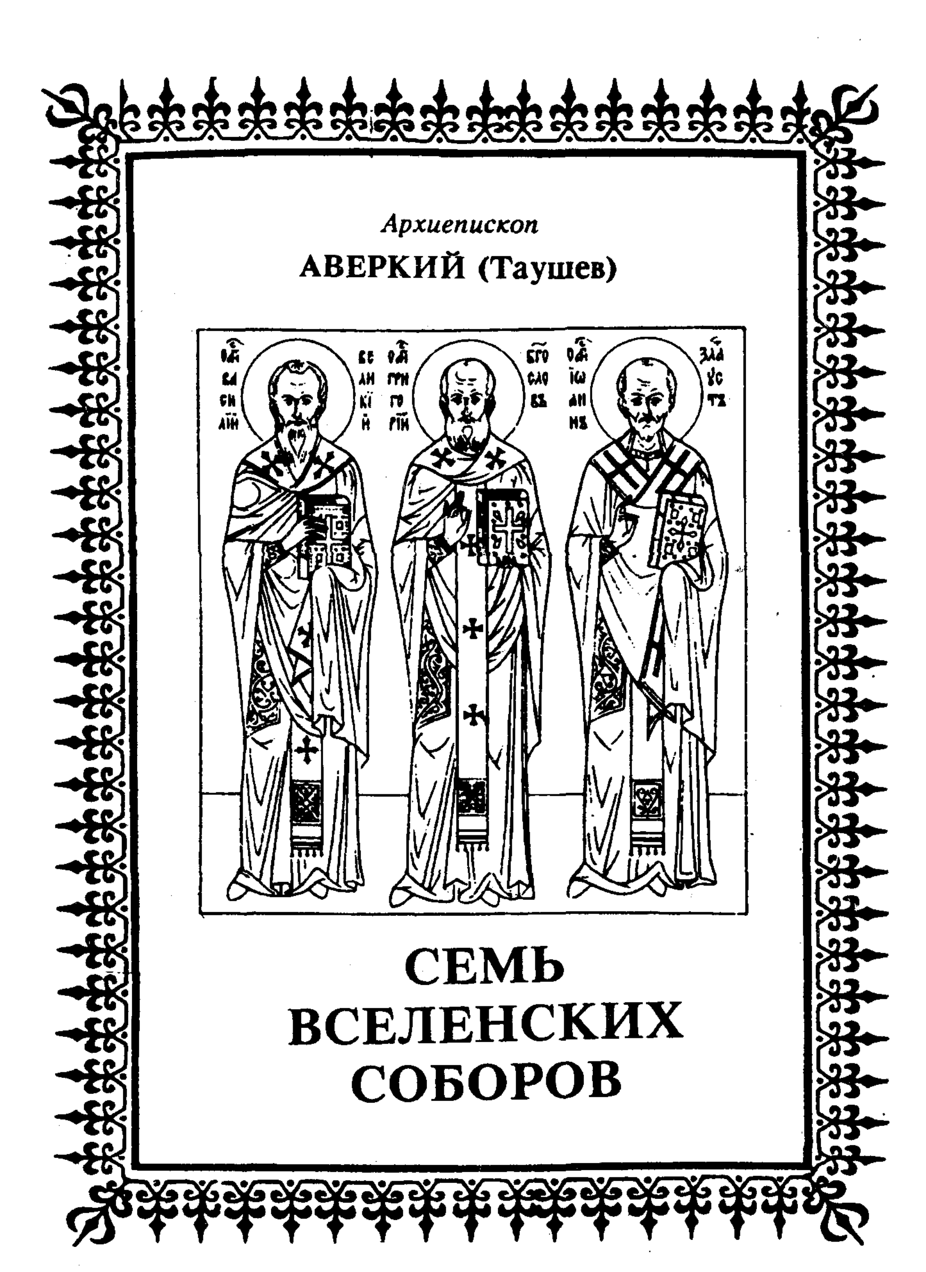
Библейско-богословская коллекция
Серия «ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ»
История древней Церкви

Архиепископ
АВЕРКИЙ (Таушев)

СЕМЬ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2006

Архиепископ
АВЕРКИЙ (Таушев)
СЕМЬ
ВСЕЛЕНСКИХ
СОБОРОВ

СЕМЬ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ

По руководству Четьих-Миней
Св. Димитрия Ростовского
составил Архиепископ АВЕРКИЙ (Таушев)

Москва

Санкт-Петербург

1996

Препрослáвленъ є҆сѝ хрⷭ҇тѐ бж҃е нáшъ, свѣти́ла на землѝ ѻ҆тцы̀ нáшѧ ѡ҆снова́вый, и҆ тѣ́ми ко и҆́стиннѣй вѣ́рѣ всѧ̀ ны̀ настáвивый: многоблгⷭ҇оутро́бне, слáва тебѣ̀

(Тропáрь ст҃ы́хъ ѻ҆тє́цъ, гл. и҃)

А҆пⷭ҇лъ проповѣ́данїе и҆ ѻ҆тє́цъ догмáты, цр҇кви є҆ди́нꙋ вѣ́рꙋ запечатлѣ́ша: ꙗ҆́же и҆ ри́зꙋ носѧ́щи и҆́стины, и҆стка́нꙋ ѿ є҆́же свы́ше бг҃осло́вїѧ, и҆справлѧ́етъ и҆ слáвитъ блгⷭ҇оче́стїѧ вели́кое тáинство.

(Кондáкъ, гл. и҃)

ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Господь Иисус оставил Церкви воинствующей, как Глава и Основатель Ее, великое обетование, вселяющее мужество в сердца Его верных последователей. "Созижду, — изрек Он, — Церковь Мою, и врата адовы не одолеют Ее" *(Мф.,16, 18)*. Но в этом радостном обетовании находится пророческое указание и на то печальное явление, что жизнь Церкви Христовой здесь, на земле, должна проходить в борьбе с темными силами ада, которые неустанно тем или иным образом пытаются разрушить непоколебимую твердыню, воздвигнутую Господом среди бушующих волн мирового зла. Первые три века в жизни Церкви сопровождались гонениями Ее: сначала со стороны иудеев, а затем со стороны язычников. Лучшие сыны Церкви за исповедание имени Христова претерпели мучения и даже самую смерть: по временам в некоторых местах Греко-римской империи лились потоки христианской крови. Но сила внешнего оружия не могла победить внутренней силы духа, и меч языческий принужден был наконец склониться пред смиренным знамением Креста Христова, когда в начале IV века над греко-римским миром впервые воцарился христианский император, Св. и Равноапостольный Константин Великий. С его воцарением прекратилась самая возможность гонений, но не прекратилась деятельность врага Церкви, диавола. Не победив Церкви совне, он пытался поразить Ее изнутри, возбудив арианскую ересь, уничтожавшую Лицо Основателя Церкви Христа Иисуса.

Основные положения арианской ереси сводятся к следующему. "Было время, когда существовал один только Бог Отец, нерожденный, первопричина сущего. Восхотев создать мир и зная, что мир, бесконечно удаленный от Бога, не может вынести непосредственного действия Его творческой силы, Бог Отец творит из несущего посредствующее Существо между Ним и миром, — Сына Божия, дабы через Него создать мир. Как сотворенный из несущего, Сын так же изменяем по природе, как и все творения". Словом, ересь признавала Христа, Сына Божия, не Богом, Отцу единосущным, а Существом сотворенным, хотя и совершеннейшим из всех созданных существ. От своего родоначальника эта ересь известна в истории христианской Церкви под именем арианской.

Арий родился в 256 году в Ливии, по другим сведениям, в

Александрии. Ученик Лукиана, пресвитера Антиохийского, Арий был человек строгой, безупречной жизни, соединявший с суровой внушительной наружностью приятное обращение; скромный с виду, он в действительности был очень честолюбив. Посвященный в диакона Петром, епископом Александрийским, Арий этим же епископом был отлучен от Церкви за деятельное сочувствие одной местной церковной партии, проникнутой раскольническими стремлениями. Преемник епископа Петра Ахилл, приняв отлученного Ария в общение с Церковью, посвятил его во пресвитера и вручил его попечению приход в Александрии. По смерти Ахилла Арий, как свидетельствуют некоторые церковные писатели, рассчитывал быть его заместителем, но на епископский престол Александрии был избран Александр.

На одном из собраний александрийских пресвитеров (318 г.), когда епископ Александр вел беседу о единстве Пресвятой Троицы, Арий обвинил его в савеллианстве, высказав свои еретические убеждения по вопросу о Лице Сына Божия. Еретик Савелий (III в.), искажая учение о Святой Троице, утверждал, что Бог есть Одно Лицо: как Отец, Он — на небе, как Сын — на земле и как Дух Святой — в творениях. Епископ пытался было заблуждающегося пресвитера вразумить сначала дружескими увещаниями, но тот оставался непреклонным. Между тем снисходительное отношение к Арию со стороны епископа некоторые ревнители правой веры порицали столь сильно, что Церкви александрийской даже грозил раскол. Тогда епископ Александр, признав неправославными мысли Ария, отлучил его от церковного общения. Сторону Ария приняли некоторые епископы, из которых наиболее известны: Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский. Присоединилось к нему также около двадцати пресвитеров, столько же диаконов и множество девственниц. Видя, что зло разрастается, Александр созвал (320 или 321 г.) из подведомственных ему епископов собор, который тоже отлучил Ария от Церкви.

Невозможность оставаться более в Александрии заставила Ария искать себе убежище сначала в Палестине, откуда он старался расширить круг своих сторонников, в то время как епископ Александр распространял послания, предостерегающие от увлечения еретическим учением, решительно отказываясь примириться с Арием, за коего перед ним некоторые с Евсевием, епископом Кесарийским во главе, ходатайствовали. Удаленный из Палестины по настоянию Александрийского епископа, Арий перешел в Никомидию, где епископом

был Евсевий, как и Арий, ученик и почитатель Лукиана. Один Вифинийский местный собор, руководимый Евсевием Никомидийским, признал Ария православным, и Евсевий принял его в церковное общение. В свое пребывание в Никомидии Арий составил книгу "Фалия"[1], назначенную для простолюдинов, расположение которых он умел приобретать. Здесь в легкой, общедоступной, полустихотворной форме Арий излагал свое еретическое учение о Сыне Божием, дабы укоренить его и сделать известным. Арий сочинял также песни для мельников, матросов и путешественников.

Церковная смута, поднятая ересью, разрасталась все более и более, так что сам император Константин обратил на нее свое внимание. Чтобы прекратить споры, раздиравшие Церковь, он по совету некоторых епископов, главным образом Евсевия Кесарийского, имевшего на него особенное влияние, обратился с письмом, адресованным епископам Александру и Арию, в котором призывал обоих к миру и единению[2]. С этим письмом императора в Александрию был отправлен Осия Кордубский, один из старейших и наиболее уважаемых епископов[3]. В Александрии, на месте возникновения споров, Осия убедился в необходимости решительных мер для уничтожения зла, так как несогласия в Церкви осмеивались уже в языческих театрах, а в некоторых местах, охваченных смутой, даже наносились оскорбления статуям императора. Когда Осия, возвратившись, разъяснил императору Константину действительное положение и истинную сущность дела, последний уже с подобающей серьезностью обратил внимание на несогласия в Церкви, возникшие по вине Ария. Решено было созвать Вселенский собор, чтобы восстановить нарушенный мир, церковный и общественный, а также решить недавно возобновившийся спор о времени празднования Пасхи[4]. С объединением Востока и Запада под властью одного христианского императора впервые появилась возможность созыва Вселенского собора.

Собор определено было провести в Никее. Ныне бедное селение Исник, в описываемое время Никея была главным приморским и богатым городом Вифинской области. Здесь находился обширный дворец императора и другие здания, в которых с удобством могли расположиться участники Собора; она отстояла всего на 20 миль от Никомидии, тогдашнего местопребывания императора, и была одинаково хорошо доступна и с моря, и с суши. Причем император издал особые распоряжения, которыми облегчалось прибытие созываемых епископов; содержание их на время соборных заседаний он приказал отнести на счет государства. Большая часть епископов

съехалась из восточной половины империи; был один епископ из Скифии и один из Персии; с западной половины, куда еще не проникли вызванные арианством смятения, на Соборе присутствовали только Осия Кордубский, Цецилиан Карфагенский и заместители Римского престарелого епископа Сильвестра пресвитеры Витон и Вицентий. Всех епископов было 318. Историки приводят неодинаковое число членов собора. Евсевий говорит о 250, Афанасий Великий и Сократ насчитывают "более 300"; по Созомену их было "всего 320". Число 318, даваемое св. Афанасием в одном послании Африканской Церкви, а также Епифанием и Феодоритом, принято по преданию по таинственному соотношению с числом слуг Авраама *(Быт. 14, 14)* и потому еще, что греческое начертание его ТIН напоминает крест Иисуса Христа.

Прибывших с ними пресвитеров и диаконов было более 2000 человек. Даже некоторые языческие философы являлись на Собор и вели беседы по спорным вопросам с епископами. У церковного историка (V в.) Созомена есть рассказ, как один малокнижный епископ обратил философа только прочтением ему символа веры; он же передает о Византийском епископе Александре, который лишил способности речи препиравшегося с ним философа, сказав ему: "Во имя Иисуса Христа повелеваю тебе не говорить!"

На Соборе выступали уже три сложившиеся партии: две из них держались противоположных воззрений на Лицо Сына Божия, а третья занимала среднее, примиряющее положение между двумя крайними. Православную партию составляли по преимуществу исповедники, претерпевшие мучения за имя Христово во время гонений. Члены этой партии "чуждались, — по словам Созомена, — нововведений в вере, преданной издревле"; особенно по отношению к учению о Святой Троице они считали необходимым подчинять разум святой вере, ибо "таинство Святой поклоняемой Троицы превышает всякий ум и слово, совершенно непостижимо и усвояется только верою". Поэтому на вопрос о сущности Сына Божия, подлежавший разрешению Собора, православные смотрели как на тайну, непосильную для ума человеческого, высказывая в то же время строго определенное догматическое учение, что Сын Божий есть столь же совершенный Бог, как и Отец: "Христос сказал: Аз и Отец едино есма" *(Ин., 10,30)*. Сими словами Господь выражает не то, что два естества составляют одну ипостась[5], но то, что Сын Божий точно и совершенно удерживает и сохраняет одно естество со Отцом, имеет в Себе отпечатленное самым естеством подобие Его и ни в чем от Него неотлич-

ный образ Его".

Наиболее известными представителями православной партии на Соборе были: Александр, епископ Александрийский, Осия, епископ Кордубский, Евстафий, епископ Антиохийский, Макарий, епископ Иерусалимский, Иаков, епископ Низибийский, Спиридон, епископ с о. Кипр, Пафнутий, епископ верхней Фиваиды, и Николай, епископ Мир Ликийских. Первые из них, Александр Александрийский[6], и Осия Кордубский[7], были руководителями партии православных. Совершенно противоположную ей представляла собою партия строго-арианская, которую составляли люди "искусные в совопросничестве и отвращавшиеся простоты веры", подвергавшие вопросы веры, как и всякие другие, рассудочному исследованию и хотевшие подчинить веру знанию. Во главе этой партии, своим еретическим учением колебавшей самые основы христианства, стояли: опора арианства и "первостепенный епископ времени" Евсевий Никомидийский, а также епископы: Минофан Ефесский, Патрофил Скифопольский, Феогнис Никейский, Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский. В партии строго-арианской было не более 17 человек. В среднюю партию, довольно значительную по числу членов, колебавшихся между православными и арианами, входили лица, получившие впоследствии название полуариан; они, хотя и почитали Сына Божия Богом, но Божество Его признавали неравным Божеству Отца, находившимся в соподчиненном к Нему отношении. Главою этой партии был известный историк Церкви, Евсевий епископ Кесарийский.

Собор начался в июне 325 года; первые заседания его, как можно с вероятностью думать, происходили в храме. Спустя две недели после открытия Собора, в Никею прибыл сам император Константин, и заседания были перенесены в обширную палату царского дворца, куда являлся на них и император, державший себя не как руководитель, но — как наблюдатель. Во время своего первого появления на Соборе, выслушав приветственные речи Евстафия Антиохийского и Евсевия Кесарийского[8], Константин Великий обратился к отцам Собора с речью, умоляя их прекратить "междоусобную брань в Церкви Христовой!" Собор прежде всего и сосредоточил свое усиленное внимание на вопросе, вызвавшем эти междоусобные раздоры, то есть на учении Ария; обличив последнего как еретика, отцы Собора утвердили православное учение о Лице Сына Божия, точнее — о Его сущности. Предварительные рассуждения по этому главному вопросу велись на Соборе с соблюдением полной терпимости: на одних правах с православными епископами высказывались и ари-

анские, и полуарианские. Словом, — как замечает греческий церковный историк Сократ (V в.), — "определение относительно веры производилось не просто и как случилось, но объявлено после долгого исследования и испытания — и не так, что одно показано, а другое умолчано, но взято во внимание все, относящееся к утверждению догмата, и что вера не просто определена, но наперед тщательно рассмотрена, так что устранено всякое мнение, представлявшее повод к обоюдности либо к раздвоению мыслей. Дух Божий установил согласие епископов".

Первой была выслушана строго-арианская партия, так как именно ее учение, нарушившее церковный мир, было главною причиною созыва Собора. Евсевий Никомидийский, главный представитель этой партии, внес от лица ее на рассмотрение отцов символ, заключавший в себе следующие выражения, исчерпывавшие сущность учения строгих ариан о Лице Сына Божия: "Сын Божий — произведение и тварь"; "...было время, когда Сына не было"; "...Сын изменяем по существу". Тотчас за прочтением этого символа отцы Собора единодушно[9] и решительно отвергли его, признав исполненным лжи и безобразным; причем даже самый свиток, содержавший в себе символ, был разорван, как того и заслуживал, на клочки. Главным основанием осуждения символа Евсевия Никомидийского для отцов Собора служило то важное обстоятельство, что в еретическом символе не находилось ни одного выражения о Сыне Божием из тех, какие находятся о Нем в Священном Писании. Вместе с тем отцы "кротко" — по свидетельству древних церковных историков — потребовали от Евсевия Никомидийского и от Ария, чтобы они изложили доводы, подтверждающие справедливость их умствований; выслушав эти доводы, Собор тоже отверг их, как совершенно лживые и неубедительные. Среди этих прений с ересеучителями из среды православных выдвинулись как ревностные защитники истинной веры и умелые обличители ереси: диакон Александрийский, прислуживавший своему епископу, Афанасий и Маркелл, епископ Анкирский.

Ко времени соборных заседаний, очевидно, нужно приурочить и следующее предание, сохраненное иноком Студийского монастыря Иоанном, об участнике Собора св. епископе Николае Мирликийском. Когда Арий излагал свое еретическое учение, то многие затыкали уши, чтобы его не слышать; присутствовавший при этом святитель Николай, одушевленный ревностью по Боге, подобно ревности пророка Илии, не вынес хулений и ударил ересеучителя по щеке. Отцы Собора, негодуя на подобный поступок святителя, решили лишить

его архиерейского сана. Но это решение они должны были отменить после одного чудесного видения, бывшего некоторым из них: они видели, что с одной стороны святителя Николая стоит Господь Иисус Христос с Евангелием, а с другой — Пресвятая Богородица с омофором[10] и вручают ему знаки епископского сана, коих он был лишен. Вразумленные свыше отцы Собора перестали упрекать святителя Николая и воздали ему честь, как великому угоднику Божию[11].

После осуждения символа строгих ариан, содержавшего в себе еретическое учение о Лице Сына Божия, отцам надлежало выразить о Нем истинное, православное учение. В противоположность еретикам, чуждавшимся при изложении своего лжеучения изречений Священного Писания, отцы Собора, наоборот, обращаются к Священному Писанию, чтобы его выражения о Сыне Божием внести в вероопределение, которое Собору предстояло издать по спорному вопросу. Но попытка, предпринятая в этом направлении ревнителями правой веры, потерпела полнейшую неудачу вследствие того, что буквально каждое выражение относительно Божества Христа Спасителя, приводимое отцами из Священного Писания, ариане и полуариане истолковывали в смысле своих неправославных воззрений.

Так, когда православные епископы, основываясь на свидетельстве Евангелия от Иоанна *(1,1, 14, 18)*, хотели включить в соборное вероопределение слова Сын "от Бога", то арианствующие ничего не имели против этого выражения, толкуя его в том смысле, что, по учению апостола Павла, "всяческое от Бога" *(2 Кор. 5, 18)*, "един Бог... из Негоже вся" *(1Кор. 8, 6)*[12]. Тогда отцами предложено было назвать Сына Богом истинным, как именуется Он в 1-м послании *(5, 20)* евангелиста Иоанна; арианствующие принимали и это выражение, утверждая, что "если Сын сделался Богом, то, конечно, Он истинный Бог"[13]. То же самое произошло и со следующим выражением православных епископов: "в Нем (т. е. Отце) Сын пребывает"; по мысли отцов, выражением этим, покоившимся на первых словах Евангелия от Иоанна: "В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово" *(1, 1)*, вполне определенно высказывалось то учение, что Сын со Отцом и в Отце всегда нераздельно пребывает; но арианствующие и здесь нашли возможность указать, что последнего рода свойство вполне приложимо и к людям, так как Писание говорит: "...о Нем (т. е. Богом) живем и движемся и есмы" *(Деян. 17, 28)*. После этого отцы выставили новое выражение, применяя к Сыну Божию наименование силы, взятое у апостола Павла: "Слово[14] есть

сила Божия" *(1 Кор. 1, 24)*; однако арианствующие и тут нашли выход, доказывая, что в Священном Писании не только люди, а даже гусеница и саранча называются силою великою *(Исх. 12, 41; Иоил. 2, 25)*. Наконец, отцы, чтобы отразить арианство, решили внести в вероопределение изречение из послания к Евреям: Сын —"сияние славы и образ ипостаси Его" — т. е. Отца *(Евр. 1, 3)*, а тогда арианствующие возразили, что Священное Писание то же самое говорит и о каждом человеке, называя его образом и славою Божиею *(1 Кор. 11, 7)*. Таким образом, стремление отцов Собора выразить православное учение о Сыне Божием путем внесения в вероопределение соответствующих библейских изречений не имело успеха.

Возникло затруднение, устранить которое попытался представитель полуарианской партии Евсевий, епископ Кесарийский. Он внес на обсуждение Собора готовый символ, предлагая его утвердить общим согласием членов, причем символ был составлен таким образом, что, казалось, мог быть принят как православными, так и строгими арианами; имея в виду первых, Евсевий Кесарийский излагает вероопределение словами Священного Писания; чтобы угодить вторым, крайним арианам, он внес в свой символ слишком общие выражения, которые еретики могли истолковывать в нужном им смысле. Кроме того, чтобы в тех же видах расположить членов собора к утверждению символа и устранить всякого рода подозрения, Евсевий в начале его сделал следующее заявление: "Мы содержим и исповедуем веру так, как приняли от предшествующих наших епископов, как научились ей от Божественного Писания, как соблюдали и исповедывали в пресвитерстве, а потом в епископстве". На главный вопрос о Сыне Божием — какова именно была степень близости Сына к Отцу, символ Евсевия Кесарийского давал ответ, который в силу своей неопределенности мог быть принят строгими арианами и который, по той же причине, не мог удовлетворить защитников правой веры на соборе: "Веруем, — говорит символ Евсевия по Священному Писанию, — во единого Господа Иисуса Христа, Божие Слово, Бога от Бога, Света от Света, Жизнь от Жизни, Сына единородного, перворожденного всея твари, прежде век от Отца рожденного".

После прочтения символа наступило молчание, истолкованное Евсевием Кесарийским как одобрение. Молчание это первым нарушил император Константин, своими словами вместе с тем уничтоживший и преждевременные надежды Евсевия на победу. Константин Великий одобрил символ, сказав, что он сам так же мыслит, как

учит символ, и желает, чтобы другие держались такого же вероисповедания; затем он предложил для определения отношения Сына Божия к Богу-Отцу внести в символ слово — единосущный[15]. Это слово с желанною для православных членов Собора силою и определенностью, не допускающих перетолкований, выражало нужную мысль о равенстве Божества Сына Божия с.Божеством Отца. Внесением его в символ разбивались в прах надежды Евсевия Кесарийского, потому что оно с очевидностью, какой нельзя было более и желать, обличало еретические умствования полуариан и крайних ариан, обеспечивая в то же время торжество православия на все последующие века. Сдерживаемые авторитетом императора, арианствующие могли против внесения в символ единосущный указать только на то обстоятельство, что этим понятием в учение о сущности Божества привносятся представления слишком вещественного характера: "Единосущным, — говорили они, — называется то, что есть из чего-либо другого, как, например, два или три золотых сосуда из одного слитка". Во всяком случае, прения по поводу слова *единосущный* были мирны, — арианствующие принуждены были, следуя императору, согласиться на принятие разрушавшего их ересеучение слова. Представители православной партии, учитывая вынужденную уступчивость еретичествующих членов Собора, внесли в символ и другие поправки и изменения, благодаря которым, символ принял следующий чуждый всякой двусмысленности вид:

"Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; — и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца (из сущности Отца), Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого (Сына) все произошло как на небе, так и на земле; — ради нас человеков и ради нашего спасения снисшедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса, и грядущего судить живых и мертвых; — и в Духа Святого".

Чтобы устранить всякую возможность каких бы то ни было перетолкований символа, отцы Собора присоединили к нему такое анафематствование арианской ереси: "Говорящих же, что было (время), когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности, или что Он создан, или преложим, или изменяем, предает анафеме Кафолическая Церковь".

За исключением двух египетских епископов Секунда и Феоны,

все остальные подписали символ Никейский, выражая этим свое согласие с его содержанием; впрочем, Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский отказались дать свои подписи на анафематствование, присоединенное к символу. Таким образом, вселенское определение веры было, по-видимому, почти всеми принято единодушно. Но последующая история арианских движений показала, что многие и очень многие епископы "подписались под символом только рукой, а не душою". Чтобы избежать отлучения и не потерять кафедр, подписали символ строгие ариане, в душе оставаясь такими же, как и прежде, еретиками. По соображениям далеким от искренности подписали символ и представители полуарианской партии. Глава их Евсевий Кесарийский в послании, написанном к пастве по окончании Собора, объясняет, что он и его приверженцы "не отвергли слова: единосущный, имея в виду сохранить мир, которого всей душой желаем", т.е. из внешних соображений, а не из убеждения в истинности заключавшегося в нем смысла; что же касается приложенного к символу анафематствования, то Евсевий объясняет его не как проклятие самого смысла арианского учения, а только как осуждение внешних выражений последнего за то, что они не встречаются в Священном Писании.

Собором, по решении главного догматического вопроса установлено было двадцать канонов по вопросам церковного управления и дисциплины; улажен был и пасхальный вопрос: собор постановил, чтобы Пасха праздновалась христианами непременно отдельно от иудеев и непременно в первый воскресный день, прилучившийся в день весеннего равноденствия, или непосредственно после него. Собор окончен был празднованием 20-летия царствования императора Константина, во время которого он устроил в честь епископов великолепное пиршество. Расстался император с отцами Собора очень милостиво, увещевая их поддерживать мир между собою и прося молиться за него.

Ария[16] и двух открытых приверженцев его Секунда и Феону император по окончании Собора, отправил в ссылку в Иллирию[17], провозгласив суровые наказания последователям ересеучителя, причем даже одно обладание его сочинениями вменялось как уголовное преступление.

Никейский символ, раскрывший православное учение о Божестве Второго Лица Пресвятой Троицы Господа Иисуса Христа и осудивший, как ересь, хульные арианские умствования, не положил конца церковной смуте: арианствующие епископы, скрепившие собор-

ное вероопределение своими подписями единственно из-за страха перед государственной властью, вскоре сумели привлечь последнюю на свою сторону и, поддерживаемые ею, вступили в ожесточенную борьбу с защитниками правой веры; в середине IV в. они одержали почти полную внешнюю победу над своими противниками, объединившимися под священной хоругвью Никейского символа. Хоругвь эту твердо и самоотверженно держал вначале св. Афанасий Великий[18], а потом, со смертью престарелого Александрийского епископа, она перешла в не менее мужественные и самоотверженные руки Великого Кесарийского епископа св. Василия[19]. Около этих двух выдающихся святителей Православной Церкви описываемого времени объединялись и прочие оставшиеся Ей верными епископы.

Воспоминание I Великого Вселенского собора, бывшего в Никее, совершается Церковью в Неделю (воскресенье) 7-ю по Пасхе.

Примечания:

[1] Фалия — (греческ.) счастье; во мн. числе — пир. Книга содержала стихотворения, которые можно было петь во время обеда

[2] Из содержания этого письма видно, что император мало представлял себе, насколько важен был по существу предмет церковного раздора.

[3] Выдающийся защитник Православия св. Афанасий Александрийский говорит об Осии Кордубском: "Он далеко знаменитее всех других. На каком соборе он не председательствовал? На каком, рассуждая здраво, не склонял всех к одному убеждению? Какая Церковь не имеет прекраснейших доказательств его заступничества?"

[4] Пасха — главный праздник христианской Церкви, установленный во дни св. апостолов, первоначально был посвящен воспоминанию смерти Господа Иисуса и потому совершался на всем Востоке 14 нисана, в день приготовления евреями пасхального агнца, когда, по указанию Евангелия от Иоанна и по мнению древних отцов Церкви (Иринея, Тертуллиана, Оригена), и последовала крестная смерть Христа Спасителя; поэтому и самое название Пасхи древнейшие отцы Церкви (Иустин, Ириней, Тертуллиан) производят не от еврейского Pesakh (проходить мимо), а от греческого — страдать. По указаниям же святых евангелистов Матфея, Марка и Луки смерть Господа Иисуса совершилась не 14, а 15 нисана; но христиане все-таки справляли Пасху 14 нисана в воспоминание, однако, уже Тайной вечери Господа с учениками. Впрочем, ближайшие по времени к апостолам отцы Церкви не говорят о празднике Пасхи как празднике годичном, т.е. совершавшемся в особо избранный день или период. В "Пастыре", произведении мужа апостольского Ерма, находим упоминание о пятнице как дне *еженедельного* поста и скорби в воспоминание страданий и смерти Иисуса Христа; Тертуллиан же указывает на *день воскресный* как день радости, когда в память воскресения Христова отменялись посты и коленопреклонения. Уже во II веке чествования страданий и смерти Христа и Его Воскресения выделились в особые праздники, называвшиеся Пасхой: 1) pascha crucificationis — Пасха крестная, т.е. в честь смерти Спасителя; эта Пасха проводилась в строгом посте, продолжавшемся с пятницы до утра воскресенья и заканчивавшемся воскресною евхаристиею. Этою евхаристиею начиналась 2) pascha resurrectionis — Пасха Воскресная. Некоторые свидетельства дают указание на то, что Пасха Воскресная продолжалась пятьдесят дней, являясь, кроме того, праздником Вознесения и Сошествия Св. Духа; почему эти дни и назывались Пятидесятницей. Чем

более Церковь христианская освобождалась от иудейства, тем более и более становился несообразным обычай, особенно упорно державшийся в церквах малоазийских, праздновать Пасху 14 нисана, одновременно с иудеями. Церкви, образовавшие из язычников, празднующие Пасху в этот день называли иудействующими, притом на Западе празднование Пасхи никогда не связывалось с пасхою иудейской, здесь она совершалась не в пятницу, а в первый воскресный день после полнолуния. Поэтому между Востоком и Западом, точнее — между азийскими епископами и Римом, возник "пасхальный спор", продолжавшийся с конца II века на протяжении всего III века и чуть было не приведший к разрыву общения между спорившими церквами.

[5] В истории развития учения о Лице Иисуса Христа термин ипостась употреблялся то в значении сущности, то в значении лица; с IV в., согласно словоупотреблению, принятому вслед за Василием Великим и Григорием Богословом, а также двумя Вселенскими соборами, слово ипостась всею Церковью употребляется в значении Лица.

[6] Собор Никейский, или I Вселенский, называет его в послании к Александрийской церкви "главным деятелем и участником во всем, что происходило на Соборе".

[7] Сами ариане впоследствии говорили об Осии Кордубском: "Осия председательствует на соборах, писаниям его везде внимают, он и в Никее (т. е. на I Вселенском соборе) изложил веру".

[8] Без сомнения, и полуариане осуждали символ Евсевия Никомидийского, потому что они никогда не употребляли о Сыне Божием выражения "Сын тварь" и подобных.

[9] Некоторые историки предполагают, что Евстафий Антиохийский и был председателем на соборе; другие считают им Евсевия Кесарийского. Существует, кроме того, мнение, что на Соборе председательствовали по очереди епископы Антиохийский и Александрийский (Александр); большинство, склонно признавать председателем Собора Осию, епископа Кордубского, который первый подписался под соборными определениями.

[10] Омофор (с греческ. нарамник) — одно из семи архиерейских облачений, представляющее собою длинный узкий плат с четырьмя крестами; омофор возлагается на плечи епископа так, что концы его спускаются спереди и сзади. Омофор знаменует заблудшую овцу (т. е. человечество, взятое Христом на рамена Свои).

[11] Примечательно, что — как свидетельствует А. Н. Муравьев, — в Никее доселе сохранилось предание об этом даже среди турок: в одной из бойниц этого города показывают темницу святителя Николая, где он, по преданию, был заключен после осуждения за поступок с Арием.

[12] Ссылаясь на указанные изречения ап. Павла, арианствующие хотели сказать, что они признают происхождение Сына от Бога в смысле творения, как и все существующее в мире в этом же именно смысле происходит от Бога.

[13] По православному же учению Сын не сделался Богом, а от века пребывает Богом.

[14] Так называется Второе лицо Св. Троицы, Сын Божий. Наименование это взято из Евангелия от Иоанна *(1, 1 —14)*. Почему же Сын Божий именуется Словом? 1 — По сравнению Его рождения с происхождением нашего человеческого слова: как наше слово бесстрастно, духовно рождается от нашего ума или мысли, так и Сын Божий бесстрастно и духовно рождается от Отца; 2 — как в нашем слове открывается или выражается наша мысль, так и Сын Божий по существу и совершенствам Своим есть точнейшее отображение Бога и потому называется "сиянием славы Его и образом (отпечатлением) Ипостаси Его *(Евр. 1, 3)*; 3 — как мы через слово сообщаем другим свои мысли, так и Бог, многократно глаголавший людям чрез пророков, наконец глаголил через Сына *(Евр. 1, 2)*, Который для сего воплотился и так полно открыл волю Отца Своего, что видевший Сына видел Отца *(Ин. 14, 3)*; 4 — как наше слово бывает причиной известных действий, так и Бог Отец все сотворил чрез Слово — Сына Своего *(Ин. 1, 3)*.

[15] "Слово единосущный указывает не только на единство существа Отца и Сына, но и на одинаковость, так что в одном слове заключается указание и на единство Божие и на различие лиц Сына Божия и Бога Отца, ибо единосущны могут быть только два лица"; единосущен и значит именно: "не слит по существу, но и не разделен". По свидетельству других древних историков христианской Церкви, освященное церковным Преданием слово единосущный провозгласили епископы Собора, и значит не император, как говорит Евсевий Кесарийский. Кажущуюся противоречивость этих двух свидетельств можно объяснить тем весьма вероятным соображением, что император Константин в данном случае действовал в согласии с православными епископами, которые находили более удобным провозгласить именно его устами нужное слово, так как авторитет императора уничтожал возможность продолжительных споров, кои непременно бы возникли, если бы термин единосущный предложило Собору не столь влиятельное для всех партий лицо.

[16] Партия Евсевия, пользуясь после Собора все более и более возраставшим влиянием при дворе, добилась через сестру императора Констанцию, что Арий вскоре после осуждения был возвращен из ссылки ко двору. В 336 году Собор в Константинополе постановил, как можно думать, принять Ария в церковное общение; накануне воскресного дня, назначенного для осуществления этого решения, император, обманутый Арием, лицемерно подписавшим православный символ, нарочно вызвал к себе престарелого Византийского епископа Александра, внушая ему не препятствовать принятию Ария в Церковь. Выйдя от императора, Александр пошел в храм Мира и молил Бога о том, чтобы он сам или ересиарх были взяты из мира, так как епископ не хотел быть свидетелем такого святотатства, как принятие еретика в общение с Церковью. И Промысел Божий явил над Арием справедливый суд Свой, в день торжества послав ему нежданную кончину. "Выходя из императорского дворца, — говорит о смерти Ария историк Сократ, — сопровождаемый толпой евсевианских приверженцев, как телохранителями, Арий гордо проходил посреди города, обращая на себя внимание всего народа. По приближении к месту, называемому Константиновой площадью, где воздвигнута колонна из порфира, ужас, происходящий от сознания своего нечестия, охватил его и сопровождался сильною болью в животе. Поэтому он спросил, нет ли тут где поблизости удобного места, и, когда ему указали заднюю часть Константиновой площади, он поспешил туда. Вскоре затем с ним сделался обморок, и вместе с испражнениями вышли его внутренности, сопровождаемые обильным геморроидальным истечением и выпадением малых кишек. Затем вместе с излиянием крови вышли части его печени и селезенки, так что он почти немедленно умер".

[17] Иллирия — общее название в древности всего восточного прибрежья Адриатического моря с лежащими за ним местностями (теперешние Далмация, Босния и Албания).

[18] Св. Афанасий Великий — архиепископ Александрийский, приобретший себе имя "Отца православия" за ревностную защиту во время арианских смут, родился в Александрии в 293 году; в 319 году Александрийский епископ Александр посвятил его во диакона. Около этого времени св. Афанасием написаны были два первых сочинения: 1) "Слово против Еллинов", где выясняется, что вера во Христа Спасителя имеет разумные основания и есть действительное познание истины; 2) "Воплощение Бога Слова", где раскрывается, что воплощение Сына Божия было необходимо и достойно Бога. Эти сочинения обратили внимание на св. Афанасия, который затем, как уже было замечено, на I Вселенском соборе, будучи еще молодым диаконом, выдвинулся как неустрашимый и искусный обличитель арианской ереси. Неудивительно поэтому, что по смерти епископа Александра св. Афанасий, имевший только 33 года, избран был (8 июня 326 г.) на Александрийскую кафедру. В годы епископства св. Афанасий много претерпел скорбей от преследовавших его ариан: достаточно сказать, что из сорока лет своего епископско-

го служения он благодаря арианам провел 17 лет, 6 месяцев и 10 дней в изгнании. Скончался он 2 мая в 373 г., занимая по возвращении из изгнания кафедру. После св. Афанасия остались многочисленные сочинения, разделяющиеся по содержанию на 1) апологетические, 2) догматико-полемические, 3) догматико-исторические, 4) труды по истолкованию Священного Писания 5) нравоучительные, 6) пасхальные послания, где, по древнему обычаю, св. Афанасий оповещал остальные церкви о времени празднования Пасхи, присоединяя наставления относительно веры и жизни христианской. О сочинениях этих преп. Косьма замечает, что если найдешь любую из книг св. Афанасия и не имеешь бумаги, чтобы записать ее, то должно "записать ее хотя бы на одежде". Память св. Афанасия Православною Церковью совершается дважды: 2 мая и 18 января.

[10] Св. Василий Великий родился в 329 году в Кесарии Каппадокийской. Отец и мать его принадлежали к родовитым семьям Каппадокии и Понта и имели возможность дать своим многочисленным детям наилучшее по тому времени воспитание. На 18-ом году Василий слушал в Константинополе знаменитого софиста Ливания, затем пробыл несколько лет в Афинах, центре высшего философского образования. Здесь в это время у него завязались тесные дружеские сношения с Григорием Назианзином; здесь же он познакомился и с будущим императором Юлианом Отступником. Вернувшись на родину, Василий крестился, а затем был посвящен в чтеца. Желая ближе ознакомиться с монашеской жизнью, к которой стремилась его душа, Василий через Сирию и Палестину отправился в Египет, где она особенно процветало. Возвратившись отсюда в Кесарию, Василий приступил здесь к организации монашеской жизни, представители которой в Египте поразили его своими подвигами. Василий Великий основал несколько монастырей в Понтийской области, написав для них устав. В 364 году св. Василий был посвящен во пресвитера. В сане пресвитера он успешно боролся с арианами, которые, пользуясь покровительством императора Валента, хотели овладеть Кесарийскою Церковью. Заступник пред властями угнетенных и обездоленных, Василий, кроме того, основал множество убежищ для бедных; все это в соединении с безупречною личною жизнью приобрело ему народную любовь. В 370 году Василий был избран архиепископом родного города и, будучи святителем, выступил на поприще общецерковной деятельности; через послов он вступил в деятельные сношения со св. Афанасием Великим, которые поддерживал и путем письменного общения; завязал сношения и с папою Римским Дамасом, с надеждой объединить православных для победы над арианами и умиротворения Церкви. В 372 году император Валент, пытаясь внедрить арианство в Кесарийской Церкви, хотел было путем угроз поколебать стойкость св. Василия. Для этого он отправил в Кесарию сначала префекта Эвиппия с другим своим царедворцем, а потом явился и сам. Св. Василий отлучил вельмож-еретиков от Церкви, а самого императора допустил в храм лишь для принесения даров. Император не решился привести в исполнение своих угроз по отношению к мужественному епископу. Св. Василий Великий скончался в 378 году в 49 лет. Память его Православная Церковь празднует 1 и 30 января. После него остались следующие сочинения, представляющие собою богатый вклад в святоотеческую литературу: девять бесед на шестоднев; шестнадцать бесед на разные псалмы; пять книг в защиту православного учения о Святой Троице (против Евномия); двадцать четыре беседы о разных предметах; краткие и пространные монашеские правила; устав подвижнический; две книги о крещении; книга о Св. Духе; несколько проповедей и 366 писем к разным лицам.

ВТОРОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Борьба между православными и арианами, возобновившаяся вслед за окончанием I Вселенского собора и сосредоточившаяся первоначально на решенном отцами вопросе о Божестве Христа Спасителя, с течением времени вызвала появление новых ересей, из коих наиболее примечательны ереси, связанные с именами Аполлинария и Македония.

Епископ Лаодикийский Аполлинарий вышел из рядов православной партии. Не ограничиваясь отрицанием арианских положений в учении о Сыне Божием, Аполлинарий стремился утвердить положения им противоречащие; это стремление и привело его к ереси. Так, в опровержение особенного ударения ариан о Сыне Божием как тварном существе, которое они делали на признании во Христе всецело человеческой природы, Аполлинарий, напротив, уничтожал человеческую личность в Господе Иисусе. С психологической точки зрения, ему казалось невероятным учение Никейского символа, что во Христе соединились совершенное Божество и совершенное человечество: он рассуждал, что две сущности с сохранением всех своих свойств, никогда не могут соединиться в одну. Немыслимым представлялась ему идея богочеловечества и со стороны догматической: с полным человечеством связан грех; если же мыслить грех в естестве Христа, хотя бы как и возможность, то дело искупления для Него уже становится невыполнимым. Поэтому Аполлинарий полагал, что, восприняв при воплощении тело и душу человеческую, Христос не воспринял отличительной части человеческого существа — человеческого духа, так как последний обязательно предполагает свободу воли, а с нею и наклонность ко греху духа человеческого, по мысли Аполлинария, во Христе заменил Божественный Логос, господствовавший над злыми влечениями животной души[1].

Вскоре после I Вселенского собора (341 г.) ариане вносят в свои символы и учение о Третьем Лице Пресвятой Троицы — Святом Духе, причем заметно выступает стремление, в полном соответствии с развитием арианского учения о Сыне Божием, "описать Святого Духа как Ипостась разделенную, "отчужденную, разобщенную" от Отца и Сына". С течением времени по вопросу о Лице Святого Духа из среды полуариан выделилась особая партия Македониан, получив-

шая свое наименование от Константинопольского епископа (355—359 гг.) Македония. Партия эта, почитая Святого Духа Третьим Лицом Пресвятой Троицы только из чести, отличала Его по существу от Первых Двух Лиц, признавая творением, а не Богом[2].

Вообще в учении о Святом Духе существовала в IV веке как среди православных, так и ариан, крайняя разобщенность мнений, которую св. Григорий Богослов изображает следующим образом: "Что касается до мудрецов нашего века, то одни почитают Его (т. е. Святого Духа) действованием, другие — тварью, иные — Богом, а иные не решались сказать о Нем ни того, ни другого, из уважения, как говорят они, к Писанию, которое будто бы ничего не выразило о сем ясного, почему они не чтут и не лишают чести Духа, оставаясь к Нему в каком-то среднем, вернее же сказать, весьма жалком расположении. Даже из признающих Его Богом одни благочестивы только в сердце, а другие осмеливаются выражать свое благочестие и устами. Но слышал я о других еще более мудрых измерителях Божества, которые, хотя согласно с нами исповедуют Троицу, однако ж столько разделяют Лица Ее между Собою, что Одно почитают беспредельным по сущности и по силе (т. е. Отца), Другое беспредельным по силе, но не по сущности (т. е. Сына), а Третье — ограниченным и в том, и другом (т. е. Духа)".

Таким образом, перед сознанием Вселенской Церкви опять был поставлен вопрос о Божестве Второго Лица Пресвятой Троицы. Кроме того, ересь Аполлинария и ересь Македония возбудили новые вопросы догматического свойства: первая — о Богочеловечестве Христа Спасителя, а вторая — о Святом Духе, Третьей Ипостаси Пресвятой Троицы.

Ответом на указанные вопросы и послужила деятельность II Вселенского собора. Собор этот созван был императором Феодосием Великим[3] в 381 году в Константинополе с целью "утверждения во всей империи никейского учения против всех ересей".

На этом Соборе присутствовали одни только восточные епископы, число коих было сто пятьдесят[4]. Среди них находились великие святители того времени: Мелетий Антиохийский, Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский и Григорий Богослов. Первые заседания происходили под председательством Мелетия Антиохийского. В это время, по желанию императора и народа, на свободную Константинопольскую кафедру собором был избран св. Григорий Богослов. Вскоре Мелетий скончался, и председателем собора, естественно, сделался вновь избранный епископ столицы.

Первым делом новый председатель внес собору предложения уладить давно уже волновавший Антиохийскую церковь раскол. Раскол этот возник в Антиохии в начале 60-х годов IV века, когда в ней одновременно появились два епископа, Мелетий и Павлин; оба разделяли управление над православною паствою Антиохийской церкви. Обе стороны находились в непримиримой вражде. Он предложил отцам Собора не выбирать преемника умершему Мелетию: выбор этот, по его мысли, нужно было отложить до времени, когда враждующие партии Антиохийской церкви уже с взаимного согласия могли бы выбрать себе епископа. Но предложение председателя было отвергнуто, потому между ним и отцами возникло охлаждение, окончившееся тем, что св. Григорий добровольно отказался от Константинопольской кафедры; тем более, что епископы Египта и Македонии, запоздавшие на Собор и потому не дававшие согласия на избрание Григория Богослова епископом столицы, возбудили вопрос о правильности этого избрания ввиду существования 15-го правила I Вселенского собора, запрещавшего епископам переход с одной кафедры на другую. (Св. Григорий Богослов был пред возведением на престол Константинопольской Церкви епископом местечка Сасим). В июне 381 года, после прощальной речи отцам Собора, св. Григорий удалился в Назианз, где и скончался.

Догматическая деятельность II Вселенского собора нашла свое выражение в составлении символа, известного в истории Церкви под именем Никео-Цареградского. Символ этот принят без изменений всею Православною Церковью и содержится каждым православным христианином, верным учению своей Матери Церкви. До восьмого члена, т.е. изложения учения о Святом Духе, символ II Вселенского собора представляет собою Никейский символ, измененный и дополненный отцами ввиду тех ересей, которые вызвали необходимость созвания II Вселенского собора.

В учении о Боге Отце в Никейском символе отцы Собора после слова "Творца" ввели слова "неба и земли". Таким образом, отцы Собора в учении о Боге Отце, изложенном в Никейском символе, "не сделали никаких существенных пояснений" по причине отсутствия споров в Церкви о Первом Лице Святой Троицы. "Нужно ли говорить об Отце, — замечает св. Григорий Богослов, — Которого не касается по общему согласию (т. е. ввиду отсутствия разногласий) все водящиеся естественным смыслом (т. е. еретики)". В учении о Сыне Божием они заменили после "рожденного от Отца" слова "из сущности Отца, Бога от Бога" словами "прежде всех веков". При

существовании в символе слов "Бога истинного от Бога истинного" выражение "Бога от Бога" являлось некоторого рода повторением, которого и старались избежать, когда опустили последнее изречение. Слова "прежде всех веков", заменявшие изречение Никейского символа "из сущности Отца" с исчерпывающей определенностью указывают на предвечное рождение Сына Божия, тогда как выражение Никейского символа: "рожденный от Отца, т. е. из сущности Отца", и "единосущный Отцу" "могли приводить к мысли, что сначала последовало рождение Сына от Отца и потом бытие Его с известными свойствами". При этом вычеркнули изречение "на небе и на земле", идущее за словами "чрез Которого все произошло".

В последующее учение о Сыне Божием, содержащееся в Никейском символе, отцами Собора вставлены некоторые слова, имеющие целью яснее выразить православное учение о плотском естестве Бого-человека ввиду некоторых ересей; слова эти здесь выделены: "...нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего *с небес* и воплотившегося *от Духа Святого и Девы Марии,* и вочеловечившегося, *распятого за нас при Понтии Пилате* и страдавшего, и *погребенного* и воскресшего в третий день *по писаниям*, и восшедшего на небеса и *седящего одесную Отца* и паки имеющего *приити со славою* судить живых и мертвых, *Которого царству не будет конца*". Таким образом, деятельность отцов II Вселенского собора, как видно, не была отменой или изменением по существу Никейского символа, но лишь более полным и определенным раскрытием содержавшегося в нем учения, и сами отцы 1-м правилом постановили: "Да не отменяется символ веры трехсот осминадесяти отцев, бывших на Соборе в Никее, что в Вифинии, но да пребывает оный непреложен".

Никейский символ оканчивался словами "(Верую) и в Духа Святого". II Вселенский Собор дополнил его, присоединив к нему учение о Святом Духе, о Церкви, о крещении, о воскресении мертвых и о жизни будущего века; изложение учения об этих истинах веры и составляет содержание VIII, IX, X, XI, и XII членов Никео-Цареградского символа.

II Вселенским собором составлено *четыре* канонических правила, из коих особенно важное значение имеют два постановления: 1) запрещение епископам одних поместных церквей вмешиваться в дела других церквей и 2) предоставление епископам Константинополя, как Нового Рима, первого места в смысле чести вслед римскими епископами. Хотя в греческих, славянских и русских изданиях II Вселенскому собору приписывается 7 правил, но в действительно-

сти ему принадлежат только первые четыре, о которых упоминают и церковные историки V века. Правила же 5-е и 6-е составлены на Константинопольском соборе 382 года, 7-е представляет собою сокращение послания, сделанного Трулльским собором (692 г.) от лица Константинопольской церкви к Антиохийскому епископу Мартирию.

Воспоминание II Вселенского собора Православною церковью совершается 22 мая.

Примечания:

[1] **Аполлинарий в своем делении природы человека на тело, животную или жизненную душу и духовную или разумную душу следовал греческому философу Платону. Аполлинарий умер в 390 году. Ересь Аполлинария осуждена Александрийским собором 362 года, хотя без упоминания имени самого ересеучителя. В 375 году, когда Аполлинарий, отделившись от Церкви, начал образовывать свою секту, он был осужден Собором в Риме; последнее осуждение было повторено II Вселенским собором.**

[2] **Нужно заметить, что впоследствии и именно ко времени II Вселенского собора, эта партия отказалась от своего еретического учения о Святом Духе, оставшись, однако, верной осужденному I Вселенским собором утверждению полуариан, что Сын подобосущен, а не единосущен Отцу. Поэтому общепринятое мнение, что II Вселенский собор созван был "на Македония Духоборца", не находится в строгом соответствии с исторической действительностью.**

[3] **В это время Феодосий Великий был только император Востока. Сделавшись в 392 году единодержавным обладателем как Востока, так и Запада, он нанес окончательный удар язычеству, издав закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.**

[4] **Поэтому лишь позже (а на Западе только в VI веке), когда догматические определения Собора по причине их особенной важности и достоинства были приняты всеми поместными церквами, за Собором было признано всею Церковью значение Вселенского.**

ТРЕТИЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Арианские волнения привели Церковь к волнениям несторианским — к спорам о лице Бого-человека, разрешенным Церковью на Третьем Вселенском соборе.

Ариане в подтверждение своих еретических воззрений ссылались на те изречения из Священного Писания Нового Завета, которые указывают на уничижительное состояние Господа нашего Иисуса Христа во дни Его спасительного мессианского служения роду человеческому: в этих изречениях ариане видели доказательство справедливости своего богохульного утверждения, что Сын Божий ниже Отца, подчинен Ему. Защитники православного учения указывали еретикам, что, по Священному Писанию, уничижительное состояние Господа Иисуса относится не к Божественной, а исключительно к человеческой природе Христа Спасителя. Однако этот справедливый по существу ответ не исключал возможности и такого недоуменного вопроса: "Если Христос одно говорил и совершал как Бог, а другое как человек, то не должно ли отсюда заключать, что естества во Христе были разделены, что в едином лице Его действовали две сущности и две раздельные воли?" Разъяснение, что Божеская и человеческая природы во Христе Спасителе не разъединены, но находятся в соединении, вызывало новое недоумение: если Христос есть Бого-человек, т. е. полный Бог и полный человек, то как же понимать те места святого Евангелия, в которых Сам Господь говорил о Себе уничижительно?" Блаженный Феодорит, приводя изречение Спасителя, что Он не знает о дне и часе Своего второго пришествия — "...о дни же том и часе никтоже весть, ни ангелы небеснии, токмо Отец Мой един" *(Мф., 24, 36)*, сопровождает это изречение следующим вопросом, показывающим необходимость полного выяснения учения об отношениях двух естеств во Христе, которое бы устраняло всякие возражения и недоумения: "Почему Слово носит имя премудрости, как скоро подвержено немощи неведения?" — спрашивает блаженный отец.

Так арианство привело к новым недоумениям о лице Иисуса Христа, которые и вызвали несторианские споры. Правда, для решения их многое заключалось в писаниях святых отцов Церкви IV века, и ими бы можно вполне удовлетвориться. Но кичливый ум не хотел смириться пред великой тайной воплощения Сына Божия: не без

основания утверждают, что едва ли бы в Церкви возникли новые волнения, если бы на поприще церковно-исторической жизни не появился Несторий.

Родина Нестория — сирийский город Кесария Германикийская на реке Евфрате; год рождения и родители его неизвестны. Св. Кирилл Александрийский свидетельствует только, что Несторий "вышел из грязи, и происхождение его было постыдно". Несколько лет своей молодости он провел в одном монастыре близ Антиохии и затем, уже по принятии священства, выдвинулся как хороший проповедник. Историки Церкви, Сократ и Маркелл, современники Нестория, отмечают красноречие последнего, причем первый говорит о нем, как человеке талантливом, но малообразованном. Жизнь Несторий вел строго монашескую и в то же время, как свидетельствует Сократ, был "тщеславен, вспыльчив и легкомыслен". Без сомнения, Несторий был человек гордый и самолюбивый, не желавший ни пред чем и ни пред кем преклоняться; эта гордость и стремление к известности, по обвинению некоторых, и заставляли Нестория прибегать к показной святости в жизни и высокопарному слогу в проповеди. В 428 году, как человек с выдающимся ораторским талантом, Несторий был избран императором Феодосием II (408-450 гг.) в константинопольские патриархи. Несторий при вступлении на кафедру проявил крайнюю нетерпимость, которая прозвучала во всенародном обращении к императору: "Дай мне, о царь, вселенную, очищенную от ересей, а я дам тебе небесное царствие; поборай мне против еретиков, а я буду поборать тебе против персов". (У Византии тогда была война с персами). В начальные годы патриаршества Нестория, благодаря именно ему, поднято было жестокое гонение на различных сектантов, доселе пользовавшихся в Константинополе некоторой терпимостью: их заключали в тюрьмы, подвергали изгнанию, отнятию имуществ, закрывали и разрушали их молитвенные дома. Из Константинополя это преследование всяких ересей и расколов распространилось и по другим частям империи, приводя местами к кровавым столкновениям. Но ревностный гонитель ересей неожиданно для своей паствы сам оказался еретиком.

Впрочем, не нужно думать, что Несторий был в полном смысле слова родоначальником еретического учения, связанного с его именем. Семена ереси встречаются на несколько десятков лет раньше — в сочинениях его учителя Феодора Мопсуетского и учителя самого Феодора — Диодора Тарсийского. Несторию, таким образом, принадлежит лишь дальнейшее развитие учения, а смелость и реши-

тельность в распространении и защите еретического мудрования объясняются высотой его положения. Первое выступление Нестория как проповедника и защитника несторианской ереси историк Сократ описывает следующим образом: «При Нестории был пресвитер Анастасий, приехавший вместе с ним из Антиохии; Несторий весьма уважал его и в делах пользовался его советами. Однажды, уча в церкви, этот Анастасий сказал: "Никто не должен называть Марию Богородицею, ибо Мария была человек, а от человека Богу родиться невозможно".

В церкви произошло смятение. Несторий начал защищать Анастасия: ему не хотелось, чтобы человек, им уважаемый, был обличен в нечестивом учении; отчасти для защиты Анастасия, отчасти (и несомненно главным образом) для распространения своих мыслей, Несторий стал постоянно проповедовать в церкви о том же предмете, открыто заявляя, что "Пресвятую Деву Марию не следует называть Богородицей, так как Она родила не Бога, а только человека, с которым помимо Нее соединилось Слово Божие, предвечно рожденное от Отца; человек Иисус, рожденный от Марии, был только обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек, чрез наитие Святого Духа, стал Христом, т. е. помазанником, и Слово Божие пребывало с ним в особом нравственном или относительном соединении", точнее "в соприкосновении" только, а не в соединении по естеству, как учит Православная Церковь. Обращаясь к разъяснению страданий и смерти Бого-человека, — как страдал Христос Спаситель и как Он умер, — Несторий пояснял: "Можно сказать — умер Сын Божий в несобственном смысле, ибо только человек Иисус умер и восстал; страдания Бого-человека возможны были только потому, что во Христе Божество было в разделении с человечеством". Что касается евангельских и апостольских изречений, где о Христе говорится "то в смысле уничижительном, то в смысле неизреченного превосходства", Несторий, утверждая раздельность естеств во Христе, учил, что "одни из этих изречений нужно относить ко Христу как исключительно к человеку, другие — как исключительно к Богу».

Заявление патриарха, что Пресвятую Деву должно называть не Богородицею, а "человекородицею", вызвало в Константинополе всеобщее негодование, потому что употребление слова Богородица освящено было богослужебным и отеческим Преданием[1], и, кроме того, Богоматерь была признаваема за особую покровительницу города. Видя это, Несторий предложил новое наименование Девы Ма-

рии "Христородица", а потом согласился на принятие и церковного наименования с оговорками в смысле своего еретического заблуждения. Но уже понятно было, что в данном случае дело шло не о словах, а о неизмеримо более важном: об основном догмате христианства — догмате воплощения Сына Божия. Против еретичествующего патриарха выступили с открытыми обличениями: Прокл, пресвитер Константинопольский, впоследствии епископ Кизический, а затем патриарх Константинополя, и адвокат Евсевий, впоследствии епископ Дорилейский. Несторий назначил Проклу проповедь в день Благовещения. Прокл, воспользовавшись этим, начал проповедовать имея, конечно, в виду Нестория, хотя и не называя его по имени, что Пресвятую Деву должно именовать Богородицею. Самое заглавие проповеди говорило об этом: "О вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа, о том, что Святая Дева Мария есть Богородица, что родившийся от Нее есть Еммануил, Который есть вместе Бог и человек неслитно и непреложно". Евсевий же прервал однажды проповедь еретичествующего Нестория в кафедральном соборе таким громким восклицанием: "Ложь и богохульство! Воистину одно и то же Слово Божие и рождено Отцом в вечности, и воплотилось во времени от Девы для нашего спасения". Затем на воротах Константинополя усмотрен был прибитый свиток, (предполагают, что автор его тот же Евсевий), где Несторий обвинялся в возобновлении уже осужденной в III веке ереси Павла Самосатского; свиток заключал обвинение словами: "Анафема отделяющему Сына Божия от Сына Марии!"

Пользуясь покровительством императора, Несторий начал жестоко преследовать тех противников его еретического учения, каких он находил среди константинопольского клира и монастырей. Но дело Нестория, привлекшее к себе столь сильное внимание и возбудившее в столице столько горячих толков, естественно, получило огласку и за стенами Константинополя. «Из какого бы города, — пишет св. Кирилл Александрийский, — из какой бы веси не приходил кто, каждый спрашивает: "Что это за говор всеобщий, что за новое учение распространяется по церквам?"» С подобным вопросом пришли к самому Александрийскому патриарху (412-444 гг.) св. Кириллу некоторые монахи из египетских скитов: "Правду ли говорят, — спрашивали они святителя, — что нашлись где-то учителя, которые проповедуют, что Пресвятую Деву нельзя называть Богородицей?" Узнав, таким образом, от иноков, что в монастырях его епархии распространяются еретические проповеди Нестория, св. Кирилл высту-

пил на защиту православного учения. Как выдающийся богослов своего времени, как человек решительный и твердый и, наконец, как епископ одной из важнейших кафедр Восточной Церкви, св. Кирилл занимал первенствующее положение в борьбе православных с несторианством.

Свою борьбу с Несторием св. Кирилл открыл посланием "к отшельникам", т. е. египетским монахам. В этом послании, не называя Нестория по имени, св. Кирилл осуждает учение последнего, доказывая путем богословских умозрений, основанных на учении Священного Писания, Предания апостольского и святоотеческого и учения Никейского символа, что Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек: "Из двух естеств, Божества и человечества, един Еммануил, един Господь Иисус Христос, един истинный Сын Бог и вместе человек, не человек обоготворенный, подобный тем, кои благодатию соделываются причастниками божественного естества, но истинный Бог, Который ради нашего спасения явился в человеческом образе". Если же Господь Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек, то Пресвятая Дева Мария, как родившая Богочеловека, есть воистину Богородица. Вместе с этим св. Кирилл обратился с особым рассуждением о Православной вере к императору Феодосию и с подобным же, но более обширным рассуждением к императрице Евдокии и сестре императора Пульхерии.

Узнав о действиях св. Кирилла и будучи осведомлен, что послание "К отшельникам" получило значительное распространение вне египетских скитов и дошло даже до Константинополя, Несторий пришел в беспокойство и стал негодовать на св. Кирилла Александрийского. Тогда сторонники Нестория написали два послания: одно против послания "К отшельникам", а другое под заглавием: "Против тех, кои в учении о соединении естеств во Христе или уничижают Божество Единородного или обоготворяют человечество". Об этом сделалось известно св. Кириллу через "достопочтенных" и заслуживающих доверия мужей.

Чтобы выяснить дело и не основываться на одних недоразумениях, св. Кирилл решил обратиться с посланием к Несторию. Здесь он указывает причины появления его послания "К отшельникам". Оно было не смущением в вере, а неприятием поучений Нестория, которые приходили к Кириллу из всех восточных церквей и, наконец, запрос папы Целестина с епископами из Рима, куда проникли слухи о новом учении, — все это заставило Кирилла прервать молчание. "Вместо того, чтобы поносить меня, — советует в заключение св. Кирилл

Несторию, — лучше бы тебе исправить свои слова, дабы прекратить соблазн во Вселенской Церкви. Поверь, что лучшим средством в этом случае будет сказать соблазнившимся слово, назвать Святую Деву Богородицею, дабы мы и все другие могли в мире и единении совершать общественное богослужение". В ответ на это послание Несторий для объяснения между ним и патриархом Александрийским избирает пресвитера Лампона. Последнего он отправил с письмом от своего лица; заключительные строки письма гласили: "Опыт покажет, какой будет плод для нас от настойчивости благоговейнейшего пресвитера Лампона". Таким "плодом" было второе послание (так называемый "том" св. Кирилла) Несторию, представляющее собою возвышенное богословствование о догмате воплощения Слова Божия.

Трогательно заключение послания: "Пишу к тебе эти слова, побуждаемый любовию во Христе и, как брату, советую тебе и умоляю пред Богом и святыми ангелами Его одинаково с нами мыслить и учить, дабы сохранился мир церковный и чтобы союз единомыслия и любви пребыл неразрывным между священниками Божиими. Приветствуй братию, находящуюся при тебе; тебя приветствуют братия, находящиеся со мною". Несторий ответил и на второе послание св. Кирилла особым посланием, в котором, вместо сознания своих заблуждений и готовности исправить их, наоборот, отстаивает свое лжеучение и даже в словах, полных гордости и насмешки, укоряет и призывает к исправлению святого.

Видя всю бесполезность сношений с Несторием, св. Кирилл решает обратиться за содействием в Рим к папе (422—432 гг.) Целестину; хотя он раньше и находился в разрыве с Римским епископом (из-за своего дяди и предшественника по кафедре Феофила, отлученного от Церкви папой Иннокентием I несправедливо, по мнению св. Кирилла), но теперь, ввиду надвигавшегося общецерковного бедствия, примиряется. В послании к папе Целестину св. Кирилл обрисовывает истинное положение дел в Восточной Церкви, созданное Несторием, и отсюда объясняет и свое обращение к папе и свои действия по отношению к Несторию. "Признаюсь, — пишет св. Кирилл, — я соборною грамотою хотел довести до его (Нестория) сведения, что мы не можем входить в общение с тем, кто так говорит и мыслит; но прежде чем решиться на такой разрыв сношений, я заблагорассудил наперед сделать сношение с твоим благочестием: благоволи письменно изложить свое мнение о том, должно ли нам еще иметь общение с ним". В подтверждение своих слов об еретичестве

Нестория св. Кирилл посылает папе беседы, говоренные Несторием в церкви, сделав предварительно их перевод.

Папа Целестин осудил Нестория на поместном Римском соборе 430 года, и ответ его св. Кириллу был в высшей степени благоприятен для последнего. Папа огорчился “нечестным” учением Нестория и находит для себя утешение в благочестии Кирилла. Становясь на почву христианского терпения, папа по отношению к Несторию считает за лучшее такое решение: сначала должно подать Несторию голос предостережения и только после этого, в случае его упорства, “нужно отсечь больной член, от которого страдает не он один, а поедается все тело Церкви”. Папа уполномочивает св. Кирилла объявить Несторию от своего имени и от имени его, папы, чтобы Несторий, под страхом низложения и отлучения, в десятидневный срок отрекся от своего заблуждения и обратился к вере, содержимой Римом, Александрией и всей Вселенской Церковью.

Между тем Несторий, воспользовавшись одним недоуменным случаем канонического характера, обратился к папе Целестину тоже с посланием. Объяснив повод, вынудивший его обратиться к Римскому епископу, Несторий переходит к объяснению догматических волнений, возникших в Восточной Церкви; здесь он недобросовестным образом излагает учение святого Кирилла о воплощении Слова Божия, приписывая Александрийскому епископу чуждые ему мысли; опровергая Кирилла, Несторий излагает свое учение. Не получая ответа от папы, Несторий обращается к нему со вторым, подобным первому посланием. Наконец приходит ответ от папы, в котором последний, призывая Нестория к исправлению в его нечестии, объявляет ему, что доказательством такого исправления должно служить воссоединение с Церковью всех, отлученных Несторием за несогласие с ним.

Для изъявления раскаяния Несторию, как и ранее в послании св. Кириллу, папа назначает десятидневный срок. В то же время Целестин обратился с обширным посланием к клиру и народу константинопольскому и с менее обширными — к Ювеналию, епископу Иерусалимскому, Флавиану Филиппийскому, Руфу Фессалоникийскому и Иоанну Антиохийскому, воспитывавшемуся с Несторием в одном монастыре близ Антиохии; в этих посланиях папа обличал Нестория, сообщая о том осуждении, какое предстоит последнему в случае его упорства. И св. Кирилл также писал некоторым восточным епископам, излагая сущность спора между ним и Несторием. От престарелого Акакия Берийского, Иоанна Антиохийского и дру-

гих он получил ответы: в них не одобрялось развиваемое Несторием учение, но вместе с тем находилась просьба не доводить дело до открытого разрыва.

После соглашения с Римом св. Кирилл препроводил полученное от папы послание к Несторию с посланием от имени Александрийского собора, в котором от Нестория требовалось письменное, с клятвою, отречение от его заблуждения. Послание это заканчивалось знаменитыми в истории несторианства анафематизмами, числом двенадцать, излагающими спорные пункты между св. Кириллом и Несторием по вопросу о воплощении Сына Божия.

Анафематизмы эти следующие:

1) "Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и посему Святую Деву Богородицею, так как Она по плоти родила Слово, сущее от Бога, ставшее плотию, да будет анафема.

2) Кто не исповедует, что Слово, сущее от Бога Отца, соединилось с плотию ипостасно и что посему Христос един с Своею плотию, т. е. один и тот же есть Бог и вместе человек, анафема.

3) Кто во едином Христе, после соединения естеств, разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, т. е. в воле или силе, а не союзом, состоящим в единении естеств, анафема.

4) Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребляемые святыми о Христе или Им Самим о Себе, относит раздельно к двум лицам (ипостасям) и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Божия, а другие, как богоприличные, к одному только Слову Бога Отца, анафема.

5) Кто дерзает называть Христа человеком богоносным, а не Богом истинным как Сына единого с Отцом по естеству, так как Слово стало плотию и приблизилось к нам, восприяв нашу плоть и кровь *(Евр. 2, 14)*, анафема.

6) Кто дерзает говорить, что Слово Бога Отца есть Бог или Владыка Христа, а не исповедует Его же Самого Богом и вместе человеком, так как, по писаниям *(Ин. 1, 14)*. Слово стало плотию, анафема.

7) Кто говорит, что Иисус, как человек, был орудием действий Бога Слова и окружен славою Единородного, как существующий отдельно от Него, анафема.

8) Кто дерзает говорить, что воспринятому Богом человеку должно поклоняться с Богом Словом, должно Его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом, а не чтить Еммануила единым поклонением, и не воссылает Ему единого славо-

словия, так как Слово стало плотию, анафема.

9) Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался через Него как бы чуждою силою и от Него получил силу побеждать нечестивых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает Его собственным Его Духом, через Которого Он совершил чудеса, анафема.

10) Кто говорит, что первосвященником и ходатаем нашим был не Сам Бог Слово, когда стало плотию и подобным нам человеком, а как бы другой некто, отличный от Него, человек, происшедший от жены, или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за Самого себя, а не за нас только Себя, анафема.

11) Кто не исповедует плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею Самому Слову Бога Отца, но принадлежащею как бы другому кому, отличному от Него и соединенному с Ним по достоинству, т. е. приобретшему только Божественное в себе обитание, и не исповедует плоть Его животворящею, так как Она стала собственною Слову, могущему все оживотворить, анафема.

12) Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотию, распятым плотию, принявшим смерть плотию и, наконец, ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящий, как Бог, анафема.

Патриарх Антиохийский Иоанн, друг Нестория, советовал последнему подчиниться и принять слово Богородица. Несторий торжественно заявил, что он готов признать наименование Богородица, поскольку рожденный от Девы человек Иисус соединен был с Богом Словом. Но против анафематизмов св. Кирилла он восстал со всею решительностью; в особом сочинении Несторий по пунктам, тоже в числе двенадцати, представил свои опровержения анафематизмов; здесь, по недостатку богословских познаний, Несторий высказал явно еретические мнения, что оттолкнуло от него и некоторых из его сторонников.

Во время этого обмена посланиями св. Кирилла Александрийского, Нестория и папы Целестина между собою, несторианские волнения глубоко затронули верующих, которые разделились на две стороны: одни держались учения, признанного затем на III Вселенском соборе православным, другие же стояли за несторианскую ересь. К первым принадлежали те поместные церкви, члены коих в IV веке являлись поборниками Никейского символа. Во дни ожесточенных арианских волнений главным противником этой ереси была Александрийская церковь, руководимая своим архиепископом Афанаси-

ем. И теперь при несторианских спорах главным защитником православия, как видим, был св. Кирилл, патриарх Александрийский. Отцы Египетской церкви заявляли на III Вселенском соборе: "От епископов Египетских требовать отчета в Православной вере излишнее дело. Ибо всякому очевидно, что мы следуем вере святейшего Кирилла".

Таких отцов, примыкавших к св. Кириллу, было на III Вселенском соборе пятьдесят. Церковь Римская и теперь, как ранее во времена арианских волнений, присоединяется к церкви Александрийской. То же самое должно сказать о Фессалонике, Македонии, Иллирике и Иерусалиме. Наконец, во дни арианства ревностными защитниками православия были монахи, и во время несторианских движений монахи, начиная с Константинополя, повсюду, держась православия, относятся к несторианству как к ненавистному и богохульному учению.

Относительно же сторонников Нестория замечается подобное же явление: за него боролись те же страны и церкви, которые боролись за арианство. Антиохия Сирийская — гнездо арианства, была тем же самым и по отношению к несторианству. Все вожди несторианского движения вышли отсюда. Иоанн, архиепископ Антиохийский, объявляя себя другом Нестория и поименовывая при этом наиболее видных епископов своего округа, замечает о них, что они тоже относятся к Несторию "с любовью" и считают его дело "своим собственным делом". Ранее из Константинополя "раскидывались тенета для уловления приверженцев (арианскому) нечестию". Несторий из Константинополя тоже с успехом приобретал себе сторонников и пользовался среди некоторых такою любовью, что даже после его изгнания, последовавшего за соборным осуждением, народ по кончине его преемника по кафедре Константинопольской Максимиана восклицал: "Да будет Несторий снова епископом в столице!" Сторону Нестория держат епископы Ираклийский, многие сирийские, азийские и понтийские; вообще, можно сказать, что Азия склонилась к несторианской ереси, как ранее склонилась к арианской.

Отмеченное различие православных и несториан в воззрениях на догмат воплощения или, точнее, на соединение естеств во Иисусе Христе коренилось в различном решении ими основного вопроса об отношении веры к знанию. Защитники православного учения против несториан примыкают здесь к воззрениям св. Афанасия Александрийского, св. Василия Великого и св. Григория Богослова, — что в исследовании вопросов веры разуму должен быть положен

предел, ибо вера выше разума. “Зачем, — спрашивает св. Кирилл, — мне заботливо исследовать Писание, а не мудрствовать в простоте сердца согласно с ним?”

Касаясь святейшей и величайшей тайны нашего спасения — тайны воплощения Слова Божия, тот же святой отец замечает: “Прими благоволение Отца, даровавшего нам собственного Сына. Не исследуй, прошу, этого дела. Оно не поддается разуму языческой мудрости и обыкновенному пониманию — чуждо того и другого”. “Какая необходимость предлагать всем эти вопросы (о воплощении), столь утонченные и сокровенные? Не больше ли бы пользы принесли мы людям изъяснением нравственного учения, когда мы еще неспособны с надлежащею верностью проникать в догматическое учение?” Подобных мыслей держался и папа Целестин. В изысканиях о вере папа призывает к чрезвычайной осторожности: “Надобно более бояться и не высокомудрствовать, углубляясь в изыскания; не должно, как сказано, исследовать предметов высших себя”. Относительно же истины воплощения Слова Божия папа запрещает какие бы то ни было исследования разума: “Пусть устранится вопрос о рождении (Христа), который всякий истинно верующий должен решить в простоте сердца, ибо кто осмелится испытать Бога?”

Другой видный защитник православия и приверженец св. Кирилла Феодот, епископ Анкирский, призывает разум к молчанию при виде истины воплощения Христова: “Не спрашивай меня об образе чудес Божиих, ибо скажу тебе: чудеса показывают только, что совершилось, а знать образ совершения я предоставлю Богу. Не задавай вопроса: каким образом Бог пребывает Богом и делается человеком? Верь чуду и не испытывай умом совершившееся”. Не таких воззрений, но совершенно обратных, держались несториане: они силились постигнуть величие Божие способом человеческого исследования.

Видя себя осужденным Римом и Александрией, Несторий единственным выходом из своего затруднительного положения считал созвание Вселенского собора для рассмотрения спорного вопроса. Того же желали и некоторые из защитников православия. Поэтому в ноябре 430 года император Феодосий II от себя и от имени западного императора издал повеление о созыве Собора в Ефесе, в городе, где Божия Матерь в последние годы Своей жизни имела местопребывание. Временем открытия Собора назначалась ближайшая Пятидесятница. Каждый из митрополитов должен был взять с собою на предстоящий Собор такое число епископов, какое находил необ-

ходимым, сообразуясь с нуждами митрополии, чтобы на месте оставалось необходимое число епископов для исполнения архипастырских обязанностей. Наблюдение за "благоприличием" или ходом дел на Соборе, без права вмешательства в исследования членов собора о догматах, указом императорским поручено было придворному сановнику Кандидиану.

С совершенно противоположными воззрениями и намерениями съехались в Ефес епископы еретичествующие и епископы православные. Несторий и его единомышленники созыв Собора поняли как позволение произвести "новый пересмотр церковного учения"; св. Кирилл и его сторонники, напротив, понимали, что вопрос о воплощении Сына Божия есть дело веры, а не разума. Несторий прибыл в Ефес вскоре после Пасхи (19 апреля) с 16 епископами и со своим другом вельможей Иринеем. Св. Кирилл Александрийский явился на Собор с 50 епископами, множеством мирян и монахов, имея при этом полномочия от папы Целестина. Около 40 епископов было у Мемнона, митрополита Ефесского. От Африканской церкви не было ни одного представителя вследствие нашествия вандалов; лишь Каприол, епископ Карфагенский, написал послание, прося отцов Собора не вводить никакого новшества. Папа Целестин в качестве представителей и своих и "всего собора западного" отправил на Собор в Ефес двух епископов и одного пресвитера с наказом им руководствоваться суждением Кирилла Александрийского. Представители папы, однако, не поспели к началу собора. Тем не менее собралось около 200 епископов. Кандидиан, следуя данной ему императором инструкции, распорядился, чтобы все монахи и пришлые миряне оставили Ефес и чтобы ни один епископ ни в коем случае не покидал город, пока не окончатся заседания.

Между тем друг Нестория Иоанн Антиохийский с епископами своего округа все еще не являлся вследствие затруднения созвать епископов, не могших выехать раньше окончания пасхальной недели, отчасти вследствие смятения в его городе, вызванного недостатком провизии и, главным образом, вследствие плохого состояния дорог по причине дождей.

Так прошло шестнадцать дней за срок, назначенный императорским указом для открытия Собора. Св. Кирилл, принявший председательство на Соборе, решил открыть его, не дожидаясь Иоанна Антиохийского. Св. Кирилл действовал так, ревнуя о славе Богоматери, во исполнение точного требования императорского указа рассмотреть дело без всякого промедления и после извещения двух си-

рийских епископов, посланных вперед Иоанном, которые доложили: "Господин епископ Иоанн повелел сказать вашему благочестию — делайте свое дело". Нестория и единомышленных с ним епископов трижды через особую депутацию приглашали на Собор: первый раз перед самым открытием Собора, а второй и третий после открытия. Первая депутация получила от Нестория двусмысленный ответ: "Посмотрю и, если мне нужно будет прийти, приду". Вторая и третья депутации не были даже допущены до Нестория.

22 июня 431 года под председательством Александрийского патриарха Кирилла в главном храме Ефеса открылся Собор не менее 160-ти епископов, главным образом из Александрии, Иерусалима, Палестины и Иллирика; 68 епископов, сторонников Нестория, заявили протест против открытия Собора до прибытия Иоанна Антиохийского; этот протест поддерживал и чиновник императора Кандидиан. Но когда он явился, отцы попросили его по прочтении им царского указа о правах и обязанностях Собора удалиться. При разрешении вопросов, поднятых несторианством, отцы за руководственное начало взяли учение символа Никейского, который не раз прочитывался на Соборе, причем отцы постановили хранить Никейский символ в совершенной целости: "Святой собор определил не позволять никому произносить, писать, или слагать иную веру, кроме определенной святыми отцами, сошедшимися в Никее".

С прочтения Никейского символа и открылось первое заседание отцов III Вселенского собора; за ним следовало чтение второго послания св. Кирилла к Несторию, встреченное общими знаками одобрения за его согласие с Никейским символом. Прочитано было письмо Нестория в ответ св. Кириллу, причем отцы произнесли анафему как автору письма, так и его учению. Среди других, читанных на первом заседании Собора, документов оглашено было и третье послание св. Кирилла Несторию, содержащее так называемые "анафематизмы"; оно тоже с одобрением было принято Собором. Затем, по предложению св. Кирилла, постановили расспросить некоторых епископов и о беседах Нестория; сообщения епископов, которым пришлось иметь разговор с Несторием в Ефесе, не оставляли сомнения, что Несторий богохульно мыслит о божественном достоинстве Искупителя.

Для более тщательного выяснения православного учения о соединении естеств во Христе Спасителе заслушан был особый свод изречений чтимых всею Церковью отцов: св. Петра, епископа Александрийского, св. Афанасия Великого, Юлия, папы Римского, св.

Феликса, папы Римского, Феофила, епископа Александрийского, св. Киприана Карфагенского, Амвросия, епископа Медиоланского, Григория Нисского, Аттика, епископа Константинопольского, Амфилохия, епископа Иконийского.

Потом отцы Собора нашли нужным с этими извлечениями из сочинений отцов сопоставить извлечения из сочинений Нестория; последние вызвали всеобщее неодобрение.

Решив спорный вопрос о соединении естеств во Христе в том смысле, что "два естества — Божеское и человеческое — соединены во Христе нераздельно и неслиянно"; отцы III Вселенского собора в том же первом заседании решили и вопрос о низложении Нестория, составив следующий приговор: "Так как нечестивейший Несторий сверх прочего не захотел повиноваться нашему приглашению и не принял посланных от нас святейших и благочестивейших епископов, то мы вынужденными нашлись исследовать нечестивое его учение. Открывши же, частию из его писем, частию из других сочинений, частию из бесед, которые он недавно имел в сей митрополии (т. е. Ефесе) и которые подтверждены свидетелями, что он и мыслит, и проповедует нечестиво, мы вынуждены были, на основании канонов и послания святейшего отца и сослужителя нашего Целестина, епископа Римского, произнести против него, хотя не без горьких слез, следующее определение: Господь наш Иисус Христос, на Которого он изрыгает хулы, устами сего святейшего Собора определяет: лишить его епископского сана и отлучить его от общения церковного".

Приговор на другой день объявлен был Несторию в такой форме: "Святой Собор, собранный благодатию Божией по повелению благочестивейших и христолюбивейших наших императоров в митрополии Ефесе, Несторию, новому Иуде. Знай, что ты, за нечестивые твои проповеди и противление канонам, в 22 день текущего месяца июня, на основании церковных правил, низложен святым Собором и лишен церковной степени". Этот приговор подписали более 200 епископов. И хотя епископов на Соборе было только около 160, но многие из присутствовавших имели право подписываться за отсутствующих.

По осуждении Нестория Собор уведомил об этом Константинополь особым посланием, адресованным Константинопольским клирикам и экономам Константинопольской церкви; составлено и послано было от лица Собора и донесение императору, где с изложением хода соборных заседаний находилась просьба, чтобы император повелел истребить в Церкви все учение Несториево, книги его,

где они найдутся, — сжечь и всем, кто осмелится последовать учению Нестория, пригрозить гневом императорского величия. Вслед за этим посланием к императору поступило донесение от Нестория, где содержались обвинения на Собор св. Кирилла и где Несторий оправдывает свое отношение к порицаемому им Собору. Между тем 27 июня прибыл в Ефес Иоанн Антиохийский с 14 восточными епископами. От православных епископов Иоанну была послана навстречу особая депутация для склонения его на сторону уже состоявшегося решения Собора, но Иоанн депутации не принял. На другой день Иоанн составил свой Собор, на котором присутствовало не более 43 епископов. Собор этот, известный под печальным наименованием "Отступнический", низложил св. Кирилла Александрийского и Мемнона, епископа Ефесского как "зараженных неизлечимою болезнью"; прочих же епископов, единомысленных Кириллу, отлучил лишь от общения, пока они в знак раскаяния не произнесут осуждения на "еретические" анафематизмы Кирилла Александрийского. Об определении своего Собора Иоанн и его сочлены отправили донесения императору, императрицам, клиру, народу и сенату Константинопольскому. Во всех этих посланиях Иоанн доказывает правоту своих действий и обвиняет Кирилла.

Узнав о деяниях Иоанна, Кирилл и Мемнон снова пригласили собратий епископов на Собор для обвинения Иоанна в незаконных действиях, так как Иоанн не пригласил на свой собор обвиненных епископов. На Собор прибыли 10 июля и замедлившие в пути легаты Римского папы. Ознакомившись с деятельностью Собора под председательством св. Кирилла, они встали на сторону православных. Собор трижды приглашал Иоанна Антиохийского на свои заседания, чтобы он доказал справедливость своего обвинения на Кирилла, но Иоанн отказался, почему Собор Вселенский решил отсечь Иоанна и его сторонников от церковного общения и дать знать об этом императорам.

Так, в Ефесе образовались две враждебные стороны епископов, угрожавшие одна другой и отлучавшие друг друга. Чтобы выяснить истинное положение дела перед императором, которому оно было представлено в неблагоприятном свете для православных Кандидианом, державшим сторону еретичествующих, православные епископы послали императору просьбу: отозвать Кандидиана и позволить пятерым из них лично явиться ко двору. К этому письму присоединены были "Деяния Собора", просмотренные св. Кириллом. Но Кандидиан закрыл все пути к Константинополю, чтобы послание

не дошло по назначению. Тогда отцы Собора вручили нищему послание епископам и монахам Константинополя с изображением хода соборных дел и стеснений, претерпеваемых православными в Ефесе.

Нищий пронес письмо в Константинополь на палке. По получении послания в столице началось сильное возбуждение, главным образом в монастырях: обитатели последних с пением антифонов отправились ко дворцу императора. Среди иноков самым выдающимся был преп. Далмат. В течение сорока восьми лет он пребывал безвыходно в затворе, не покидая его даже тогда, когда сам император просил его участвовать в торжественных крестных ходах по случаю землетрясения. Божественный голос свыше повелел теперь преподобному покинуть затвор. Преп. Далмат и другие были допущены к императору. Великий подвижник показал ему послание из Ефеса, изложил жалобы православных и спросил: не лучше ли присоединиться к одному нечестивцу, чем к множеству епископов, рассеянных по вселенной и представленных своими собратьями в Ефесе? "Соучастники Нестория, — говорил преподобный, — во множестве приходят (в Константинополь) и уходят невозбранно, а православные епископы в стеснении". Тронутый посланием Феодосий дал обещание вызвать в Константинополь доверенных от Собора. Император действительно вскоре сдержал свое обещание, и епископы, представляющие православную сторону, прояснили императору и вообще всем в Константинополе создавшееся в Ефесе положение, так что дело приближалось к окончательному решению в пользу православия и св. Кирилла.

Но в это время прибыл в Константинополь имеющий большие связи при дворе сторонник и друг Нестория и Иоанна вельможа Ириней. Он добился пересмотра дела. И в результате св. Кирилл и его собратья епископы были обвинены как делавшие все "самовластно и противозаконно, и потому (они) подлежат отлучению от Церкви и другим наказаниям". Уже приготовлен был указ для подписи императору, и лишь прибытие домашнего секретаря Кирилла Иоанна, сумевшего восстановить поруганную правду, разрушило козни Иринея настолько, что мнения сановников, пересматривавших дело, разделились. Император, очевидно потерявшийся среди этих взаимных обвинений и донесений, решил для умиротворения спорящих низложить Нестория, св. Кирилла и Мемнона. С таким указом он и послал в Ефес комита Иоанна, назначенного на место Кандидиана, с поручением сделать то, что он признает полезным относительно веры. Иоанн ничего не мог сделать в Ефесе по причине царившего там

величайшего смятения; взаимное ожесточение сторон было так сильно, что Иоанн не добился примирения. Он заключил под стражу св. Кирилла, Мемнона и Нестория и донес императору о безуспешности своей миссии.

Наконец император, склоняясь к общим просьбам, устроил в Халкидоне совещание из 16 епископов, прибывших сюда из Ефеса, по 8 от соперничавших сторон. На совещании этом, в присутствии императора, отцам православного Собора открылась возможность доказать истинность постановлений последнего и свою правоту. Благодаря этому еще до роспуска совещания в Ефесе было получено предписание освободить с восстановлением в прежних правах св. Кирилла и Мемнона; Несторий же "увольнялся в место своего прежнего пребывания, то есть в Антиохию, откуда прибыл на престол Константинопольский".

По прошествии некоторого времени епископы, заседавшие в Халкидоне, переведены были в Константинополь; затем православным епископам повелено было избрать преемника Нестория; был избран и рукоположен Максимиан, инок отшельнического и нечестолюбивого характера. Относительно же Нестория вышел следующий декрет к Исидору Преторианиту, префекту и консулу: "Хотя известно, что мы занимаемся делами общественными, однако же к не меньшей заботливости с нашей стороны относится утверждение кафолической веры; охранением веры мы надеемся служить благу общественному. Посему, когда Несторий, бывший пастырь кафолической Церкви, а теперь изменник вере, вдался в такое страшное злочестие, необходимо, чтобы он подвергся суду нашей светлости и получил наказание, достойное его поведения, за то, что отвержением законов досточтимой Церкви сделался виновником ужасной ереси; и как он повредил веру тех, которых склонил к участию в измене, то и должен принять на себя вину чужой измены. Посему ты, по своей власти и с свойственным тебе правом, да повелишь упомянутого Нестория за оказанное им нечестие подвергнуть всегдашнему изгнанию в Петру (город в Аравии), а все имение его передать Константинопольской церкви для умножения сокровищ того священнейшего места, таинства которого он нарушил. Ибо таким образом в душах людей сохранится благоговение к святейшей вере и, при утверждении благочестия, процветет благоденствие нашей империи".

Прочим епископам повелено было возвратиться в свои страны и города. Св. Кирилл прибыл в Александрию 30 октября, где был с величайшим восторгом и честью принят своею паствою. Несторий

же из Петры через некоторое время попал в отдаленный египетский оазис Ибис; здесь он был взят в плен кочевниками; отпущенный ими, вскоре умер в совершенной безвестности от старости и изнурения. На последователей Нестория было воздвигнуто жестокое гонение; уцелевшие от него бежали в Персию, где в течение долгого времени пользовались особым покровительством государства.

Так разрешились к торжеству православия бурные прения, поднятые Несторием и взволновавшие весь христианский мир. Но, к великому сожалению, это торжество не было внутренним примирением враждующих сторон. Епископы во главе с Иоанном Антиохийским отбыв из Ефеса, составили на пути, в Тарсе, а потом и в Антиохии, Собор, на котором решили опротестовать низложение Нестория; причем было подтверждено состоявшееся в Ефесе определение о низложении св. Кирилла. Только непреклонная воля императора, чтобы "споры были прекращены и водворился мир Господень", остановила раздоры; конец же вражде положила впоследствии деятельность того же св. Кирилла, этого великого борца за правую веру и мудрого ревнителя церковного мира.

Воспоминание III Вселенского собора совершается Православною церковью 9 сентября.

Примечания:

[1] Свидетельства об употреблении наименования Богородица с ранних пор встречаются в церкви Александрийской (у Оригена, еп. Александра и св. Афанасия Великого), в Кесарии Каппадокийской (у св. Василия Великого), в Кесарии Палестинской (у Евсевия Кесарийского) и в самом Константинополе (у св. Григория Богослова).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Вселенский собор в Ефесе не положил конца распрям о Лице Богочеловека, не примирил православных и несторианствующих. Однако уже в 30-е г. V века это примирение достигается посредством унии, т.е. единения, почти прекратившего церковное разделение.

Император Феодосий Младший, видя, что Ефесский собор не достиг умиротворения церковного, по окончанию его, обратился к Иоанну Антиохийскому с требованием войти в общение с Кириллом Александрийским. Вначале Иоанн и его приверженцы хотели восстановить этот мир несправедливою ценою — требованием, чтобы св. Кирилл отказался от всех своих сочинений, где им раскрывалось учение о Лице Богочеловека: такой отказ был бы равносилен отрицанию догматической деятельности только что закончившегося Ефесского Вселенского собора. Св. Кирилл, конечно, не согласился на это и, наоборот, обратился к антиохийским епископам с кротким и справедливым предложением отказаться от еретических (несторианских) мыслей, присоединиться к решению Ефесского Вселенского собора о низложении Нестория и признать законным пастырем архиепископа Константинопольского Максимиана, избранного на его место низложенного Нестория Ефесским собором из лиц единомысленных св. Кириллу.

В ответ на это св. Кириллу, по его собственным словам, "...вручено было письмо от Иоанна, заключающее в себе не то, что следовало, написанное не как должно было, — в тоне насмешки, а не соглашения. "Ибо, — говорит св. Кирилл, — вместо того, чтобы успокоить меня в печали, причиненной событиями предшествующими и их (т. е. антиохийских епископов) собственными поступками в Ефесе, они сочли благовременным излить на меня свой гнев, порожденный как бы ревностью их к святым догматам". Но, стремясь к миру церковному, св. Кирилл не переставал прилагать усилий к его достижению. И Господь благословил труды великого архипастыря; плодом их было то, что Иоанн Антиохийский от всех епископов антиохийского округа прислал св. Кириллу исповедание веры. Сущность заключалась в следующем: "Мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос, единородный Сын Божий, есть совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последнее время ради

нас и ради нашего спасения от Марии Девы по человечеству; что Он единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству, ибо в Нем совершенное соединение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основании такого неслиянного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицею, потому что Бог-Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый. Известно, что богословы одни из евангельских и апостольских изречений о Господе признают общими, как принадлежащие одному лицу, другие же, по причине различия двух естеств, принимают раздельно, и те из них, которые приличны Богу, относят к Божественности Христа, уничижительные же Его человечеству.

Объясняя последние слова послания антиохийских епископов, св. Кирилл замечает, что этим они "утверждают не то, что одни наименования приличествуют Слову Бога Отца, как Сыну Самому по Себе взятому отдельно, а другие — Ему, рожденному от жены так, как другому Сыну опять отличному, но то, что одни приличны Его Божеству, другие человечеству".

В конце послания находилось анафематствование Нестория и его учения с заявлением о принятии в общение Максимиана.

Это исповедание Иоанна и единомысленных с ним епископов св. Кирилл Александрийский принял как дар с неба и признал его вполне православным. Мир церковный начал водворяться и стали затихать распри, как видно из следующих выражений послания Иоанна Антиохийского в 437 году: "...все епископы востока (т. е. Антиохийского округа), как и епископы всего прочего мира, осудили Нестория и согласились на его низложение. Мы сделали и объявили, что надлежало, вот уже четыре года. Все епископы приморские согласились и подписались. Епископы второй Финикии, киликийцы сделали это прошлым годом; арабы через своего епископа Антиоха; страны Месопотамские, Озраены, Евфрата и вторая Сирия одобрили все то, что мы сделали. Мы уже давно получили (благоприятный) ответ со стороны исаврийцев; все епископы первой Сирии подписались с нами".

Однако при крайнем напряжении церковной жизни около вопросов, поднятых несторианством, уния не могла не встретить осуждения со стороны некоторых, недовольных ею и в Александрии, и в Антиохии. Особенно опасны были для церковного мира те противники соглашения церковного между Александрией и Антиохией, которые вышли из рядов почитателей св. Кирилла. Это были предтечи

вскоре появившейся монофизитской ереси. Они сочли изменой православию общение св. Кирилла с Иоанном Антиохийским и видели ересь в его учении о двух естествах во Христе. Св. Кирилл все сделал со своей стороны, чтобы заставить замолкнуть врагов из числа своих прежних друзей. Он, применяясь к их воззрениям, не уставал изъяснять, что учением о двух естествах во Христе не исключает учения об их соединении. Но упорные в своем заблуждении бывшие его друзья не внимали разъяснениям и увещаниям, и великий иерарх сошел в могилу, не будучи уверенным, что уния утвердится.Чем далее шло время, тем более возрастало число сторонников и защитников унии, что еще сильнее озлобляло врагов ее, вышедших из рядов бывших почитателей св. Кирилла. Несмотря на свою многочисленность, они вели себя сдержанно, пока был жив св. Кирилл, пользовавшийся уважением в Церкви. Но с его уходом положение дел изменилось. Враги унии в Александрии начали открыто действовать против нее во имя православия, а в действительности во имя своего еретического учения, известного в истории Церкви под именем монофизитства. Еретики-монофизиты, или в переводе с греческого, *единоестественники*, назывались так потому, что учили об *одной* Божественной природе во Христе Иисусе, — о полном слиянии в Нем Божественной и человеческой природы с поглощением последней первою.

Главным представителем монофизитской ереси был Евтихий — архимандрит одного монастыря в Константинополе. Во дни III Вселенского собора св. Кирилл прислал Евтихию экземпляр описания деятельности только что закончившегося Собора. Но Евтихий, как и все александрийцы, противившиеся унии, почитал св. Кирилла только как борца за православие против Нестория; деятельность же св. отца во время и после унии он считал ошибкой, если не изменой православию. Поэтому Евтихий не признавал сочинений, написанных знаменитым Александрийским архиепископом в целях подготовки унии и для защиты ее. В этих сочинениях развивалась и усиленно утверждалась мысль о двух естествах в лице Господа Иисуса Христа, что совершенно противоречило еретическим монофизитским воззрениям Евтихия, который учил: "После воплощения Бога Слова я поклоняюсь одному естеству, — естеству Бога воплотившегося и вочеловечившегося"; "...исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество". Нужно заметить, что эти изречения встречаются у св. Кирилла Александрийского, который сам заимствовал их из писаний

св. Афанасия Александрийского; таким образом, они не являются изобретением Евтихия, но взяты им из сочинений св. Кирилла без связи с его прочими воззрениями и потому носят еретический характер, какого не имеют на своем месте. Однако то обстоятельство, что приведенные изречения встречались в сочинениях св. Кирилла, придавало вид истинности еретическому учению монофизитов и привлекало к нему последователей из числа недальновидных христиан.

Дело об Евтихии поднял известной борьбою с Несторием Евсевий, епископ Дорилейский. (Дорилея, город Фригии). На одном из епископских соборов, столь частых в древнее время, и на этот раз собравшемся в Константинополе в 448 году, Евсевий сделал заявление, что Евтихий, архимандрит известнейшего монастыря в Константинополе, еретически, несогласно с преданием апостольским и учением Никейского символа, мыслит об Искупителе и таинстве искупления. В особой записке, поданной с этим заявлением Флавиану, архиепископу Константинопольскому и собору епископов, Евсевий писал между прочим: "Я просил Евтихия, пресвитера и архимандрита, чтобы он не предавался такому поражению чувств, опьянению мышления и исступлению ума, что даже забывает страх Божий, дерзает называть еретиками тех отцов, которые считаются в числе святых у нас, последователей их веры; но он, имея невоздержные уста и необузданный язык, не перестает отрицать благочестивые догматы православия. Умоляю и прошу вашу святость, не оставьте без внимания моей просьбы, но прикажите Евтихию, пресвитеру и архимандриту, явиться на святой ваш Собор и защищаться в том, в чем я обвиняю его. Я готов обличить его, что он притворно носит имя православного и совершенно чужд православной вере".

Не желая предавать дело огласке и не считая в то же время возможным оставить заявление Евсевия без внимания, Флавиан, председатель Собора, предложил Евсевию объясниться с Евтихием келейно. Но оказывается, Евсевий не раз и не два ходил к Евтихию для увещания, и бесполезно. Теперь же Евсевий решительно заявил: "Невозможно, чтобы я опять отправился к нему и услышал хульные слова". Видя непреклонность Евсевия, Собор нашел себя вынужденным отправить к Евтихию депутацию из пресвитера Иоанна и диакона Андрея; депутация обязана была представить Евтихию записку Евсевия Дорилейского и пригласить архимандрита на Собор для объяснения.

Возвратившись от Евтихия, депутация заявила следующее: "Ходили мы к нему в его монастырь, прочли ему обвинительную запис-

ку, вручили ему копию с нее, объявили ему обвинителя и возвестили, что его вызывают оправдаться перед вашею святостью. Он идти и оправдываться совершенно отказался, говоря, что у него определено и как бы законом положено от начала никогда и никуда не отлучаться от своего братства, а жить в монастыре, некоторым образом как во гробе. Он просил нас возвестить вашей святости, что будто бы боголюбезнейший епископ Евсевий, бывший издавна врагом ему, по ненависти и неприязни возвел на него это обвинение. Он утверждал, что готов согласиться с изложением святых отцов, составлявших Собор в Никее и в Ефесе, и обещал подписать их толкования... После воплощения Бога Слова, т. е. рождения Господа нашего Иисуса Христа, он поклоняется одному естеству, естеству Бога, воплотившегося и вочеловечившегося... Что Господь наш Иисус Христос состоит из двух естеств, соединившихся ипостасно, чего он не встречал в изложениях святых отцов, и ежели случится ему у кого-либо вычитать что-нибудь подобное, он не примет этого, потому что божественное писание превыше учения отцов. Он исповедал, что Родившийся от Девы Марии есть совершенный Бог и совершенный человек, не имеющий плоти единосущной нам".

"Выслушанных показаний, — сказал Евсевий после доклада депутации, — достаточно для уяснения того, какое нечестивое мнение, противное изложениям святых отцов, имеет Евтихий. Я прошу вызвать Евтихия сюда снова". Решено было отправить Евтихию вторую депутацию, в которую вошли два пресвитера Мамма и Феофил; депутатам вручена была вызывная грамота, призывавшая Евтихия явиться на Собор "без всякого отлагательства". Из доклада Собору этой второй депутации видно, что Евтихий два раза отказывал депутатам в приеме под предлогом болезни и, лишь благодаря своей настойчивости, депутация добилась нужного свидания. "Вошедши (к Евтихию), — говорили депутаты, — мы подали ему писаную бумагу; он велел читать ее при нас и после того, как она была прочитана, сказал: "Я положил за правило — не выходить из монастыря, кроме смертной нужды; святой Собор и боголюбезнейший епископ видят, что я стар и хил; пусть архиепископ и Собор делают со мною, что хотят; я прошу только одного — никого не беспокоить здесь в другой раз, потому что у меня поставлено не выходить из монастыря". Выслушав это заявление, собор определил: "Нужно в третий раз убеждать Евтихия, чтобы он пришел на этот святой Собор; если он не исполнит этого, то сам себя обвинит". Третья депутация состояла из пресвитеров и хранителей сосудов, Мемнона и Епифания, и диако-

на Германа. С этими лицами Евтихию снова отправлена была вызывная грамота, в которой говорилось: "Ты знаешь, что определено святыми канонами против непослушных и нехотящих явиться для оправдания, когда бывает к ним уже третий вызов. Поспеши прийти в следующий день утром, т.е. в четвертый день недели, в семнадцатый день месяца ноября".

Накануне этого дня к отцам Собора явилась депутация от Евтихия в лице архимандрита Авраамия и трех диаконов. Архимандрит доложил Собору о нездоровьи Евтихия и вызывался было дать некоторые объяснения за болящего. Архиепископ Флавиан обещал ожидать выздоровления Евтихия, а предложение архимандрита отклонил. 17 ноября третья депутация, возвратившаяся от Евтихия, передала отцам Собора такую просьбу последнего: "Прошу умолить господина архиепископа и святой Собор, чтобы они дали мне отсрочку на эту неделю, а на следующей неделе, если будет угодно Богу, я приду и буду оправдываться перед господином и святым Собором". Просьба была принята во внимание, — архиепископ Флавиан от лица Собора решил: "Мы даруем (Евтихию) испрашиваемую им отсрочку. Если же, вопреки собственному обещанию, Евтихий не явится во второй день следующей недели (22 ноября), то окончательно будет лишен и пресвитерского сана, и начальства над монастырем".

Наступило 22 ноября. Члены Собора собрались в судебной палате епископии. Евтихий явился на Собор с множеством воинов, монахов и служителей префекта претории; кроме того, Евтихия сопровождал силенциарий (придворный чин) Магнус, посланный императором для представления Собору такого определения: "Мы заботимся о мире святых церквей и Православной веры и желаем охранять веру, истинно и по вдохновению Божию изложенную нашими святыми отцами, собравшимися в числе 318 в Никее и бывшими в Ефесе при осуждении Нестория. Мы желаем этого, дабы не вторгся соблазн в упомянутое православие. А так как знатнейшего патриция Флоренция мы знаем за верного и испытанного в православии, то желаем, чтобы он присутствовал в заседании Собора, так как речь идет о вере". "Господина Флоренция, — сказал архиепископ Флавиан по прочтении императорского декрета, — мы все знаем за верного и испытанного в православии и желаем; чтобы он присутствовал". По прибытии Флоренция на Собор, открылось разбирательство дела Евтихия .

В заседании, посвященном Евтихию, Константинопольский собор 448 года свое решение по вопросу о соединении во Христе Иису-

се двух естеств основывает, главным образом, на послании св. Кирилла Александрийского "К восточным", где излагается ход унии, утверждается исповедание веры Иоанна Антиохийского и — что особенно важно было для собора — решительно опровергается лжеумствование монофизитов: "Да заградятся уста тех, кто проповедуют или тождество, или слияние, или смешение Сына Божия с плотию". Из других сочинений св. Кирилла Собор руководствовался еще одним посланием его к Несторию, в котором с полною ясностью исповедовалось учение о двух естествах во Христе. Обращаясь к суду над Евтихием, Собор старался, главным образом, выяснить, согласен ли Евтихий с отмеченным выше посланием св. Кирилла и с содержащимися в нем словами исповедания Иоанна Антиохийского. Диакон, читавший на соборе послание св. Кирилла "К восточным", беспрепятственно дошел до следующих слов: "Мы исповедуем, что Господь Иисус Христос единородный Сын Божий есть совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из разумной души и тела; что Он рожден прежде веков от Отца по Божеству, а в последнее время ради нас и ради нашего спасения от Девы Марии по человечеству; что Он единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству, ибо в Нем совершилось единение двух естеств. Почему мы и исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа; на основании такого неслитного соединения мы исповедуем Пресвятую Деву Богородицею, потому что Бог Слово воплотился и вочеловечился и в самом зачатии соединил с Собою храм, от Нее воспринятый".

На этом месте чтение послания прервано было возгласом Евсевия Дорилейского: "Евтихий не исповедует этого и никогда не был согласен с этим, но вопреки этому мудрствовал и учил". Это восклицание вызвало на рассуждение с Евтихием сначала префекта Флоренция, а потом архиепископа Флавиана и Евсевия Дорилейского. Рассуждения привели в конце концов к такому заявлению Евтихия: "Исповедую, что Господь наш состоял из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество". Не оставалось никакого сомнения в еретичестве Евтихия. Чтобы предотвратить тяжкие последствия еретичества Евтихия для Церкви, отцы Собора предложили ему анафематствовать все противное читанным на Соборе догматам. Но Евтихий с тоном ожесточения отверг это предложение. Тогда отцы Собора, вставши, возгласили: "Анафема Евтихию". Затем, после совещания, сделано было такое заявление относительно Евтихия, подписанное архиепископом Флавианом, 31 епископом и

23 архимандритами: "Из всего, и из бывших уже деяний, и из теперешнего собственного сознания Евтихиева открывается, что он страждет заблуждением Валентина и Аполлинария[1]. Не устыдившись нашего убеждения и внушения, он не захотел согласиться с истинными догматами; посему, воздыхая и оплакивая совершенную его погибель, мы о Господе Иисусе Христе, Которого он злословит, определили отстранить его от всякой священнической службы, общения с нами и начальства над монастырем. Пусть все те, которые после этого будут разговаривать или сходиться с ним, знают, что и сами они будут повинны епитимии отлучения, как не уклонившиеся от бесед с ним".

Константинопольский собор 448 года не положил, однако, конца раздорам: его не признала церковь Александрийская, или Египетская, бывшая средоточием врагов унии, и церковь Иерусалимская, издавна, со дней I Вселенского собора, шедшая рука об руку с церковью Александрийской в решении спорных вопросов догматики; церковь Римская в лице папы Льва Великого отнеслась вначале не совсем одобрительно к Константинопольскому собору из-за малой осведомленности в подробностях прений, происходивших на отдаленном Востоке. Константинопольский собор приняла церковь Константинопольская и те церкви Малой Азии и Сирии, которые ранее сочувственно относились к унии. Неудивительно поэтому, что, когда Константинопольский собор не встретил сочувствия в высшей светской власти, для церкви Православной наступили тяжкие времена: друзья унии, защитники правой веры, почитались врагами православия, и монофизиты усилились настолько, насколько ариане в печальные дни императора Констанция.

При таком положении дела, естественно, постановления Константинопольского собора не сломили ожесточенного упорства Евтихия, который решил, опираясь на сочувственное отношение к нему Двора, вступить в борьбу с Собором и своим архиепископом: он подал императору Феодосию прошение, в котором просил пересмотра его дела на новом Соборе. В то же время Евтихий отправил в Рим к св. папе (440—461 гг.) Льву Великому жалобу, что у них на Востоке, т.е. в Константинополе, "старанием некоторых людей несторианская ересь вновь воскресает". Евтихий хотел сказать папе, что на Соборе его, Евтихия, осудили, будто бы как защитника и почитателя св. Кирилла, посвятившего себя борьбе с несторианством. В ответном послании Евтихию папа Лев одобряет его благочестивую ревность, ссылаясь на малую осведомленность в деле: "Как только разузнаем

полнее о тех, нечестием которых это сделалось, сочтем за необходимое, при помощи Божией, позаботиться о том, как бы исторгнуть с корнем нечестивую заразу, давно уже осужденную".

С просьбой о выяснении дела св. Лев обратился к Флавиану, архиепископу Константинопольскому: "Пусть твое братство известит нас подробнейшим донесением о том, какая возникла у вас новизна против древней веры". Флавиан не замедлил с ответом. Он объяснил папе сущность лжеучения Евтихия, сообщил о происках последнего после осуждения его Константинопольским собором и просил папу укрепить веру "благочестивейшего императора". Вскоре Флавиан отправил папе второе послание с более подробным изложением еретического учения Евтихия. Ответом на него и было знаменитое в истории Церкви "Окружное, или соборное послание святейшего Льва, архиепископа города Рима, писанное Флавиану, архиепископу Константинопольскому (против ереси Евтихия)".

"Возлюбленному брату Флавиану Лев епископ.

Прочитав послание твоей любви, так запоздавшее, к нашему удивлению, и рассмотрев порядок епископских деяний, наконец мы узнали, как случился у вас соблазн и восстал против чистоты веры, и то, что прежде казалось тайною, ныне сделалось для нас явным. Таким образом, Евтихий, удостоенный было имени архимандрита и сана пресвитерского, оказался весьма безрассудным и столь великим невеждою, что и к нему могут быть отнесены слова пророка: "...не хочет он вразумиться, чтобы делать добро, на ложе своем замышляет беззаконие" (*Псал., 35, 4—5*). А что беззаконнее, как нечестиво умствовать о вере и не следовать мудрейшим и опытнейшим? Но сему-то безумию подвергаются те, которые, встретив в чем-либо неясном затруднение к познанию истины, прибегают не к пророческим изречениям, не к писаниям апостольским и не к евангельскому авторитету, а к самим себе, и, таким образом, не захотев быть учениками истины, становятся учителями заблуждения. Ибо какие мог приобрести успехи в знании священных книг Ветхого и Нового завета тот, кто не уразумел первых слов самого символа, и что по всей вселенной исповедуется устами всех возрожденных, того еще не понимает сердцем этот старик. Поэтому, не зная того, что должно думать о воплощении Бога Слова и не желая потрудиться на широком поприще Священных Писаний, чтобы сподобиться света ведения, он должен бы был принять внимательным слухом по крайней мере то всеобщее и единогласное исповедание, которое исповедуют все верующие: "...веруем в Бога Отца Вседержителя и в Иисуса Христа,

единородного Сына Его, Господа нашего, родившегося от Духа Святого и Марии Девы. <...>

Этими тремя изречениями ниспровергаются ухищрения всех почти еретиков. Ибо когда веруем, что Бог есть и Вседержитель, и вечный Отец, то этим уже доказывается, что Сын совечен Ему и ничем не разнствует от Отца, потому что рожден от Бога Бог, от Вседержителя Вседержитель, от Вечного Совечный, а не позднейший по времени, не низший по существу. Он же вечного Отца вечный Единородный родился от Святого Духа и Марии Девы. Это временное рождение ничего не убавило у того божественного и вечного рождения и ничего к нему не прибавило, но всецело предало себя на спасение заблудшего человека, чтобы и смерть победить, и силою своею сокрушить дьявола, имущего державу смерти *(Евр., 2, 14)*. Ибо мы не могли бы победить виновника греха и смерти, если бы нашего естества не воспринял и не усвоил Тот, Которого ни грех не мог уязвить, ни смерть удержать в своей власти. Он зачался от Духа Святого во чреве Матери Девы, Которая как зачала Его, пребыв Девою, так и родила, сохранив девство.<...>

Но если он не мог почерпнуть точного понятия из этого чистейшего источника христианской веры (т. е. из символа), потому что он собственным ослеплением затемнил для себя блеск очевидной истины, то обратился бы к учению евангельскому, где Матфей говорит: "Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова" *(Мф., 1, 1)*; поискал бы наставления также в проповеди апостольской и, читая в послании к Римлянам: "Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол, избранный к благовестию Божию, которое Бог прежде обещал через пророков Своих в писаниях святых о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти" *(Рим., 1, 1—3)*, с благочестивою любознательностью приступил бы к книгам пророческим и нашел бы обетование Божие, данное Аврааму: "...и благословятся в семени твоем все народы" *(Быт., 22, 17)*. А чтобы не недоумевать о свойстве сего семени, пусть последовал бы апостолу, который сказал: "Но Аврааму даны были обетования о семени его. Не сказано: "и потомкам", как бы о многих, но как об одном: "и семени твоему", которое есть Христос" *(Гал., 3, 16)*. Пусть также внял бы внутренним слухом своим пророчеству Исаии, который говорит: "...се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог" *(Ис., 7, 14; Мф., 1, 23)*; прочитал бы с верою и сии слова того же пророка: "...Младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и наре-

кут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира" *(Ис., 9, 6)*. Тогда не стал бы говорить пустословия, будто Слово стало плотью так, что Христос, рожденный из девической утробы, имел образ человека, а не имел истинного тела (такого же, как и тело Матери). Не потому ли, может быть, он признает Господа нашего Иисуса Христа не имеющим нашего естества, что ангел, посланный к благословенной Марии, говорил: "Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое (от Тебя) Святое, наречется Сын Божий" *(Лк., 1, 35)*, т. е. так как зачатие Девы было действие божественное, то и плоть Зачатого не была от естества Зачавшей? Но это рождение, исключительно удивительное и удивительно исключительное, должно быть понимаемо не так, чтобы необыкновенностью рождения уничтожалось свойство рода. <...>

Плодотворность Деве дарована Духом Святым, а истинное тело заимствовано от Ее тела. И когда, таким образом, Премудрость созидала Себе дом, "Слово стало плотию и обитало с нами" *(Ин., 1, 14)*, т. е. в той плоти, которую Оно заимствовало от человека и которую одушевило духом жизни разумной. <...>

Таким образом, при сохранении свойств того и другого естества и при сочетании их в одно лицо, воспринято величием уничижение, могуществом немощь, вечностью смертность. Для уплаты долга естества нашего бесстрастное естество соединилось со страстною природою, дабы один и тот же "Посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус" *(1 Тим., 2, 5)* и мог умереть по одному (естеству), и не мог умереть по другому, как того и требовало свойство нашего врачевания. Посему истинный Бог родился в подлинном и совершенном естестве истинного человека: всецел в Своем, всецел в нашем. Нашим же называем то, что Творец положил в нас вначале и что Он восхотел возвратить нам. <...>

Ибо в Спасителе не было и следа того, что принес в человека искуситель и что прельщенный человек допустил (в себя). <...>

И хотя Он сделался причастным человеческих немощей, но отсюда не следует, что сделался участником и наших грехов. Он восприял образ без скверны греха, возвеличивая человеческое и не уменьшая божественного, потому что то истощение, по которому Невидимый сделался видимым и по которому Творец и Владыка всех тварей восхотел быть одним из человеков, было снисхождением Его милосердия, а не недостатком могущества. Посему Тот, Который, пребывая в образе Божьем, сотворил человека, Он же самый сделался человеком, приняв образ раба. Оба естества сохраняют свои

свойства без всякого ущерба. Как образ Божий не уничтожает образа раба, так и образ раба не умаляет образа Божия. А так как дьявол хвалился тем, что прельщенный его коварством человек лишился Божественных даров и, обнажившись от блага бессмертия, подпал строгому приговору смерти, а он (дьявол) в своем бедственном положении нашел некоторое утешение в том, что имел участника своей измены, что будто и Бог, по требованию Своего правосудия, применил Свое определение о человеке, которого сотворил для такой чести, то открылась нужда в домостроительстве тайного совета для того, чтобы и неизменяемый Бог, Которого воля не может лишиться свойственной ей благости, исполнил, посредством сокровеннейшего таинства, первое о нас определение Своей любви, и человек, впавший в грех по коварству злобы дьявольской, не погиб вопреки божественному намерению.

Итак, Сын Божий, снизойдя с Небесного Престола, приходит в сии дольнии (страны) мира и, не разлучаясь от славы Отца, рождается новым способом, новым рождением. Новым способом, потому что Невидимый в собственном (естестве) стал видимым в нашем, Непостижимый благоволит сделаться постижимым, Предвечный начал быть во времени, Господь вселенной восприял образ раба, сокрыв безмерность Своего величия, бесстрастный Бог не возгнушался сделаться человеком, могущим страдать, и бессмертный — подвергнуться закону смерти. Новым же рождением рожден Он, потому что непорочное девство не познало похоти и между тем доставило вещество плоти. Итак, Господь принял от Матери естество, но не грех. <...>

А из того, что рождение это чудно, не следует, что естество Господа нашего Иисуса Христа, рожденного из утробы Девы, отлично (от нашего). Ибо Тот, Который есть истинный Бог, есть вместе и истинный человек. И если уничижение человека и величие Божества взаимно соединились, то в этом единстве нет никакого превращения. Ибо как Бог не изменяется чрез милосердие, так человек не уничтожается чрез прославление. Каждое из двух естеств в соединении с другим действует так, как ему свойственно: Слово делает свойственное Слову, а плоть исполняет свойственное плоти. Одно из них сияет чудесами, другое подлежит страданию. И как Слово не отпало от равенства в славе с Отцом, так и плоть не утратила естества нашего рода. Ибо один и тот же (об этом часто нужно говорить) есть истинно Сын Божий и истинно Сын человеческий: есть Бог, потому что — "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог

было Слово" *(Ин., 1, 1)*; есть человек, потому что — "Слово стало плотью и обитало с нами" *(Ин., 1, 14)*; Бог, потому что — "Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть" *(Ин., 1, 3)*; человек, потому что — рожден от жены, был под законом *(Гал., 4, 4)*.

Рождение плоти есть обнаружение человеческого естества; а что Дева рождает, это есть знамение божественной силы. Младенчество Отрочати свидетельствуется бедными пеленами; величие же Всевышнего возвещается пением ангелов. Новорожденному человеческому (сыну) подобен Тот, Которого Ирод нечестивый хотел умертвить; но Господь вселенной есть Тот, Которому раболепно поклониться с радостью идут волхвы. Когда Он пришел принять крещение от Предтечи Своего Иоанна, тогда, дабы не утаилось, что под покровом плоти скрывается Божество, с неба возгремел глас Отца: "Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение". *(Мф., 3, 17)*. Далее, Его как человека, искушает диавольское коварство, и Ему же, как Богу, служат чины ангельские.

Алкать, жаждать, утруждаться и спать, очевидно, свойственно человеку, но пять тысяч человек насытить пятью хлебами, но жене самарянской дать воду живую, от которой пьющий не будет уже более жаждать, но не мокрыми ногами ходить по поверхности моря и утишением бури укрощать возмущение волн, без сомнения, есть дело божественное. И как не одного и того же естества дело — плакать из сострадания по умершем друге и его же, по удалении камня от четверодневной могилы, воскрешать к жизни силою одного слова; или висеть на дереве и в то же время превратить день в ночь и поколебать все стихии; или быть пригвожденным (ко кресту) и в то же время отверзать вере разбойника двери рая (о многом умалчиваем); так не одному и тому же естеству свойственно говорить: "Я и Отец одно" *(Ин., 10, 30)*, и — "Отец Мой более меня" *(Ин., 14, 28)*. Ибо хотя в Господе Иисусе одно лицо Бога и человека, однако иное то, откуда происходит общее того и другого уничижение, и иное то, откуда проистекает общее их прославление. <...>

От нашего (в Нем естества) у Него есть меньшее Отца человечество, а от Отца у Него есть равное с Отцом Божество. По причине этого-то единства лица, которое должно разуметь по отношению к тому и другому естеству, и о Сыне Человеческом читаем, что Он сшел с неба, тогда как Сын Божий восприял плоть от Девы, от Которой родился; и обратно о Сыне Божием говорится, что Он распят и погребен, тогда как Он претерпел сие не божеством, по которому Единородный совечен и единосущен Отцу, а немощным человече-

ским естеством. Отсюда все мы и в символе (веры) исповедуем Единородного Сына Божия распятым и погребенным, сообразно с сими словами апостола: "...ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы" *(1 Кор., 2, 8)*. А когда Сам Господь наш и Спаситель, научая Своих учеников вере посредством вопросов, спросил: "За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?" и когда на их ответ, что различно об этом думают, Он сказал: "...а вы за кого почитаете Меня?" Меня, т. е. Сына Человеческого, Которого вы видите в образе раба и в истинном теле, за кого вы Меня принимаете?" Тогда блаженный Петр, по вдохновению свыше и на пользу от своего исповедания всем народам отвечал: "Ты — Христос, Сын Бога Живого" *(Мф., 16, 13-16)*. И достойно назван блаженным от Господа и от Сего первообразного Камня стяжал твердость и силы и имя свое тот, который по откровению Отца исповедал одного и того же и Сыном Божиим и Христом; потому что одно из сих (наименований), взятое отдельно от другого, не служило во спасение, напротив, одинаково было опасно исповедать Господа Иисуса Христа только Богом, и не человеком или признавать Его только простым человеком и не Богом! <...>

По воскресении же Господа, которое, конечно, есть воскресение истинного тела, так как не иной кто воскрес, а Тот же, Кто был распят и умер; что иное делалось в продолжение сорокадневного Его пребывания (на земле), как не то, чтобы чистота веры нашей была свободна от всякого мрака? Так, Он то беседовал с учениками Своими, обращался и ел с ними, а тех из них, которых беспокоило сомнение, допускал осязать Себя тщательным и нарочитым осязанием, то входил к ученикам Своим, тогда как двери были заперты, давал им Духа Святого дуновением Своим и, даровав им свет разумения, открывал тайны Священных Писаний, то опять показывал рану в боку Своем, и язвы от гвоздей, и все знаки недавнего страдания, говоря: "Посмотрите на руки Мои и ноги Мои, это Я — Сам; осяжите Мя и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня" *(Лк., 24, 39)*. И все это для того, чтобы убедить, что в Нем свойства божественного и человеческого естества пребывают нераздельно, и чтобы, таким образом, мы знали, что (в Нем) Слово не то же, что плоть, и исповедывали единого Сына Божия и Словом, и плотию (вместе). Это таинство веры можно сказать вовсе чуждо Евтихия, который в Единородном Сыне Божием не признает нашего естества ни в уничижении смерти, ни в славе воскресения. <...>

И не ужаснулся он суда блаженного апостола и евангелиста Иоанна, который сказал: "Всякий дух, который исповедует Иисуса

Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога, и всякий дух, который разделяет Иисуса, не есть от Бога, но это дух антихриста" *(Ср.: 1 Ин., 4,3)*. А что значит разделять Иисуса, как не отделять от Него человеческое естество и бесстыдными вымыслами упразднять таинство веры, которым одним мы спасены? Слепотствуя же в отношении к природе тела Христова, он по необходимости с такою же слепотою будет безумствовать о ней в состоянии страдания Его. Ибо если он не считает креста Господня за призрак и не сомневается, что страдание, восприятое за спасение мира, было истинное (страдание), то он должен признать и плоть Того, смерти Которого он верует. Пусть не говорит он, что не нашего тела был Тот человек, Которого сам признает страдавшим, ибо отрицание истинной плоти есть отрицание и страдания плоти. Итак, если он приемлет христианскую веру и не отвращает своего слуха от проповеди евангельской, то пусть рассудит, какое естество, пронзенное гвоздями, висело на древе крестном; пусть размыслит, когда воин копием отверз бок Распятого, откуда тогда истекла кровь и вода для омовения Церкви Божией банею и напоения чашею. <...>

Пусть послушает и блаженного Петра, который проповедует, что освящение Духом бывает через окропление кровию Христовою *(1Пет.,1, 2)*. Пусть не мимоходом прочтет слова того же апостола: "Зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого агнца" *(1 Пет., 1, 18-19)*. Пусть не противится и свидетельству блаженного апостола Иоанна, который говорит: "И кровь Иисуса Христа, Сына Божия, очищает нас от всякого греха" *(1 Ин., 1, 7)*, и в другом месте: "...сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий? Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровию... не водою только, но водою и кровию. И Дух свидетельствует о Нем (о Христе)... И три свидетельствуют... дух, вода и кровь и сии три об одном" *(1 Ин., 5, 4-6, 8)*, то есть дух освящения, кровь искупления и вода крещения. Сии три составляют одно и пребывают нераздельными; ни одно из них не отделяется от своего единства, так как Кафолическая Церковь живет и преуспевает тою именно верою, чтобы во Христе Иисусе не исповедывать ни человечества без истинного Божества, ни Божества без истинного человечества. <...>

Евтихий, отвечая на пункты вашего допроса, говорил: "Исповедую, что Господь наш прежде соединения был из двух естеств, по

соединении же исповедую одно естество". Удивляюсь, что столь безрассудное и столь нечестивое исповедание его не было порицаемо никакою укоризною со стороны судивших (его) и что эти слишком безумные и слишком хульные слова оставлены без внимания, как бы не было выслушано ничего оскорбительного! Тогда как столько же нечестиво говорить, что единородный Сын Божий был двух естеств до воплощения, сколько нелепо утверждать, что в Нем одно естество после того, как Слово плоть бысть. Чтобы Евтихий не стал считать мнения своего или верным, или сносным на том основании, что оно не было опровергнуто ни одним вашим голосом, то убеждаем тщание любви твоей, возлюбленный брат, очистить невежественного человека и от этого пятна на его сознании, если по действию милосердия Божия, дело его примет добрый оборот, ибо он хорошо начал было отступать от своего убеждения (как видно из хода соборных деяний), когда по вашему требованию обещался признавать то, чего прежде не признавал, и успокоиться на той вере, которой прежде был чужд. Но когда он не захотел изъявить согласия предать анафеме (свой) нечестивый догмат, то ваше братство из этого заключило, что он остается в своем нечестии и заслуживает приговора осуждения. Впрочем, если он искренно и нелицемерно кается и сознается, хотя бы и поздно, как справедливо подвиглась против него власть епископская, или если он, для полного оправдания, осудит все свои худые мысли и устно и собственноручною подписью, то милосердие к исправившемуся, как бы оно ни было велико, не будет предосудительно. Ибо Господь наш, истинный и добрый Пастырь, душу Свою положивший за Своих овец и пришедший спасти души человеческие, а не погубить, хочет, чтобы мы были подражателями Его человеколюбия, т.е. чтобы согрешающих обуздывала правда, а обратившихся не отталкивало милосердие. <...>

Тогда, собственно, с полным успехом защищается истинная вера, когда ложное мнение осуждается самыми последователями своими. <...>

Уповаем на содействие помощи Божией, что заблудивший, осудив неправоту своего образа мыслей, спасется. <...>

Бог да сохранит тебя в здравии, возлюбленный брат!"

Послание заканчивалось заявлением папы. "Для верного и беспристрастного исследования всего дела мы отправили (на предстоящий Собор) вместо себя братий наших епископа Юлиана и пресвитера Рената и еще сына моего дьякона Илария. К ним присоединили мы нотария нашего Дульцития, которого вера много раз испыта-

на нами".Из этого заявления папы видно, что ходатайство Евтихия пред императорской властью о созвании нового Собора было уважено. Действительно, пользуясь покровительством недруга архиепископа Флавиана, всемогущего министра Хрисафия, руководившего волею слабого и бесхарактерного императора Феодосия, Евтихий добился, что через четыре месяца после его осуждения императором объявлено было созвание нового общецерковного Собора для исследования неодинаковых догматических воззрений на Лицо Богочеловека и образ соединения в Нем двух естеств и для пересмотра определений Константинопольского собора по делу Евтихия. Предполагалось, что вновь созываемый Собор будет вселенским, как и Собор 431 года, — на него созывались представители-иерархи от всех главнейших Церквей того времени. Но не таков был суд Промысла Божия: в истории этот собор приобрел наименование не IV Вселенского, а "разбойничьего" собора[2] за его деятельность, направленную к торжеству не православия, но еретического мудрования.

Уже одно то обстоятельство, что Собор созывался по желанию Евтихия и его приверженцев, мало предвещало хорошего для православия и его защитников. Посему-то видные поборники истины православной, как, например, Флавиан, архиепископ Константинопольский, и папа Лев, несочувственно относились к созыву нового Собора, предугадывая, какие смуты и беспорядки он внесет в Церковь. Основание для подобных опасений находилось в распоряжениях высшей светской власти, предшествовавших открытию Собора. Так указом императора устранялся от присутствия на предстоящем Соборе проницательный враг монофизитства блаженный Феодорит, имевший горькие недоразумения и пререкания со св. Кириллом, — и устранялся, конечно, не как противник св. Кирилла, а как возможный и сильный противник Евтихия[3]; наоборот, на Собор нарочитым указом с правом голоса призывался архимандрит Варсума из Сирии, хотя по канонам членами Собора могли быть только епископы. Такое исключение для Варсумы делалось потому, что он, как говорил указ, "ведет борьбу против некоторых восточных епископов, зараженных нечестью Нестория", т.е. вернее против православных епископов, которых монофизиты называли несторианами за то, что, вопреки Евтихию, они учили о двух естествах во Христе по воплощении. Указом же императора председательство на Соборе поручено было Диоскору, архиепископу Александрийскому, примкнувшему к сторонникам Евтихия и находившемуся в связях с Хрисафием[4].

Елпидию, члену императорского совета, и Евлогию, трибуну и

нотарию претории, особой инструкцией повелено было императором, чтобы они следили, "...что будет сделано святым Собором в Ефесе и не допускали ни в каком случае никакого беспорядка. Если же усмотрите, что кто-нибудь начинает возмущение или беспорядки (на Соборе) в оскорбление святой веры, такого отдавать под стражу... Те, кто прежде судил архимандрита Евтихия, должны присутствовать и молчать на Соборе, не имея звания судей, но ожидать общего мнения всех прочих отцов, потому что ныне осуждается то, что определено было прежде самими ими". Т.е. у архиепископа Флавиана с его сторонниками отнималось даже право говорить в свою защиту под страхом за нарушение императорской воли попасть под стражу. Инструкция заканчивалась указанием на то, что Елпидию с Евлогием давалась в распоряжение воинская сила, а через них она поступала на служение монофизитствующим, преобладавшим на Соборе.

Эти предсоборные распоряжения императора заключились его посланием к самому Собору. Послание так объясняло причины созыва Собора и указывало такую общую цель его деятельности: "...так как боголюбезный епископ Флавиан захотел возбудить вопрос о святой вере против почтеннейшего архимандрита Евтихия и, созвавши совет, начал что-то делать, то мы, относясь несколько раз к этому боголюбезнейшему епископу, желали воспрепятствовать возбужденному беспорядку, будучи достаточно убеждены в православной вере, преданной нам святыми отцами, бывшими в Никее, и утвержденной святым Собором, бывшим в Ефесе. Но хотя мы и многократно убеждали этого благочестивейшего епископа оставить такое исследование, чтобы это не сделалось причиною беспорядков во всей вселенной, однако же, он не успокоился. Рассудивши, что не безопасно без вашего святого Собора и без предстоятелей святых церквей произвести такое исследование о вере, мы сочли необходимым собраться вашей святости, чтобы вы исторгли весь дьявольский корень из святых церквей и извергли ревнующих о богохульстве нечестивого Нестория или благоприятствующих ему, и неприкосновенность православной веры сделали бы прочною непоколебимою, потому что вся наша надежда и крепость нашей империи зависят от православной веры в Бога и от ваших святых молитв".

При столь неблагоприятных условиях для защитников православной истины Собор открылся в Ефесе 8 августа 449 года; заседания его происходили в храме Пресвятой Девы Марии, как и заседания IIIВселенского собора. Число отцов Собора колеблется между 122 и 130. Из деяний Собора, предшествовавших появлению на нем Евти-

хия, нельзя не отметить, что на Соборе не было допущено прочтение послания Льва Великого, очевидно, как неблагоприятного для Евтихия и Диоскора, как направленного против их еретического учения.

Когда, по предложению Елпидия, на Собор был позван Евтихий, то ему предложили изложить пред Собором “полезные для него оправдания”. Свое объяснение Евтихий начал словами, показавшими, что в отцах собора он видел своих единомысленников: “Я поручил себя Отцу, Сыну и Святому Духу и вас имею свидетелями своей веры, за которую я подвизался вместе с вами”. Затем, он подал отцам Собора две письменные статьи, содержащие его исповедание веры. Здесь Евтихий, прежде всего, жаловался на “наветы” против него Константинопольского собора за то, что он “не согласился мудрствовать против той веры, которая изложена святыми отцами в Никее”. Далее, не высказывая прямо своего учения о соединении двух естеств во Христе, Евтихий приводит полностью Никейский символ и добавляет, что он твердо держит постановления Никейского и Ефесского соборов и проклинает всех еретиков, начиная с Симона Волхва. За таким исповеданием следовал ряд жалоб Евтихия на архиепископа Флавиана и Константинопольский собор, — что (будто бы) Евсевий Дорилейский, обвиняя его на Соборе в ереси, не указал последней прямо и определенно, — что Собор, знавший об обещании Евтихия не выходить из монастыря и тем не менее вызывавший его для судебного разбирательства, хотел только осудить его, как человека непослушного Церкви, в расчете, что он не придет на Собор, — что на самом Соборе, когда он вопреки ожиданию явился, ему не дали возможности говорить в свое оправдание, но “...вдруг, — клеветал Евтихий, — прочитано было осуждение против меня, составленное заранее”, — что самые деяния Константинопольского собора (будто бы) впоследствии были переделаны ко вреду для него, Евтихия. “Итак, прошу теперь, — заканчивает Евтихий свое исповедание или, вернее, клеветнические обвинения собора Константинопольского и его председателя, — обсудить возведенную на меня клевету и неправду, и происшедшее от этой причины беспокойство во всех церквах и возникший отсюда для многих соблазн, предать виновников всего этого церковным наказаниям, и вырвать всякий корень хуления и нечестия”.Архиепископ Флавиан, обвиняемый Евтихием, потребовал, было, чтобы на Собор вызван был Евсевий Дорилейский для представления обвинительных пунктов на Евтихия. Но Елпидий, чиновник императора, не дозволил этого, заявив о по-

велении императора, чтобы судьи Евтихия (на Константинопольском соборе) стали в ряду подсудимых и не имели права голоса. Вместо исполнения просьбы Флавиана он повелел, чтобы прочтены и подвергнуты были обсуждению деяния собора Константинопольского 448 года.

При чтении этих деяний с полною очевидностью обнаружилось еретичество (монофизитство) председателя сборища Диоскора и большей части составлявших его епископов. Когда чтение привело к вопросу, заданному Евсевием Евтихию на Константинопольском соборе, — "Исповедуешь ли ты два естества после воплощения?"— то многие из членов сборища закричали: "Возьмите, зажгите Евсевия (Дорилейского), пусть он живой горит, пусть он обратится в двух; как разделил он Христа, пусть он сам разделится". Видя благоприятный для себя оборот дела, Диоскор обратился к епископам с вопросом: "Терпимо ли для вас это выражение, где говорится о двух естествах после воплощения?" — "Анафема тому, кто говорит это!" — воскликнул Собор. Так провозглашена была за истину ересь монофизитская на незаконном соборище, а православие было попрано. Конечно, Евтихий, как главный поборник монофизитской ереси, был затем объявлен православным и восстановлен в достоинстве архимандрита и сане пресвитера.

Теперь пришел черед суда над Флавианом, архиепископом Константинопольским. По заранее составленному плану как раз в это время на Собор явилось несколько монахов из монастыря Евтихия с челобитной, содержавшей самые несправедливые жалобы на архиепископа. "Флавиан, — говорила челобитная, прочитанная по приказанию Диоскора на Соборе, — осыпал клеветами и хулами нашего пастыря Евтихия и под видом благочестия нашел несправедливый предлог к его осуждению, нам же приказал избегать своего пастыря и не говорить с ним, а монастырское имущество под предлогом помощи бедным велел беречь для самого себя, ибо он торговал им; святой алтарь, который водрузил Евтихий за шесть месяцев до умышленного извета на него, стоит без божественного жертвоприношения... Мы же сами были связаны несправедливым его осуждением. Поэтому, — заканчивалась челобитная, — умоляем ваш святой Собор сжалиться над нами, потерпевшими такое несправедливое наказание, возвратить нам церковное общение, несправедливо отнятое, и ему, совершившему это (т.е. Флавиану), воздать возмездие за то, что он не праведно судил".

Из трехсот монахов Евтихиева монастыря челобитную подписа-

ло только 35, так что дело здесь, без сомнения, не совсем чисто. Монахи были приняты Собором в церковное общение, а челобитная их создала Диоскору удобную почву для дальнейших козней против неповинного Константинопольского архиепископа. Диоскор приказал прочесть определения III Вселенского собора и затем спросил: "Думаю, всем нравится Никейское определение веры, которое собор Ефесский утвердил и определил содержать его одно? Мы знаем, что отцы этого Собора постановили: если кто вопреки этому будет говорить или мудрствовать или вводить новое, тот подвергается осуждению. Что вы думаете об этом? Можем ли мы исследовать или вводить новое вопреки этому? Если кто-либо исследовал свыше того, что сказано, определено и одобрено, не будет ли он по всей справедливости подлежать осуждению отцов? Пусть каждый скажет, того ли он мнения?"[5]

Собор дал утвердительный ответ большинством голосов. Тогда Диоскор, поднявшись со своего места, в следующих словах внес предложение о применении Ефесского правила к Флавиану и Евсевию Дорилейскому: "Флавиан, бывший епископ церкви Константинопольской, и Евсевий Дорилейский, как ясно видит это святой и Вселенский собор, оказываются почти все отвращающими и перестраивающими, и подали повод к соблазну и смятению святым церквам и всем православным народам. Ясно, что они сами себя подвергли наказаниям, некогда соборно определенным нашими святыми отцами; поэтому и мы, утверждаясь на определениях отцов, присуждаем упомянутых Флавиана и Евсевия к лишению всякого священнического и епископского достоинства". Мнение Диоскора было единодушно принято монофизитами и подписано всеми членами Собора. Флавиан с Евсевием были лишены церковного достоинства. Впоследствии Флавиан был изгнан и в изгнании окончил свою жизнь. Евсевий Дорилейский после Собора претерпел столько бед, что позднее называл Диоскора своим убийцей. Диакон Иларий, легат папы, "едва убежал" с Собора и лишь окольными путями добрался до Рима. Блаженный Феодорит, не присутствовавший на Соборе, был лишен сана и заточен в монастырь. Ива, митрополит Эдессы, был анафематствован.Так монофизитская ересь восторжествовала над истиною православия, но восторжествовала, как открылось позднее на истинном IV Вселенском соборе, путем неправды и насилия. Мрачная туча еретичества нависла почти над всем Востоком. Но Господь не замедлил прийти на помощь Своей Церкви через Своего достойного служителя св. Льва Великого. Получив известия от дьякона

Иларйя и от архиепископа Флавиана о деяниях "разбойничьего" Собора, Лев Великий обратился с посланием к императору Феодосию и к сестре его Пульхерии, где, отмечая незаконные действия только что закончившегося Собора, указывал на необходимость созвания нового Вселенского собора, "...который бы все возникшие несправедливости так порешил или укротил, чтобы более не оставалось какого-нибудь сомнения в вере или разделения в любви".

Св. Лев обратился также с двумя посланиями, одно за другим, к клиру и народу константинопольскому. "Кто мыслит по-монофизитски, — внушал в своих посланиях ревностный ратоборец православия, — того увлекает в сообщество с собою Арий, развращению которого много благоприятствует это нечестие, отрицающее естество человеческое в Боге Слове... Кто не признает человеческого естества, воспринятого единородным Сыном Божиим во чреве Дщери Давидовой, тот отлучает себя от всякого таинства веры христианской и, не зная Жениха (Христа), не разумея и Невесты (Церкви), не может быть участником в братском пиршестве (спасении). Плоть Христа есть покров Слова, которым облекается всякий, кто исповедует сие Слово. А кто стыдится Его и отвергает как бы недостойное (плоть Его), тот не может получить от Него никакого украшения, и хотя бы такой приступил к царскому торжеству и присоединился нагло к священной вечере; впрочем, как бесчестный собеседник (он) не может утаиться от разборчивости Царя, но, как засвидетельствовал Сам Господь, будет взят и, связанный по рукам и ногам, отошлется в кромешную тьму, где будет плач и скрежет зубов. *(Мф., 22, 13)*. Поэтому, кто не исповедует во Христе человеческого тела, тот сам признал себя недостойным таинства воплощения и не может иметь участия в этом таинстве. <...>

Не думайте, возлюбленные, — обращался святой папа со словами ободрения к восточным церквам, — будто над святою Церковью или теперь не достает или не будет впредь Божественного Промысла. Чистота веры тогда-то и сияет, когда отделяется от нее примесь заблуждений. Провидение всегда являет своим необходимую помощь". И всемогущий Глава Церкви не замедлил явить оправдание такой веры в Его промыслительную деятельность: покровитель монофизитов император Феодосий вскоре скончался; его место занял в августе 450 года, по избранию войска и сената, глубоко преданный православию[6] полководец Маркиан, вступивший, затем, вскоре в супружество с известною своею ревностию к православию сестрою Феодосия Пульхериею[7]. Дела церковные приняли новый благопри-

ятный для православных оборотов. Мысль Льва Великого о созвании нового Вселенского собора осуществилась.

Собор был назначен в Никее[8], а затем, для удобства наблюдения за ходом его дел для императора, он перенесен был в Халкидон, отделявшийся от Константинополя только проливом Босфорским. Здесь Собор открылся 8 октября в великолепном и обширном храме св. мученицы Евфимии. Число отцов Собора было очень велико, от 600 до 630, столько не бывало ни на одном из бывших до него Соборов. Наиболее видными членами его были: Анатолий архиепископ Константинопольский, Максим архиепископ Антиохийский, Ювеналий архиепископ Иерусалимский, Фалласий епископ Каппадокийский и легаты папы: епископы Пасхазий и Луценций и пресвитер Бонифаций; присутствовало также множество сановников военных и гражданских, не принимавших, впрочем, участия в деяниях Собора при рассмотрении дел чисто церковных, например, в случае суда над епископом.Деятельность IV Вселенского собора в Халкидоне состояла: 1) в суде над "разбойничьим" собором 449 года и главою этого Собора Диоскором Александрийским и 2) в раскрытии истинного вероучения о соединении двух естеств в лице Богочеловека.

I. На первом же заседании Собора, происходившем 8 октября, по настоянию папских легатов, Диоскор Александрийский, занимавший место наряду с прочими отцами, должен был выйти из ряда епископов и сесть посредине, как подсудимый, лишившийся права подавать голос. Тогда выступил на средину в качестве истца Евсевий Дорилейский, много претерпевший на соборе "разбойничьем".

"Я оскорблен Диоскором, — заявил Евсевий, — оскорблена вера, он умертвил епископа Флавиана и несправедливо осудил его вместе со мною; повелите принять мое прошение". В этом прошении Диоскор обвинялся главным образом в том, что "собравши буйную толпу народа и приобретши себе могущество деньгами, оскорбил веру православных, сколько мог, и утвердил нечестие монаха Евтихия". "Так как, — писал Евсевий, — посягательство его (т.е. Диоскора) на веру и на нас (т.е. самого Евсевия и Флавиана) велико, то просим, чтобы повелено было Диоскору защищаться против того, в чем мы его обвиняем".

Начался пересмотр деяний Константинопольского собора 448 года и Ефесского "разбойничьего" собора. Чтение деяний последнего собора было прервано, когда оглашался, уже известный нам, императорский указ, разрешавший Феодориту Кирскому присутствие на Соборе условно, — если того пожелает сам Собор. При этом упоми-

нании о Феодорите Кирском потребовали, чтобы этот ревностный защитник православия против монофизитства был допущен на соборные заседания. Появление Феодорита вызвало целую бурю среди отцов: одни, сторонники Диоскора, кричали, чтобы удалили Феодорита; другие, защитники православия, требовали удаления Диоскора. Восклицания, которыми обменивались обе стороны между собою, произвели немалый шум и смятение, которые удалось утешить лишь сановникам и сенаторам, обратившимся с такой просьбой к виновникам смуты: "Ради Бога! лучше не препятствуйте слушать, позвольте прочитать все по порядку". Когда дошли до указа императора, назначавшего Диоскора председателем Собора, и когда последний пытался было сложить с себя часть ответственности за незакономерные действия на епископов Ювеналия, Фалласия, на весь Собор и императора, то епископы Антиохийского округа заявили: "На осуждение епископа Флавиана и епископа Евсевия на соборе Ефесском никто из православных епископов не был согласен; сделано было насилие, с побоями мы подписали нужную бумагу, на которой после и написано осуждение упомянутых епископов. Нам угрожало осуждение, нам угрожала ссылка; воины стояли с палками и мечами, и мы были приведены ими в страх: где палки и мечи, какой тут собор? Воины низложили Флавиана и Евсевия более, чем мы, а что мы сделали, то сделали из страха".

Это общее заявление о насилиях и устрашениях, производимых Диоскором, подтвердили с уяснением более частных и поистине вопиющих по нарушению справедливости подробностей: Стефан, епископ Ефесский, Феодор, епископ Клавдиопольский, Василий, епископ Селевкии Исаврийской. По заявлению многих обнаружилось также, что знаменитое послание папы Льва умышленно удержано (от чтения) Диоскором, хотя он "семь раз клялся пред всеми, что велит его прочитать". К концу чтения деяний собора Ефесского, раскрывавшего все новые и новые злоупотребления Диоскора, осветившего всю преступность его действий, епископы, принимавшие участие в Ефесском соборе и в той или иной степени повинные в его незаконных деяниях, глубоко раскаялись в своем грехе и много раз восклицали пред лицом Собора: "Все мы просим прощения". Лишь Диоскор с несколькими Египетскими епископами продолжал упорствовать в еретичестве и даже открыто, перед лицом Собора, заявил свои еретические монофизитские воззрения.

Убедившись в злоупотреблениях "разбойничьего" собора, отцы IV Вселенского собора произнесли свой приговор над ним, но так,

что большинство составлявших его лиц, ввиду их искреннего раскаяния, не было лишено епископского сана. Приговор был встречен отцами Собора восторженно. Вопрос о Диоскоре, по причине ожесточенного пребывания последнего в ереси, рассматривался особо на заседании 13 октября. На этом заседании Евсевий Дорилейский вошел в Собор с просьбой подвергнуть Диоскора наказаниям за его нарушавшее справедливость отношение к нему, Евсевию, к архиепископу Флавиану и "к благочестию и священным канонам", чтобы в продолжение остальной жизни (Диоскор) "служил примером для вразумления тех, которые бы вздумали поступать подобно ему". Вместе с этим на Диоскора было подано множество жалоб клириками и одним мирянином Александрийской церкви, — жалоб, обвинявших ее предстоятеля Диоскора в гонениях на родственников и близких св. Кирилла и в присвоении церковного имущества. Все эти прошения были приняты Собором, который и решил пригласить Диоскора для личных объяснений. Но, несмотря на троекратное приглашение, Диоскор, под разными предлогами, отказывался явиться на Собор; последний поэтому постановил свой приговор об нем заочно. "Собор узнал, — обратился легат папы Пасхазий к отцам, — что епископ Диоскор, вызванный три раза к ответу своим обвинителем, сознавая себя виновным, презрел приказание Собора прийти сюда. Пусть святые отцы объявят своими устами, чего достоин презирающий таким образом волю Собора!" Ответом было: "Осуждения, положенного канонами против непокорливых". Диоскор тут же был низложен и приговор утвержден императором; затем Диоскора сослали на жительство в город Гангры[9].

II. Обсуждение отцами Собора вопроса о соединении во Христе Иисусе двух естеств открылось заявлением Собору предложения о составлении нового вероопределения, устраняющего лжеучение монофизитов и примиряющего всех. "Должно исследовать, рассуждать и стараться о том, — говорило предложение, — чтобы утвердить истинную веру, ради которой по преимуществу и составился Собор; желательно было бы, чтобы учение о предметах веры было правильное и всякое сомнение было устранено согласным изложением и учением всех святых отцов (Собора); потщитесь без страха, без угодливости и вражды изложить веру в чистоте, так чтобы и те, кои мудрствуют неодинаково со всеми, снова приведены были познанием истины к единомыслию".

При обмене мнений по поводу этого предложения, после некоторых довольно продолжительных разногласий, Собор пришел к еди-

нодушному решению прочесть некоторые творения Соборов и отцов Церкви, где с особенною ясностью выражалась истина православия. Прежде всего прочитан был символ Никейский, законченный при кликах отцов Собора: "Эта вера православных! Ею все веруем, в ней мы крестились, в ней крестим. Все так веруем!" Нашел единодушное признание, по его прочтении, и символ Константинопольский 381 года, церковный авторитет которого до сих пор еще не был прочно установлен. Все епископы Собора, выслушав Константинопольский символ, восклицали: "Это вера всех! Это вера православных!" Вслед за чтением символов Собор приступил к чтению святоотеческих писаний, в которых находилось ясное и определенное учение о целости и полноте во Христе Иисусе двух естеств, причем указание на единение их отмечалось не такою силою, как указание на различие. Сначала прочитаны были сочинения св. Кирилла Александрийского, читанные ранее на Константинопольском соборе 448 года: послание св. Кирилла к Несторию и знаменитое послание святого отца, написанное по совершении унии. Чтение этих произведений св. Кирилла было покрыто радостными кликами: "Так веруем! Как Кирилл, так веруем!"

За этими сочинениями св. Кирилла Александрийского прочитано было окружное послание св. Льва Великого; чтение последнего послания сопровождалось пререканиями, так как некоторые епископы, бывшие ранее на стороне Диоскора, находили послание по местам сомнительным относительно православия; посему Собор был вынужден разъяснять истинный смысл подозрительных мест послания чрез сличение их с авторитетными для сомневающихся сочинениями св. Кирилла. Сомневающиеся, однако, не удовлетворились этим и потребовали, чтобы отцы, принимающие послание св. Льва Великого, анафематствовали разделяющих во Христе два естества в смысле несторианском, и только после этого они приняли послание. Затем следовали отрывки из отеческих творений, в которых, как и в послании Льва Великого, с особенною выразительностью отмечалось учение о полноте двух естеств во Христе. Так читались: из сочинений Илария Пуатьерского (366 г.): "...видишь ли, что Христос Богом и человеком исповедуется так, что смерть приписывается человеку, Богу — воскрешение плоти. Естество Бога познай в силе воскресения, домостроительство человека уразумей в смерти. Однако помни, что единый Христос Иисус есть то и другое"; из сочинений св. Григория Богослова: "...произошел от Девы Бог с восприятием" (естества человеческого), един из двух между собою противополож-

ных — плоти и Духа, из которых одно возведено в Божеское достоинство, а другое дало благодать обожения"; "...правда, Он послан, но как человек, ибо в Нем было сугубое естество; почему Он утомлялся и алкал, и жаждал, и подвизался, и плакал по закону человеческого тела".

Среди отрывков из сочинений св. Амвросия Медиоланского, между прочими, читано было: "...удержим различие Божества и плоти. В том и другом говорит Сын Божий, потому что в Нем то и другое естество. Хотя говорит один и тот же, но не всегда одинаковым образом. Примечай в Нем то славу Бога, то страдания человека. Как Бог, Он говорит о Божественном, потому что Он есть Слово (Божие); как человек, говорит о человеческом, потому что говорит в этом (человеческом) естестве". Из сочинений св. Иоанна Златоуста избрано было для чтения следующее место: "Итак, Он принес начатки нашего естества Отцу: Отец столь был ущедрен даром, как по великому достоинству Принесшего, так и по чистоте Принесенного, что принял Его (дар) собственными руками, сделал участником Своего престола, и даже более того — положил Его одесную Себя".

В заключение Собором читаны были отрывки из сочинений св. Кирилла "о вочеловечении" и между ними такие изречения: "Он (т.е. Христос) явился на земле, не оставляя того, чем был, но восприяв наше человечество, совершенное в своем смысле"; "...обитающее понимается обыкновенно, как иной в ином, т.е. Божеское естество в человечестве, не потерпевшее смешения или слияния какого и превращения в то, чем прежде не было. Ибо то, о чем говорится как обитающем в другом, не стало тем же, в чем обитает, напротив считается иным в ином".Наконец, Собор приступил к составлению вероопределения, чтобы провозгласить православное учение о Богочеловеке. При этом было много споров, прений, высказано много недовольства, недоверия; но все это не помешало Собору иметь самый вожделенный конец: провозгласить чистейшее учение о Богочеловеке. Споры и раздоры были как бы горнилом, в котором испытывалось достоинство истины. После этого испытания истина должна была воссиять во всем своем блеске, стать истиною непререкаемою во все времена. Кратковременная распря положила конец столетнему спору, который имел место в Церкви до сего времени, и предотвратила споры в Церкви на будущее время.

Как только открылось пятое заседание, так в слух отцов Собора было прочитано вероопределение, очевидно, составленное заранее. Чтение этого вероопределения вызвало горячие и продолжительные

прения; Иоанн, епископ Германикийский, первый возвысил голос протеста, сказав по прочтении вероопределения: "Не хорошо составлено вероопределение и должно быть исправлено". Тогда патриарх Анатолий предложил вопрос отцам Собора: "Нравится ли вам определение?" Большинство епископов воскликнуло: "Определение нравится всем. Это вера отцов. Мудрствующий противно этому, еретик. Если кто мудрствует иначе, да будет анафема. Несториан вон". Но римские и некоторые восточные епископы не были довольны вероопределением, так как оно не с тою осязательною ясностью, как была желательна им, излагало учение о полноте двух естеств во Христе Иисусе. Видя разногласие и желая его уничтожить, патриарх Анатолий заметил, что накануне "всем нравилось определение веры". Епископы, принимавшие определение, опять воскликнули: "Определение всем нравится, иначе не веруем. Анафема верующему иначе. Вера пусть не терпит обмана. Святая Дева пусть пишется Богородицею; так в символе прибавить". Этим требованием прибавления слова "Богородица" епископы, очевидно, хотели указать на нераздельное единение естеств во Христе. Легаты, с своей стороны, опять заявили: "Если не соглашаются с посланием папы Льва, то прикажите дать нам грамоты на возвращение, и этим Собор окончится". Очевидно, легаты находили мало соответствия между составленным вероопределением и посланием папы Льва, которое решительно и определенно выражало мысль о двух совершенных природах во Христе. Видя, что прения между епископами затягивались и не замечалось благоприятного исхода, в них вступают императорские сановники, присутствовавшие на заседаниях. Став на сторону протестующих, сановники предложили пересмотреть вероопределение через особо на то уполномоченных от Собора епископов по шестеро и по трое от важнейших округов под председательством Анатолия, в присутствии легатов и в особом урочном месте. Но это предложение было с криками отвергнуто теми епископами, которые принимали вероопределение. Тогда императорские чиновники обратились с увещанием к епископам, не желавшим пересмотра; убеждая отцов Собора изъять из вероопределения выражение "из двух естеств", как употребляемое осужденным еретиком Диоскором, а вместо него внести изречение "два естества", за которое пострадал муж православия Флавиан и которое, за его точность, употреблялось и Львом, и Халкидонским собором. "Ведь, — говорили они, — вы все приняли послание Льва?" И после утвердительного ответа на этот вопрос, заметили: "Итак, заключающееся в нем, внести в определение".

Но и убеждения сановников не могли заставить отцов, желавших оставить вероопределение без изменения, отказаться от этого желания. Об этом доложено было императору Маркиану. Последний обратился к Собору с таким именным указом. Пусть вероопределение будет пересмотрено или тем путем, какой указывали сановники, или же чрез первенствующих митрополитов на самом Соборе. В случае же несогласия на это предложение Собор объявлялся закрытым. Но и строгое решение императора осталось без воздействия на епископов, не хотевших пересмотра; они говорили: "Или пусть имеет силу определение, или мы уйдем". Таким образом, дело еще более осложнялось.

Но что казалось едва достижимым для человеческих сил, то, по благодати Святого Духа, осуществилось самым простым образом. Императорские чиновники снова повторили свои слова, уже сказанные было Собору. "И единодушие самое полное, вожделенное, самое священное водворилось на Соборе". "Диоскор, — сказали сановники, — говорил: "из двух" естеств (т.е. Христос слагается) принимаю, но "два" естества (т.е. неслиянные) не принимаю. А святой Лев говорит, что во Христе два естества соединены неслитно, неизменно и нераздельно в одном Единородном Сыне, Спасителе нашем. Итак: кому следуете, Льву или Диоскору?" "Как Лев веруем! Противоречащие евтихианисты! Лев изложил православно!" — единодушно воскликнули отцы Собора. Воспользовавшись этим единодушием, сановники предложили внести в вероопределение мысль Льва Великого, что во Христе два естества соединены неслитно, неизменно и неразлучно. Это предложение было принято без возражений. Тотчас, по прошению всех, избрана была комиссия из епископов — предстоятелей важнейших округов, которые на короткое время и удаляются с Собора для произведения изменений в вероопределении. По возвращении членов комиссии было прочитано вероопределение Халкидонского собора, покрытое единодушными кликами восторга.

Этот замечательный в истории христианства документ состоит из обширного введения и краткого вероопределения. Во введении указываются те догматические произведения христианской Церкви, которые необходимо признавать каждому верующему, желающему по истине, а не по имени только, носить имя православного. Здесь отмечен был символ Никейский, а за ним Константинопольский II Вселенского собора, причем о последнем символе вероопределение говорит с особенною похвалою и уважением. Так "Символ Константинопольский после продолжительного бурного плавания среди спо-

ров и разногласий о нем, наконец, благодаря Халкидонскому собору, вступает в тихую пристань". Вероопределением утверждались постановления III Вселенского собора, о котором все еще ходили споры, — Вселенский он или нет. За сим вероопределение отличает следующие святоотеческие писания, имевшие важное значение для решения вопроса о лице Богочеловека: послание св. Кирилла Александрийского к Несторию, читанное на Константинопольском соборе 448 года и его же послание "К восточным", писанное по совершении унии. Таким образом, святые мужи, стоявшие за унию, "недаром пострадали от Собора разбойничьего", — их кровь вопияла к небу, и Дух Святой устами отцов Халкидонского собора благословил их дело, увенчал их труды". После сочинений св. Кирилла вероопределение с самою высокою похвалою относится к окружному посланию св. Льва Великого.

За этим введением идет следующее определение о вере IV Вселенского собора в Халкидоне: "Последуя святым отцам, все согласно научаем исповедывать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве, совершенного в человечестве, истинно Бога, истинно человека, того же из разумной души и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа единого прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа единородного в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением ни сколько не нарушается различие двух естеств, тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо, в одну ипостась, — не в два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына, Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как предал нам символ отцов".

Отцы Собора свое единодушное согласие с символом выражали кликами: "Это вера отцов! Архиепископы пусть подпишут тотчас; хорошо определенное пусть не подвергается отсрочке. С этою верою все мы согласны. Все так мудрствуем!"

Об установлении вероопределения отцы Собора довели до сведения императора особым донесением, имевшим такой вид: "Послание Халкидонского собора к императорам — Валентиниану и Маркиану".

“Благочестивейшим, благовернейшим и христианнейшим императорам, победителям и триумфаторам, Валентиниану и Маркиану, святой и великий Собор, по благодати Божией и по повелению вашего благочестия собравшийся в городе Халкидоне (для сильных болезней нужны и сильное лекарство, и мудрый врач). Поэтому-то Господь всех приставил ваше благочестие к страданиям вселенной, как наилучшего врача, чтобы вы исцелили их приличными лекарствами. И вы, христианнейшие, принявши Божественное определение, пред всеми другими приложили приличную заботливость о Церкви, предписывая первосвященникам врачевство согласия. Ибо, собрав нас отовсюду, вы употребили все средства, чтобы уничтожить случившееся разногласие и укрепить учение отеческой веры. А мы, размышляя и отыскивая причину бури, поднявшейся во вселенной, нашли, что виновник этого дела — Диоскор, бывший епископ Александрийский. Во-первых, потому, что он запретил прочитать почтеннейшим епископам, собравшимся в Ефесе, послание святейшего архиепископа древнего Рима Льва, отправленное к святой памяти Флавиану, бывшему епископу города Константинополя, и это после своих обещаний и многих клятв, как мы узнали, присутствуя (там). Во-вторых, потому, что он Евтихию, страждущему нечестием Манихея и законно низверженному, возвратил как священство, так и начальство над монахами незаконно, прежде соборного определения, и притом тогда, как святейший и блаженнейший архиепископ великого Рима Лев в том же послании определил должное (ему) и осудил преступное нечестие Евтихия, который говорил: “Исповедую Господа нашего Иисуса Христа прежде соединения двух естеств, а после соединения одно естество”. Далее, потому, что он причинил оскорбления боголюбезнейшему епископу Евсевию. Еще и потому, что он собственною властию принял в общение некоторых, осужденных различными соборами, тогда как святые правила предписывают, что лишенных общения одними не должны принимать в общение другие.

И между тем он мог бы получить прощение в таких и стольких проступках, если бы через надлежащее раскаяние искал врачевства у сего Вселенского собора. Но так как он, сверх других своих непотребств, ратовал против самого апостольского престола и старался составить грамоту отлучения против святейшего и блаженнейшего папы Льва, высокомерно упорствовал в прежних проступках и оказался дерзким против настоящего святого Вселенского собора, потому что не захотел ответить на сделанные против него обвинения, совершенно презирая их, а также, будучи вызван в первый, второй и

третий раз, согласно святым правилам, презрел это и не явился, то справедливым Вселенским собором лишен священства и приговорен к отчуждению от епископского достоинства, чтобы для других, покушающихся делать подобное, явить пример порядка и строгости, ибо и божественные законы повелевают говоря: "измите злаго от вас самих" *(1 Кор., 5, 13)*. Что может быть хуже погрешающего в таких делах, так попирающего божественные каноны, наполняющего волнением и бурею всю вселенную, расточающего членов Церкви и вооружающего их взаимно друг против друга? Подлинно, всякий, видя, что член тела подвергся неизлечимой болезни и может заразить все тело, найдет врача, который бы употребил железо и отсек больную часть, чтобы сохранить здоровыми другие части тела. О чем истинно доносим вашей благочестивой власти, чтобы вы рассмотрели и его преступность, и чистоту справедливого приговора, произнесенного над ним как бы перед лицом Божиим.

Мы уверены, что и вы, благочестивейшие и христианнейшие императоры, согласитесь с нами; мы знаем, какой страх внушает злым ваша почтенная власть и какую заботливость вы оказываете о церковном мире, будучи научены опытом. А чтобы ваша христианнейшая власть знала яснее, что определено верно и согласно со святыми правилами и волею Божиею, мы присовокупили к сему донесению и самые состоявшиеся документы деяний с подписью всех нас".

Вероопределение установлено и прочитано было на Соборе в воскресенье 22 октября 451 года. На следующем, шестом заседании, 25октября, происходило торжественное утверждение вероопределения, совершенное в присутствии императора Маркиана, императрицы Пульхерии и многочисленного собрания придворных чинов.

Император открыл это радостное заседание речью к отцам Собора, в которой, между прочим, говорил: "В недавнее время открылись некоторые, одни по жадности к деньгам, а другие по худым пристрастиям, мудрствующие разное и излагающие перед толпою учения, полные вредных заблуждений. Желая уврачевать зло, мы собрали святой ваш Собор в уверенности, что от ваших трудов по путешествию будет величайший успех в деле утверждения Богопочитания, так что отнимется тьма, лежащая на умах заблуждающихся людей. Итак, пусть обнаружится истина, заключающаяся в ваших изложениях. Мы же, чтобы придать твердость деяниям соборным, а не для показания силы, решились присутствовать на Соборе, взявши во образец блаженной памяти Константина". За речью императора, покрытой радостными кликами отцов Собора, последо-

вало чтение вероопределения, за которым государь спросил отцов: "Пусть скажет святой собор, по согласию ли всех епископов провозглашено прочитанное теперь определение?" — "Все так веруем, — послышалось в ответ, — все так мудрствуем. Маркиану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду много лет; вы — мир вселенной; вы — светила православия; Господи, сохрани светила вселенной; Пульхерия — новая Елена, ты явила ревность Елены; Несторию, Евтихию и Диоскору анафема, Троица извергла троих!"

После такого торжественного утверждения вероопределения IV Вселенского собора император Маркиан издал ряд указов, направленных к пресечению ереси и упрочению православного учения[10]. Но подобные указы бессильны были прекратить волнения в Церкви, продолжавшиеся в разных местах ее и после Халкидонского собора. Задачу окончательного умирения Церкви, взволнованной спорами о двух естествах во Христе, берет на себя следующий — V Вселенский собор.

Воспоминание IV Вселенского собора совершается Православною церковью 16 июля.

Примечания:

[1] Валентин учил, что тело Христа создано было Творцом из эфирной материи неба. Аполлинарий учил, что Господь Иисус Христос не был полным, всецелым человеком, так как Он не обладал разумною душою, которую в Нем заменяло Божество.

[2] Так в первый раз Собор назван был современным ему папою Львом Великим, явившимся истинным оплотом православия в это трудное и тяжелое для Восточной Церкви время. Папа Лев скончался 461 года 10 ноября. Память его Православною Церковью совершается 18 февраля.

[3] В высочайшем послании, адресованном Диоскору, архиепископу Александрийскому, читаем: "Феодориту Кирскому мы повелеваем не прежде придти на Собор, как когда угодно будет всему Собору, чтобы и он присутствовал на нем. Если же возникнет какое-либо разногласие касательно его, то мы повелеваем собраться Собору без него и решить то, что повелено". По-видимому, это устранение Феодорита с Собора было условным, но, в сущности, в виду преобладания на Соборе сторонников Евтихия, оно было окончательным.

[4] История ничего не знает о воспитании и образовании Диоскора; ей известна только его деятельность, как человека проникнутого враждою к истине, ревностию к заблуждению и ненавистью к имени св. Кирилла за его деятельность в создании и защите унии. По своим догматическим воззрениям Диоскор был чистым монофизитом и еще до Константинопольского собора находился в сношениях с монофизитами всех стран, которые и действовали под его руководством во главе с Евтихием. Когда поднялось дело Евтихия после Константинопольского собора, Диоскор, естественно, встал на его сторону. К этому его побуждала и борьба за иерархическое первенство. Епископы Константинополя, вследствие близости к императору, приобрели первенство чести между всеми епископами Востока и исключительное влияние на дела церковные. Александрийская церковь, как более древняя и притом апостольского происхождения, могла

почитать себя имеющею больше прав на это первенство. Дело Евтихия открывало Диоскору удобный случай явиться судьею Константинопольского патриарха и, следовательно, первенствовать над ним.

[5] Нельзя не отметить, что правило III Вселенского собора, запрещающее изменения символа, Диоскор, в целях применения его к Флавиану, неправильно истолковывает, как запрещение всякого богословствования.

[6] Свое православие Маркиан выразил главным образом созванием IV Вселенского собора; он заявил его и тотчас по своем вступлении на престол, когда распорядился, чтобы останки умершего в изгнании архиепископа Флавиана были перенесены и торжественно положены в Константинопольском храме святых апостолов, где погребались епископы Царьграда. Затем Маркиан приказал возвратить из ссылки на их кафедры епископов, изгнанных вследствие осуждения на "разбойничьем" соборе.

[7] Отцы IV Вселенского собора свидетельствуют о Пульхерии, что она "всю жизнь проводит в молитве" и что у нее "беседа в псалмах".

[8] Указ об этом был издан 1 сентября 451 года и гласил: "Всем занятиям должны быть предпочитаемые божественные дела. А так как возбуждены некоторые недоумения касательно нашей Православной веры, то нам благоугодно, чтобы составился святой Собор в Никее, дабы при общем согласии всех, по точном исследовании истины и по устранении всякого пристрастия, которым уже злоупотребляли некоторые и возмущали православное благочестие, яснее открылась истинная вера и уже не могло быть никакого сомнения и разногласия. Если не воспрепятствуют военные походы, мы сами лично будем присутствовать на досточтимом Соборе".

[9] В Пафлагонии. Здесь Диоскор умер в 454 году. Вопрос об еретике Евтихии отцами не рассматривался; известно, однако, что Евтихий, по окончании Собора, был подвергнут ссылке.

[10] Первый такой указ издан императором 7 февраля 452 года. "Тот нечестив, — говорится в указе, — кто после того, как истина утверждена, через споры и рассуждения отыскивает новую истину. На будущее пусть никакой клирик или человек какого-либо другого звания не осмелится публично собирать толпы народа и рассуждать о вере. Подобный поступок есть оскорбление для Собора: обсуждать снова, что уже определено Собором, значит не доверять ему. Не минует наказание презирающих этот закон: если клирик осмелится всенародно препираться о вере, да исключится из списка клириков; если военный, да лишится достоинства, а люди простого сословия, да изгонятся из столицы. В последующих указах императором отменяются все узаконения Феодосия Младшего, направленные против православия и его защитников: Флавиана Константинопольского, Евсевия Дорилейского и Феодорита Кирского. Замечателен указ 28 июня 452 года, которым евтихианам или монофизитам запрещалось: 1) иметь особых духовных лиц , 2) делать отдельные церковные собрания и строить монастыри; 3) у евтихиан отнималось право делать духовные завещания и получать по таковым; 4) они не имели права находиться на военной службе.

ПЯТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Торжество православия над монофизитскою ересью на IV Вселенском соборе не было окончательным: еретики-монофизиты продолжали существовать в Восточной Церкви. В некоторых местах вероопределения Собора были встречены беспорядками и открытыми выступлениями; главное ядро возмущавшихся составляли монахи-простецы, верившие искренне нелепым внушениям сторонников ереси, что Халкидонский собор изменил древней вере и ввел какую-то новую. Возмущения, поднятые подобными внушениями, доходили до низвержения и даже убийства еретиками православных епископов и священников, причем для подавления таких восстаний иногда требовалось вмешательство вооруженной силы. Такими местами была Палестина, Египет в особенности, Сирия во главе со столичным городом Антиохией и даже Константинополь. В целях умиротворения Церкви некоторые императоры, преемники Маркиана, издавали указы, которыми, однако, достигали обратных результатов, еще более разжигая недовольство. Император Василиск (476—477г.) издал окружную грамоту (энциклион), где анафематствовался IV Вселенский собор и его деяния. Император Зенон (477—491г.) издает грамоту единения (энотикон), где говорит двусмысленно о Халкидонском соборе; император Анастасий (491—518г.) хотел внести в Константинополь монофизитское добавление к трисвятому "распныйся за ны"[1]. Подобные указы императоров содействовали все большему распространению на Востоке монофизитства.

Эти монофизитские волнения, раздиравшие Церковь и после Халкидонского собора, осложняло и усиливало еще следующее обстоятельство. В истории появления и развития ереси Нестория значительное участие принадлежало трем лицам, скончавшимся в V веке: Феодору, епископу Мопсуестскому, Феодориту, епископу Кирскому и Иве, епископу Едесскому. Феодор Мопсуестский был одним из учителей Нестория; Феодорит писал резкие анафематизмы против учения св. Кирилла Александрийского; под именем же Ивы ходило послание к некоему Марию Персу, в котором содержались непочтительные отзывы о III Вселенском соборе, будто бы несправедливо осудившем Нестория, и находились выражения оскорбительные для св. Кирилла. Несмотря на участие помянутых лиц в борьбе с право-

славием, они не были осуждены ни на III Вселенском соборе, осудившем Нестория, ни на IV Вселенском, хотя последний Собор имел случай касаться деятельности Феодорита и Ивы, которым на этом Соборе возвращены были епископские кафедры, а о Феодоре Мопсуестском собор даже имел повод выразить до некоторой степени и свое суждение в связи с его сочинениями.

Такое отношение со стороны православных к Феодору Мопсуестскому, Феодориту Кирскому и Иве Едесскому открывало возможность монофизитам укорять Церковь в скрытой приверженности к несторианству. По свидетельству одного современника, "еретики (монофизиты) поносили священников Церкви как последователей Нестория". С другой стороны, и несториане, которых все еще было немало на Востоке, извлекали выгоды из того обстоятельства, что помянутые сторонники несторианства не были осуждены Православною Церковью. Дело в том, что сочинения Нестория были изъяты из публичного обращения императорскими указами, и для распространения своей ереси несториане прибегли к распространению тех сочинений Феодора, Феодорита и Ивы, в которых развивались несторианские воззрения. На восьмом заседании V Вселенского собора прямо засвидетельствовано: "Последователи Нестория старались навязать Церкви Божией свое нечестие через нечестивого Феодора, который был епископом Мопсуеста, через его нечестивые сочинения, и посредством того, что написал нечестиво Феодорит и посредством злостного послания, которое, говорят, написал Ива Марию Персу".

Церкви, таким образом, было необходимо высказать осуждение Феодора, Феодорита и Ивы, поскольку они являлись писателями и деятелями, враждебными православию и дружественными Несторию. Так у монофизитов отнимался повод для нападок на Православную Церковь, а у несториан — возможность к распространению еретических (несторианских) воззрений. Император Юстиниан, принимавший самое близкое участие в делах Церкви и горевший желанием примирить многочисленных монофизитов империи с православными и тем достигнуть на единении религиозном единения государственного, и принял на себя заботу устранить церковное разделение. По совету имевшего на него влияние Феодора Аскиды, архиепископа Кесарии Каппадокийской, император около 544 года издал указ, в котором подвергались анафеме: Феодор Мопсуестский со всеми его сочинениями и учением, Феодорит Кирский за сочинения, направленные против св. Кирилла Александрийского и III Вселенского собора, и Ива Едесский за послание к Марию Персу, в котором

усматривалось тяготение к несторианству. Указ императора не дошел до нас; сохранились только фрагменты из него у писателей, современных его изданию.

Император надеялся, что указ будет принят всеми представителями церковной власти и, таким образом, получит общецерковное значение. Но случилось обратное. Указ вызвал новые великие смятения в Церкви, известные как "спор о трех главах"[2]. Спорящие стороны, та и другая, имели под собою почву, так как в жизни и деятельности Феодора, Феодорита и Ивы в отношении к Церкви находились основания и для их защиты, и для их осуждения. Естественно, что с первым требованием о подписании указа император обратился к Мине, патриарху Константинопольскому. Мина пришел в раздумье, как бы своею подписью указа, призывающего к осуждению того, чего не осуждал IV Вселенский собор, не нанести укоризну последнему. Впрочем, после некоторого колебания патриах Константинопольский подписал указ, но с оговоркой, что если папа Римский откажется это сделать, то и его подпись должна считаться недействительной. Остальные восточные патриархи — Зоил Александрийский, Ефрем Антиохийский и Петр Иерусалимский — тоже не без колебаний подписали указ, отчасти из приличия, отчасти из страха. За патриархами подписали и прочие восточные епископы.

Совершенно иное отношение указ встретил на Западе, епископы которого менее боялись императора и потому в своих суждениях и действиях были более независимы. Западные епископы поднялись на открытую борьбу с указом императора. Прежде всего императору пришлось натолкнуться на это сопротивление Западной церкви в самом Константинополе. Поверенный (апокрисиарий) папы в Константинополе Стефан, узнав о подписи указа патриархом Миною, прервал с ним общение и других призывал к тому же. Декий, епископ Медиоланский, находившийся в Константинополе при обнародовании указа, тоже заявил открытый протест.

С особенною решительностью и как один человек восстали епископы африканские, выразившие свое неодобрение указу даже особым посланием к императору, составленным от лица их епископом Понтианом. "Все те сочинения, о которых началась речь, — писали Юстиниану африканские епископы, — нам мало известны. Когда они дойдут до нас и когда, прочтя их, мы усмотрим, что они противны правой вере, то мы осудим их, но не самих авторов, уже умерших. Ежели бы они живы были доселе и не захотели осудить своих погрешностей, то только в таком случае они сами могли бы подлежать

справедливому осуждению. К чему послужит осуждение наше, ежели они не могут исправиться в своих заблуждениях? Мы боимся, чтобы осуждение их не послужило в пользу монофизитов. Зачем нам беспокоить умерших? Они теперь пред лицом Судии истинного, выше Которого нет другого судии".

Когда указ дошел до Рима, то папа Вигилий через двух своих диаконов Пелагия и Анатолия пожелал прежде всего навести справку, как судят об указе африканские епископы. На запрос Римской церкви ответил ученый карфагенский диакон Фульгенций Ферранд особым посланием , которое послужило для Рима руководством в его отношении к указу Юстиниана. В своем послании Фульгенций Ферранд развивает следующие основные положения: 1) согласие с указом Юстиниана равносильно с пренебрежением к значению IV Вселенского собора[3]; 2) умерших осуждать не следует[4]; 3) своим указом император насилует совесть членов Церкви[5]. Папа отклонил от себя подписание указа. Враждебно встречен был указ и в других местах Запада, и в Элладе, и Иллирике.

Видя противодействие Запада, император решил склонить на свою сторону папу Римского, как патриарха Запада. В целях более успешного воздействия на тогдашнего папу Вигилия император вызвал его в 547 г. в Константинополь; Вигилию был повод отправиться в Византию и по делам политическим, и по причине нашествия на Рим готов. Но прибыв в Константинополь, папа вначале не изменял своего отношения к указу; он даже отлучил патриарха Мину от церковного общения на четыре месяца за его осуждение "трех глав". Мина ответил Вигилию тем же. Однако затем, частью вследствие твердого отпора со стороны Константинопольского патриарха, частью ввиду лучшего ознакомления с делом на месте его возникновения, частью по слабохарактерности, уступая влиянию двора и надеясь встретить согласие всех восточных епископов на осуждение "трех глав", папа Вигилий изменил свое решение. Он пошел вроде на осуждение "трех глав" и обнародовал в этом смысле особый документ, известный под названием Iudicatum, где выражал свое согласие с решением императора и Церкви Восточной, осуждая Феодора за его учение и сочинения, Феодорита за некоторые сочинения, написанные против православия, и Иву за послание к Марию Персу.

Но согласие папы Вигилия, как выяснилось в дальнейшем, вовсе не означало согласия на осуждение "трех глав" Западного духовенства, которое вступило в борьбу со своим патриархом, как отступником от веры. Эту борьбу с папою начали два диакона из его же

свиты в Константинополе: родной племянник папы Рустик и Севастиан. Осуждая св. Кирилла Александрийского, вероятно, за его стремление подвергнуть анафеме сочинения Феодора Мопсуестского, Рустик и Севастиан, напротив, горячо защищали последних, объявляя при этом что папа сделался противником Халкидонского собора. Они рассылали письма, в которых доказывалась неправильность осуждения "трех глав"; эти письма в иных местах вызывали столь сильные разногласия, что доходило до кровопролития. Рустик и Севастиан обратились с прошением даже к самому императору, где доказывали, что папа Лев, современник Халкидонского собора, был защитником сочинений Феодора Мопсуестского. За свою деятельность Рустик и Севастиан вместе с другими участниками их "заговора и скопа" лишены были принадлежащего им церковного достоинства.

Но это не остановило сопротивление папе. Вместе с распространением на Западе слухов о поведении Вигилия все более возрастала церковная смута. Иллирийские епископы собрали в 549 году Собор, который обратился с посланием к Юстиниану, доказывая несправедливость осуждения "трех глав"; этот же Собор осудил епископа Бенената, который порицал "три главы". Африканские епископы на Соборе 550 года отлучили папу Вигилия от церковного общения, пока он не принесет покаяния; Собор обращался к императору с посланием, защищавшим последних. Даже в отдаленной Галлии началось возмущение против Вигилия.

Среди многочисленных борцов с указом императора бесспорно выдающееся место принадлежит епископу Гермианскому (Африка) Факунду. Он издал обширное сочинение "В защиту трех глав", где на основании исторических данных из сочинений осуждаемых мест, подтверждающих православие их, на основании установления понятия еретик и доказательств невозможности применять суд к умершим строит свою апологию.

В защиту Феодора Мопсуестского Факунд писал: "Феодор умер в мире с Церковию; он был хвалим мужами достоуважаемыми; целый Собор епископов антиохийских писал в его защиту. О нем не произнес осуждения собор Халкидонский, когда читалось на том Соборе послание Ивы, где Феодор украшается похвалами. Изыскивая основания к порицанию Феодора, ссылаются на Кирилла, который порицал Феодора; но ежели руководиться такими образцами, то мы встретимся со многими примерами, где одни из отцов неуважительно отзываются о других; но главное — как мы будем следо-

вать Кириллу в осуждении Феодора, когда это будет нападением на собор Халкидонский, на котором не осужден Феодор? Напрасно хотят осудить Феодора как еретика, принимая во внимание его заблуждения; еретик не тот, кто заблуждается, а тот, кто, будучи уличен в неправославии, остается упорным; как осуждать Феодора как еретика, когда он умер! Кто явится обвинителем против Феодора? Может ли обвинитель доказать, что все, приписываемое Феодору, действительно принадлежит ему? На суде людском каждый может отрекаться, что он не делал того, в чем его обвиняют, или как-нибудь объяснить дело к своей выгоде, или, наконец, отказаться от заблуждений, в каких обвиняется; но Феодор не может воспользоваться всеми этими выгодами для подсудимого, находившегося в живых... Наконец, у Феодора есть в сочинениях много мыслей правильных, общих с знаменитыми отцами Церкви, поэтому осуждать Феодора — значит осуждать и святых отцов, писавших в том же духе, как Феодор".

В защиту Ивы Факунд писал: "Осуждать письмо Ивы — значит нападать на Халкидонский собор; авторитет сего Собора защищает сам император Юстиниан; но каким образом письмо Ивы может быть осуждено, как нечестивое и несторианское, когда сего не сделал этот Собор? Письмо Ивы не все нечестиво и безбожно; в нем содержится исповедание двух естеств в Иисусе Христе, а сего нельзя назвать ни нечестием, ни безбожием. Ива худо отзывается о св. Кирилле, писал против Кирилловых анафематизмов? Но ежели мы станем обращать внимание на подобные стороны дела, то придем к необходимости осудить и некоторых других досточтимых мужей, кои также неодобрительно отзывались о св. Кирилле".

В защиту Феодорита Факунд говорит очень немного: оправдание его он основывает на деяниях Халкидонского собора и на отношении отцов этого Собора к Феодориту.

В противовес стремлениям Западной Церкви, находившей все новые и новые основания к оправданию "трех глав", император Юстиниан отыскивает факты в доказательство совершенной законности осуждения "трех глав". В Мопсуесте, где находилась кафедра Феодора, в мае 550 года император созывает поместный Собор для исследования и решения вопроса: было ли имя Феодора здесь занесено в церковные диптихи?[6] Собор под председательством Иоанна, митрополита из города Аназарва, состоял из 8 епископов с участием пресвитеров, диаконов, иподиаконов, чтецов Мопсуестской церкви и представителей светской власти. Множество свидетелей, из пожи-

лых светских и духовных людей, призвано было для ответа на вопрос, помнят ли они, чтобы имя Феодора читалось в церковных диптихах, и не известно ли им, когда оно исключено оттуда? Показания свидетелей, из которых некоторым было 70—80 лет, сводились к следующему: "Не знаем и не слыхали, чтобы Феодор, бывший некогда епископом этого города, был провозглашен в церковных диптихах. Но слышали, что св. Кирилл, бывший епископ великого города Александрии, помещен вместо Феодора в диптихах и даже доселе он провозглашается с другими епископами. Не знаем и не слыхали, чтобы в нашем городе был епископ, по имени Кирилл; а тот епископ Феодор, который читался в диптихах, умер три года тому назад".

Принесены были на Собор древнейшие диптихи, писанные на пергаменте и уже не употреблявшиеся за богослужением; оказалось, что в них на том месте, где по порядку следования во времени должно быть имя Феодора, помещено имя Кирилла. Результат изысканий Собора был изложен председателем его в следующих словах: "Ясно показано, что прежний Феодор, который был епископом в сем городе, в древние времена не был провозглашаем при Божественном таинстве и исключен был из священных диптихов, и вместо его имени вписан был святой памяти Кирилл", — о чем и сообщено было императору и папе.

С тою же целью обнаружить неосновательность защиты "трех глав" император, вероятно, в 551 году издал указ, где с большою тщательностью опровергаются возражения, какие делались против осуждения "трех глав". Этот указ разделяется на три части.

Первая содержит богословствование о Святой Троице и соединении во Христе Иисусе двух естеств с опровержением тех доказательств, какие приводили в защиту монофизитства сами еретики.

Вторая часть содержит анафематства на различные заблуждения и еретиков Церкви древней, и современной: произносит анафему на Феодора Мопсуестского, на некоторые сочинения Феодорита и на письмо Ивы к Марию Персу.

Третья часть опровергает возражения, приводимые защитниками "трех глав" против их осуждения указом императора.

Так, в защиту Феодора Мопсуестского противники указа говорили: а) если в сочинении Феодора и замечаются заблуждения, то отсюда только тот правильный вывод, что их и нужно анафематствовать, а никак не *лицо* сочинителя. Юстиниан в ответ на это возражение приводит текст Священного Писания, что "в равне ненавидима суть Богу и нечествуяй, и нечестие его" (*Прем., 14, 9*). б) В устранение

возражения, что нельзя анафематствовать Феодора, как уже умершего, Юстиниан указывает, что подобное анафематствование совершалось в Церкви как в древности, так и в более близкое время. Это видно из деяний святых Соборов, например, Никейского, безымянно анафематствовавшего всех последователей Ария; видно из слов блаженного Августина, который говорит о себе, что он, в случае нужды, "подверг бы" одного епископа (Цецилиана), если бы было доказано его еретичество, "анафеме и после его смерти". Затем, если нельзя осуждать еретиков по смерти, то, с другой стороны, нельзя и оправдывать после смерти невинно осужденных, тогда как Церковь после смерти именно оправдала Иоанна Златоуста и Флавиана, архиепископов Константинопольских. в) Что же касается указания, что не следует анафематствовать Феодора как умершего в общении с Церковью, то, в согласии с указом, в общении с Церковью находятся лишь лица, до конца своей жизни соблюдающие содержимое ею учение благочестия; Феодор же постоянно пребывал в нечестии, поэтому и умер вне общения с Церковью. При этом приводится как доказательство уже известное решение поместного Собора в Мопсуестсе. г) Указание защитников Феодора на добрые отзывы о нем чтимых Церковью лиц, например, св. Кирилла Александрийского, Иоанна Антиохийского с Собором, в доказательство невозможности осуждения Мопсуестского епископа не оставлено Юстинианом тоже без рассмотрения. Соглашаясь, что св. Кирилл говорил нечто за Феодора, Юстиниан замечает, что гораздо более св. отцом сказано против Феодора. Похвала же Иоанна Антиохийского и Собора антиохийских епископов произнесена ими во дни вражды с Кириллом, когда они были сторонниками Нестория. Притом Церковь знает примеры, что похвала даже св. отцов некоторым еретикам не освободила последних от осуждения и анафемы после того, как обнаружено было их нечестие.

Обращаясь к рассмотрению доказательств незаконности осуждения послания Ивы, император останавливается прежде всего на указании — 1) Послание Ивы принято святым Халкидонским собором. Но это указание отвергается на следующем основании: по прочтении послания Собор прямо и решительно потребовал от Ивы анафематствования Нестория и его учения, на защиту которых и направлено было послание, т.е. принятие Собором послания и осуждение Нестория — две вещи взаимно исключающие друг друга. 2) Не избавляет послание от осуждения и нахождение в нем православных выражений: в Христе два естества, одна сила (власть), одно

лицо. Но ведь, указывает император, и Несторий учил о двух естествах и при этом осужден: нужно не только исповедывать во Христе два естества, но и признавать их ипостасное соединение, чего и не делает Ива в своем послании, полном несторианских мыслей. Наконец защитники "трех глав" говорили, что порицать послания Ивы нельзя и потому еще, что оно внесено в соборные записи. Но, замечает император, из сочинений Нестория и Евтихия многое приведено в соборных деяниях; а значит, и их нужно оправдать. Кто же не знает, что многое из еретического лжеучения приводится в соборных записях, но, конечно, не для того, чтобы показать правильность учения еретиков, а как раз для обратной цели — обличить их мудрствования, противные православию.

Однако, несмотря на все усилия императора, Западная Церковь не переставала противиться осуждению "трех глав". Эта стойкость отразилась и на папе Вигилии, который начал колебаться в своем решении анафематствовать "три главы". Видя такое положение вещей, император для окончательного решения вопроса созывает V Вселенский собор.

V Вселенский собор открылся в Константинополе и имел восемь заседаний. Он начался 5 мая 553 года. На первых заседаниях Собора было 150 епископов, а при закрытии его число их доходило до 164. На Соборе председательствовал Евтихий, патриарх Константинопольский. Среди членов Собора более выдающимися были: Аполлинарий, патриарх Александрийский, Домн, патриарх Антиохийский; за патриарха Иерусалимского представительствовали три палестинских епископа. Западных епископов было очень немного (от 6 до 8), и все они были из Африки.

Папа Вигилий все еще жил в Константинополе, и император желал видеть его на Соборе. Собор отправил к папе посольство с предложением явиться на Собор. Приглашать папу отправились три патриарха (Константинопольский, Александрийский, Антиохийский) и 17 епископов. Он отказался прибыть, объяснив, что по слабости телесной не может выполнить этого требования, однако же обещал на следующий день объявить, какого он мнения о таком Соборе". Собрание епископов разошлось по домам. Вторичное посольство к папе из нескольких епископов и светских чиновников как депутатов от лица императора, тоже получило отказ, но на этот раз свое нежелание идти на Собор папа не оправдывал болезнью, а прямо заявил, что на Соборе очень мало западных епископов по сравнению с числом восточных. Папа обещал, впрочем, письменно высказаться по

вопросу об осуждении "трех глав". Третье посольство, по обычаю отправленное к папе, тоже ничего не достигло: папа отказался присутствовать на Соборе, и посланные объявили ему, что Собор вынужден будет открыться без него. Некоторые из западных епископов, бывших в Константинополе, ссылаясь на отказ папы, тоже отказывались идти на Собор. Истинная же причина подобных отказов заключалась в том, что папа опять возвратился к мысли, что не следует производить осуждения "трех глав"[7]; зная же, что восточные епископы держатся противоположного взгляда, папа счел за лучшее вовсе не являться на Собор.

Император обратился к отцам Собора с указом, прочитанным при открытии соборных заседаний. В нем намечался порядок рассмотрения спорного вопроса о "трех главах": "Просим вас рассмотреть то, что написано как в других сочинениях *(Феодора Мопсуестского)*, так и в его символе; просим также рассмотреть и то, что о нем и его хулениях написали святые отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о нем писатели церковной истории... Просим вас порассудить и о мнении тех, которые утверждают, будто не следует анафематствовать еретиков по смерти, и просим держаться в этом случае учения святых отцов, которые и по смерти анафематствовали умерших в своем нечестии. Просим вас обратить внимание на то, что нечестиво написано *Феодоритом* против правой веры и против Ефесского собора, против памяти Кирилла и против его 12 глав и что тот же Феодорит написал в защиту Феодора и Нестория и их хулений против памяти Кирилла. Просим также сделать исследование и о нечестивом послании, которое написал *Ива* к Марию Персу. И так как некоторые дерзают утверждать, что послание это, содержащее нечестие, принято и святым Халкидонским собором, то просим вас сличить то, что сказано этим святым Собором в определениях его, изложенных в защиту веры, и то, что содержится в нечестивом послании, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить".

Взяв в руководство распорядка своей деятельности указ императора, отцы Собора прежде всего занялись вопросом о Феодоре Мопсуестском. Из сочинений последнего на Соборе извлечено и прочитано было очень много мест, причем обнаружилось, что Феодор, в сущности, повторял учение Нестория, осужденное III Вселенским собором. Неправославные мнения Феодора, открытые и изобличенные Собором и названные им "сокровищами нечестия", сосредотачивались, главным образом, на учении о двух естествах во Христе и

образе их соединения и заключались в следующем:

1) От Пресвятой Девы Марии родился не Бог, а человек[8]; ".

2) Бог Слово не рождался от Девы Марии, а лишь присутствовал в человеке Иисусе при Его рождении и во время остальной Его жизни[9];

3) С таким воззрением Феодор, естественно, приходил к составлявшему сущность несторианства учению о разделении естеств в Бого-человеке: по его утверждению, во Христе Иисусе существовали как бы два лица, Божеское и человеческое, не соединяясь одно с другим[10];

4) При этом Феодор, вопреки учению православной Церкви, не полагал никакого различия между человеком-Христом и всяким другим человеком; он считал свойственной человеку-Иисусу борьбу со страстями и похотями, так что, по мысли Феодора, "только чрез свое воскресение Христос, как человек, сделался неизменяемым, т. е. неудобопреклонным ко злу. Почему до воскресения из мертвых Он укорял Петра за то, что тот соблазняет Его своими словами *(Мф., 16, 23)*. Через воскресение же Христос сделался совершенно непорочным".

5) Если же Христос как человек не обладал нравственным совершенством, то, — учил Феодор, — Он нуждался в руководстве Духа Святого и в содействии Бога Слова в достижении непорочности[11].

6) Признавая, что от Пресвятой Девы Марии родился не Богочеловек, а человек-Христос, Феодор почитал возможным только в относительном, а не буквальном смысле именовать Деву Марию Богородицею. «Когда спросят, — рассуждал Феодор, — мать человека или Матерь Бога — Мария? — мы должны отвечать: "И то и другое, первое по естеству, второе относительно. Она матерь человека, потому что человек был во чреве Ее; но Она Матерь Бога, потому что Бог был в рожденном человеке, но Он был в нем по благоизволению"».

Кроме того, Собором в сочинениях Феодора Мопсуестского были открыты хотя и не столь важные, но все же значительные заблуждения, из коих некоторые граничили с ересью, а именно: его хульные отзывы о включенных в священный канон Книги Иова, и Книги "Песнь песней", его отрицание за многими ветхозаветными пророчествами, относящимися к Мессии, мессианского значения и наконец его мнение, что наименование христиане однородно с наименованием других людей, "следующих, по его выражению, какой-либо секте".

Затем на Соборе были читаны, с тою же целью доказательства

виновности Феодора в еретических заблуждениях, послания и сочинения св. Кирилла Александрийского против Феодора, сочинения Прокла Константинопольского, Равулы Едесского и другие, выражавшие голос Церкви о Федоре. Когда на основании этих документальных данных выяснился еретический образ мыслей Феодора, Собор все еще не спешил с его осуждением: отцы Собора прежде чем вынести свой окончательный приговор, считают себя обязанными разобрать те возражения, какие делались в защиту Феодора противниками осуждения "трех глав".

Так, защитники Феодора отрицали возможность его осуждения на том основании, что в одном из посланий св. Кирилл Александрийский называет Феодора "добрым Феодором". Но чтение послания показало отцам Собора, что св. Кирилл, называя Феодора "добрым" за его борьбу с арианством и труды по истолкованию Священного Писания, в том же послании порицает того же Феодора за неправильные мысли о соединении двух естеств во Христе. Притом отцы Собора пояснили, что хороший отзыв уважаемого Церковью лица о другом, оказавшемся еретиком, не избавляет последнего от осуждения: одобрительный отзыв св. Василия Великого об Аполлинарии не избавил Аполлинария от осуждения за еретичество; папа Лев, одобрявший в своем послании Евтихия, впоследствии анафематствовал его как еретика. Кроме того, снисходительный отзыв о заблуждающемся лице делается иногда в целях достижения церковного мира. Св. Кирилл отзывается кротко о Феодоре единственно в тех видах, чтобы не усилить вражду несториан к Церкви.

Далее защитники Феодора говорили, что его нельзя осуждать, так как он уже умер. Собор доказывает неосновательность подобного суждения, ссылаясь на примеры, показывавшие, что не безвременно осуждение еретика и после его смерти. Здесь Собор останавливается главным образом на свидетельствах св. Кирилла Александрийского и блаженного Августина. Св. Кирилл писал: "...и так должно осуждать тех, которые повинны в дурных поступках, в живых ли они находятся, или нет". "Если когда-либо это было доказано нам, — говорит блаж. Августин об епископе Цецилиане Карфагенском, которого выставляли перед ним как нарушителя церковного мира, — мы сами анафематствовали бы его после смерти". Третье возражение защитников Феодора, указывавших на то, что последний умер в мире с Церковью и потому не может быть осужден, отцы Собора устранили, считая умершим в мире с Церковью лишь христиан, соблюдших догматы веры до конца жизни.

При этом перечитаны были на Соборе деяния Мопсуестского поместного собора, обнаружившего, что имя Феодора с давних лет было вычеркнуто из церковных диптихов.

Окончив суждение о Феодоре Мопсуестском и отложив осуждение его до времени рассмотрения дела всех "трех глав", Собор, согласно пожеланию императорского указа, приступил к рассмотрению сочинений Феодорита Кирского, написанных для содействия несторианству в борьбе с православием. Собор признал заслуживающими особого порицания следующие сочинения Феодорита:

1) Разбор двенадцати анафематизмов Кирилла, где несторианские воззрения Феодорита нашли открытое выражение, как видно, например, из следующего места: "Бог Слово не родился от Девы естеством, зачавшись и образовавшись, и с того времени получив начало существования, но образовавший Себе храм в девической утробе был вместе с образованным и рожденным. Поэтому и Святую Деву называем Богородицей не потому, что Она родила Бога по естеству, но потому, что Она родила человека, соединенного с Богом, Который образовал его".

2) Некоторые послания, где Феодорит поносил незаслуженными укоризнами защитника правой веры св. Кирилла Александрийского. В числе их прочитано было на Соборе и то послание Феодорита, которое им написано было вслед за смертью св. Кирилла. Послание это полно насмешек и издевательств над почившим великим святителем[12].

3) Послание Феодорита к Андрею, епископу Самосатскому, полное ужасных хулений на III Вселенский собор, православные епископы которого представляются в нем злодеями, приверженцы несторианской ереси — как страдальцы за невинную веру[13].

4) Послание Феодорита к Несторию после III Вселенского собора, из которого видно, что Феодорит оставался другом и преданным учеником Нестория и после анафематствования его Вселенскою Церковью, как обнаруживается это из самого заглавия послания — "Господину моему, достопочтеннейшему и благочестивейшему и святейшему отцу, епископу Несторию". Выслушаны были Собором и писания Феодорита в защиту Феодора Мопсуестского.

Свое суждение о Феодорите как авторе неправославных сочинений и об отношении к нему IV Вселенского собора в Халкидоне отцы V Вселенского собора кратко выразили так: "Имея в виду то, что нечестиво написал Феодорит, должно удивляться проницательности святого Халкидонского собора, ибо, зная его богохульства, он преж-

де довольно часто употреблял против него многие воззвания, а после иначе не принял бы его, ежели бы он наперед не анафематствовал Нестория и его богохульства, в защиту которых прежде писал".

По рассмотрении сочинений Феодорита, несогласных с учением правой веры, Собор начал рассмотрение дела "третьей главы" — Ивы Едесского с его посланием к Марию Персу. Предстояло решить вопрос, можно ли признавать справедливым утверждение некоторых, что послание Ивы принято IV Вселенским собором в Халкидоне? Чтобы ответить на этот вопрос, отцы прежде всего выясняют, как поступили на Халкидонском соборе с самим Ивою? При этом некоторые епископы развивали ту мысль, что оправдание Ивы не простиралось на его послание: на Соборе Ива заявлял, что он неповинен в том, в чем его обвиняют, и этим самым отказывался от своего послания, не признавал его мыслей истиною. Правда, некоторые отцы Халкидонского собора, — как ставили это на вид противники осуждения "трех глав", — говорили, что Ива невиновен и послание его православно. На это отцы V Вселенского собора возражали в том смысле, что так смотрело меньшинство из отцов IV Вселенского собора; большинство же видело в Иве раскаявшегося человека, а на Соборе и должно руководиться мнением не отдельных лиц, а всех или, по крайней мере, большинства.

Для совершенного и окончательного удостоверения, что послание Ивы не было принято Халкидонским собором, отцы сличили послание к Марию Персу с его вероопределением. С непререкаемою ясностью открылось, что мнения, изложенные в послании отвергались отцами Халкидонского собора. Тогда единодушно послание Ивы было объявлено еретическим. "Все мы, — воскликнули отцы V Вселенского собора, — осуждаем послание; все мы анафематствуем оное; послание чуждо Собору, послание противно определениям, все послание еретическое, все богохульное. Кто его не анафематствует, тот еретик. Кто принимает послание, тот отвергает святых халкидонских отцов. <...>

"Осуждаем и анафематствуем вместе со всеми другими еретиками и Феодора, который был епископом в Мопсуесте, и его нечестивые сочинения, и то, что нечестиво написал Феодорит против правой веры, против 12 глав св. Кирилла и против Ефесского собора и что написано им в защиту Нестория. Кроме того, анафематствуем и нечестивое послание, которое написал Ива к Марию, отвергающее, что Бог Слово, воплотившись от Святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался человеком, и порицающее святую память Кирил-

ла, учившего православно, как еретика и как писавшего подобно, Аполлинарию, и обвиняющее Ефесский собор в том, что им низложен Несторий без суда и следствия, и защищающее Феодора и Нестория и их нечестивые учения и сочинения. Итак, анафематствуем вышеупомянутые "три главы", т.е. нечестивого *Феодора* с его непотребными *сочинениями*, и то, что нечестиво *написал* Феодорит, и нечестивое *послание*, которое приписывается Иве, и их защитников, и тех, которые писали или пишут в защиту их, или дерзают называть их православными, или вообще, защищая их, стараются защитить их нечестие именем святых отцов и святого Халкидонского собора".

Таким образом, Собор осудил лицо и сочинения Феодора Мопсуестского, Феодорита же и Иву не осудил, а анафематствовал только некоторые сочинения первого и послание второго.

Затем, "возжигая свет знания из божественного Писания и учения святых отцов", отцы Собора, кроме помянутого вероопределения, сочли необходимым изложить вкратце по пунктам проповедание истины и осуждение еретиков с их учением. Всех таких пунктов 14. В первых 11-и излагается сущность вероучения направленного против ересей, осужденных на предшествовавших Вселенских соборах; остальные пункты — 12, 13 и 14 — следующим образом излагают более подробные постановления относительно Феодора Мопсуестского, Феодорита и Ивы.

12-й) "Если кто защищает нечестивого Феодора Мопсуестского, говорившего, что иной есть Бог Слово и иной Христос, Который был обуреваем страстями душевными и вожделениями плотскими и отдалялся от более дурного мало-помалу и, таким образом, преуспевая в делах, улучшился и путем жизни стал непорочен; Который крестился, как простой человек, во имя Отца и Сына и Святого Духа и через крещение получил благодать Святого Духа и удостоился усыновления и по подобию царского изображения принимает поклонение в лице Бога Слова и после воскресения сделался неизменяем в помышлениях и совершенно безгрешным; и еще говорившего, что соединение Бога Слова со Христом совершилось такое же, о каком говорит апостол относительно мужа и жены: "Будете два в плоть едину" *(Еф., 5, 31)*, и сверх других бесчисленных богохульств дерзнувшего сказать, что когда Господь по воскресении дунул на учеников и изрек: "Приимите Дух Свят" *(Ин., 20, 22)*, то не дал им Святого Духа, а дунул только образно; утверждавшего также, что и исповедание Фомы по осязании рук и ребр Господа после воскресения: "Господь мой и Бог мой" *(Ин., 20, 28)*, сказано Фомой и не о Христе,

но что, пораженный необычайностью воскресения, Фома прославил Бога, возбудившего Христа; и, что еще хуже, в своем будто бы толковании на "Деяния апостолов", сравнивавшего Христа с Платоном, Манихеем, Епикуром и Маркионом и говорившего, что как каждый из них, изобретя собственное учение, дал ученикам своим названия платоников, манихеев, епикурейцев и маркионитов, подобным же образом, когда Христос изобрел учение, его ученики стали называться христиане. Итак, если кто защищает Феодора и нечестивые его сочинения, в которых он излил как вышесказанные, так и другие неисчислимые богохульства против великого Бога и Спасителя Иисуса Христа, а не анафематствует его и нечестивые его сочинения, и всех, которые поддерживают или защищают его и говорят, что он изложил православно, и которые писали в защиту его и мудрствуют, или когда-нибудь мудрствовали подобно ему и до смерти остались в таком нечестии, да будет анафема".

13-й) "Если кто защищает нечестивые сочинения Феодорита, которые он написал против истинной веры и против Ефесского святого собора и св. Кирилла и двенадцати его глав, и все, что написал он в защиту нечестивых Феодора и Нестория и в защиту других, которые мудрствовали одинаково с Феодором и Несторием, защищая их и их нечестие, и по причине этого называя нечестивыми учителей Церкви, которые исповедуют ипостасное соединение Бога Слова (с плотию), а не анафематствуют упомянутые нечестивые сочинения, и тех, которые мудрствовали и мудрствуют подобно им, и всех, которые писали против правой веры и св. Кирилла и двенадцати его глав и умерли в таком нечестии, да будет анафема".

14-й) "Если кто защищает послание, написанное Ивой к Марию Персу еретику, отвергающее, что Бог Слово, воплотившись от Святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался человеком, а говорит, что от Нее родился человек, которого называем храмом, так что иной есть Бог Слово и иной человек, и клевещет на св. Кирилла, проповедавшего правую веру христианскую, будто он еретик и писал подобно нечестивому Аполлинарию, и кто обвиняет Ефесский собор, будто он без суда и следствия осудил Нестория, и кто двенадцать глав св. Кирилла называет (как тоже нечестивое послание) нечестивыми и противными правой вере, и кто защищает Феодора и Нестория и нечестивые их учения и сочинения; итак, если кто защищает упомянутое нечестивое послание, а не анафематствует его и защитников его и тех, которые говорят, что оно или часть его — правое, и тех, которые писали или пишут в защиту его или нечестия

в нем и дерзают защищать его или заключающееся в нем нечестие именем святых отцов или святого Халкидонского собора и в этом пребывают до смерти, да будет анафема".

Вместе с делом о "трех главах" отцы Собора рассматривали вопрос о заблуждениях Оригена, знаменитого по своим дарованиям церковного учителя (III в.). Это было сделано во исполнение желания императора, выраженного им в обширнейшем послании к Мине, патриарху Константинопольскому. В этом послании, между прочим, находится следующий перечень еретических заблуждений Оригена, которые необходимо, по мнению императора, осудить:

1) Кто говорит или думает, что души человеческие предсуществовали, что они были прежде умами и святыми силами, наслаждались полнотою божественного созерцания, а затем обратились к худшему и через это охладели в любви к Богу, отчего и называются душами и в наказание посланы в тела, да будет анафема.

2) Кто говорит или думает, что душа Господа прежде существовала и соединяла с Богом Словом прежде воплощения и рождения Его от Девы, да будет анафема.

3) Кто говорит или думает, что сначала во чреве Святой Девы образовалось тело Господа нашего Иисуса Христа и затем с ним соединились Бог Слово и душа, существовавшие уже прежде, да будет анафема.

4) Кто говорит или думает, что Слово Божие уподоблялось всем небесным чинам, было для херувимов херувимом, для серафимов серафимом и уподоблялось всем вообще высшим силам, да будет анафема.

5) Кто говорит или думает, что тела человеческие в воскресении восстанут шарообразными и не исповедует, что мы восстанем в правильном виде, да будет анафема.

6) Кто говорит, что небо, солнце, луна, звезды, воды, которые выше небес, суть существа одушевленные и некоторые разумно-вещественные силы, да будет анафема.

7) Кто говорит или думает, что Господь Христос распнется в будущем веке за демонов, как и за людей, да будет анафема.

8) Кто говорит или думает, что могущество Бога ограничено или что Он создал столько, сколько мог обнять, да будет анафема.

9) Кто говорит или думает, что наказание демонов и нечестивых людей временно и что после некоторого времени оно будет иметь конец, или что будет восстановление демонов и нечестивых людей, да будет анафема.

10) Анафема и Оригену, прозванному адамантовым, изложившему это вместе с его нечестивым, непотребным и преступным учением, и всякому, кто держится этих мыслей, или защищает их, или каким-нибудь образом когда-либо осмелится повторять их.

Послание заключается следующим требованием: "Желая удалить всякий соблазн из святейшей Церкви, чтобы в ней не оставалось никакого порока, и последуя Божественному Писанию и писаниям святых отцов, отвергших как самого Оригена, так и его зловредное и нечестивое учение и праведно подвергших его и его учение анафеме, мы посылаем к твоему блаженству это наше послание, которым убедительно просим тебя собрать всех находящихся в сем царствующем городе святейших епископов и боголюбезнейших игуменов здешних честных монастырей и устроить так, чтобы все решительно анафематствовали упоминаемого выше нечестивого и богоборного Оригена, прозванного адамантовым, бывшего пресвитером святейшей Церкви Александрийской, и его зловредное и нечестивое учение и все приведенные ниже главы. А также просим тебя копии с того, что будет сделано твоим блаженством по этому поводу, послать ко всем святейшим епископам и игуменам честных монастырей, с тем чтобы и они собственною подписью анафематствовали Оригена и зловредное его учение со всеми, какие обнаружатся, еретиками".

Неизвестно, каким образом происходил на Соборе разбор и суд над лжеучением Оригена. Знаем только из 1-го правила VI Вселенского собора, что отцы V Вселенского собора "Феодора Мопсуестского и Оригена, и Дидима, и Евагрия, возобновивших еллинские басни, соборно предали проклятию и отринули".

В Восточной Церкви, еще до Собора склонившейся на осуждение "трех глав", V Вселенский собор не встретил себе противодействия. Не то видим в Церкви Западной, которая и до, и во время V Вселенского собора противилась осуждению "трех глав". Лишь спустя полстолетия, при деятельной поддержке самих римских пап, Собор 553 года в Константинополе был признан на Западе наравне с четырьмя предшествующими ему Вселенскими соборами.

Воспоминание V Вселенского Собора совершается Православною Церковью 25 июня.

Примечания:

[1] Добавление это введено было в Антиохии монофизитом Петром Фуллоном, самочинно провозгласившим себя архиепископом Антиохийским. Он учил, что Сын Божий страдал за нас по Божеству, а не по человечеству, а поэтому, вследствие единосущия

лиц Св. Троицы, с Сыном страдали Бог Отец и Дух Святый. Это именно и означало отмеченное добавление к трисвятому в виде слов "распныйся за ны".

[2] В начале под главами разумелись те главы или параграфы, на которые делился указ Юстиниана: соответственно числу анафематствуемых лиц и глав в нем было три. Но вскоре первоначальный смысл выражения "три главы" потерялся, и главами стали звать Феодора, Феодорита и Иву.

[3] "Не должно отметать суд, пременять суждения древних отцов, которые собирались в Халкидоне. Не должен Собор, относительно которого не было никакого сомнения столь много лет, вдруг терять свое уважение; определения его не могут оставаться твердыми, если затронут хоть одну часть его и почтут достойною порицания. Все, что утверждено на этом Соборе, должно иметь постоянно твердость. Если кто захочет поколебать одно в Соборе, тот колеблет все его определения. Если в определениях веры этого Собора как бы некая вода сладкая истекала из уст прежних епископов, то каким образом возможно, чтобы из тех же самых уст по делу Ивы епископа истекла не вода сладкая, а горчайшая желчи? Напрасно нам стали бы говорить: отцы Халкидонские в вере хороши, но худо сделали, что приняли послание Ивы. Если одна часть соборной деятельности не одобряется кем-либо, грозит опасность, что будут не одобрять и весь Собор. Апостол сказал: "Мал квас все смешение квасит" *(I Кор., 5, 6)*. Поэтому, если в целой массе определений святоотеческих откроется хотя небольшая доля кислой смеси, всю массу нужно будет признать вредною".

[4] "Что пользы вести борьбу уже с умершими или производить смуты в Церкви из-за таковых. *Если человек, будучи еще в живых, обвинен и осужден, и, прежде чем* успел заслужить разрешение, взят от мира сего, то относительно такого человека не может быть сделано разрешение никем. Если же кто обвинялся в чем-либо и потом получил разрешение, и в мире с Церковью отошел к Богу, такого суд человеческий не может уже осуждать".

[5] "Никто не может навязывать своего мнения другим, иначе мыслящим. Конечно, каждый может в видах утверждения веры излагать письменно, что он думает, однако же не с тем, чтобы написанное им заставлять принимать других. Сколь много святые и достославные учители трудились в проповедовании слова, которых Сам Господь через Духа мудрости и ведения призвал к научению верующих и к борьбе с еретиками, — но и они никогда не требовали подписи под своими книгами. Апостол говорил: "Пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают" *(1 Кор., 14, 29)*. Но он нигде не говорит: пусть подписываются или пусть вынуждаются к подписи. Он повелевает прилежно испытывать изреченное, чтобы по легковерию не впасть в заблуждение. Никто не принуждается сказанное кем-либо принимать наравне с изречениями Св. Писания, но предоставляется рассуждению каждого, что он примет, что отвергнет. Уже потому одному нет необходимости в подписи сказанного кем-либо, т. к. ведь этим отнимается возможность впоследствии мыслить иначе, хотя бы после истина и открылась во всем свете. Благочестивый исследователь отыскивает истину, но не спешит, чтобы отысканное им тотчас было принято другими, а еще сам готов согласиться с теми, кто лучше мыслит по данному вопросу".

[6] Диптихи — помянники, или поминанья. Наименование их заимствовано из дохристианской древности и указывает вообще на те предметы, которые складываются вдвое; собственно диптихами назывались две, соединенные вместе дощечки, покрытые с внутренней стороны воском, на котором и делались записи заостренным прутом — стилем; с наружной стороны дощечки покрывались различного рода рисунками. Церковь, приняв диптихи в богослужение, заменила наружные украшения светского характера священными изображениями. Полагают, что диптихи появились при богослужении в Церкви уже во времена апостолов; в IV веке они уже находятся во всеобщем употреблении. Диптихи имели несколько видов: 1) крещальные, в кои заносились сподобившиеся св.

крещения; 2) диптихи живых, в коих записывались имена принадлежащих к известной церкви; 3) диптихи святых и 4) диптихи умерших. В последнего рода диптихи записывались прежде всего местные епископы и епископы иных епархий, отличавшиеся святостью жизни, затем вносились священники и миряне. Поминовение по диптихам при совершении Евхаристии почиталось особою честью, поэтому из диптиха всегда исключались имена тех лиц, относительно которых обнаруживались грехи или заблуждения, *доселе бывшие* неизвестными.

[7] Во дни Собора папа обратился к императору с особым сочинением Constitutum, где он высказывается против осуждения "трех глав".

[8] "Мы не должны думать, — говорит Феодор, — что от Девы родился Бог... Не Бог-Слово родился от Девы Марии, родился же от Марии Тот, Кто от семени Давидова (т. е. человек)."

[9] "Тотчас при самом зачатии в человеке Иисусе начал быть Бог Слово, ибо присутствовал в Нем не только во время вознесения на небо, но и при воскресении из мертвых, именно как воскрешающий Его. И не при воскресении только, но и при пригвождении ко кресту и при крещении, и после крещения, а равно и до крещения, при выполнении Им постановлений закона и при обвитии пеленами во время рождения; находился в Нем Бог Слово также, когда Он (человек Иисус) находился во чреве Матери с первого момента его зачатия".

[10] "Нужно полагать различие между храмом (человеком-Христом) и Тем, Кто вселился в храм (Богом Словом), — между Тем, Кто освобожден от уз смерти, и Тем, Кто освободил, — между Тем, Кто в страданиях стал совершенным, и Тем, Кто сделал совершенным, — между Тем, Кто "малым чим умален от ангел" и Тем, Кто умалил, — между Тем, Кто увенчан славой и честию, и Тем, Кто увенчал, — между Тем, Кому дела рук Божиих покорены, и Тем, Кто покорил *(Пс., 8, 5-8)*".

[11] «"Выражение, — объяснял Феодор, — "возведен бысть Духом" *(Мф., 4, 1)* обозначает, что Христос, как человек, был руководим Духом, Им был направляем к должному; Им был научаем тому, чем следовало"... "Бог Слово много возлюбил Его (человека-Иисуса); пребывая в Нем, Бог-Слово даровал Ему бессмертную жизнь и, сделав Его невредимым бессмертным и неизмененным, возвел на небо"».

[12] "Наконец, поздно и насилу умер злой человек. Ибо добрые и благодетельные *люди переселяются* туда прежде времени, а злые живут долго. А его несчастного (Кирилла) Правитель наших душ не оставил подобно другим более наслаждаться тем, что кажется увеселительным, но зная злобу сего мужа, ежедневно возраставшую и вредившую телу Церкви, отрезал как бы какую-нибудь язву и отъял поношение от сынов Израиля. Отшествие его обрадовало оставшихся в живых, но опечалило, быть может, умерших. Надобно позаботиться приказать обществу носильщиков умерших положить какой-нибудь *величайший и тяжелейший* камень на гробницу, чтобы он опять сюда не пришел и снова не стал доказывать нетвердые мнения. Я радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденным от такого рода заразы. Бог видит и не призрел: Он положил узду на его уста и удила на его губы и возвратил в землю, из которой он взят".

[13] "Опять, — пишет, между прочим, Феодорит из Ефеса, где в то время заседал III Вселенский собор, — безумствует Египет (т. е. св. Кирилл) против Бога, воюет с Моисеем и Аароном и слугами его (т. е. с *Несторием и его сторонниками*), и весьма большая часть Израиля соглашается с противниками. Здравомыслящим же (т. е. разделяющих еретичество Нестория), которые подъемлют добровольно труд за благочестие, чрезвычайно мало. Поругано достопочтенное благочестие".

ШЕСТОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Монофизитство, осужденное Церковью на IV Вселенском соборе в Халкидоне в 451 году, продолжало, однако, существовать, имея многочисленных последователей, в VI и VII веках. В последнем веке ересь монофизитов порождает свойственную ей ересь монофелитов, состоявшую в утверждении, что во Христе одна воля и одно действие Божеское; человеческая же воля и человеческое действие отрицались монофелитами в Богочеловеке. Такое утверждение со стороны монофизитов об одной природе — Божественной — во Христе и отрицание в Нем природы человеческой неизбежно приводило к признанию во Христе одной лишь воли Божественной с отвержением существования у Него и воли человеческой. Современник VI Вселенского собора папа Агафон прямо свидетельствует: "Те, кои сливают таинство святого воплощения, уже тем самым, что исповедуют святое естество (монофизитство) во Христе, составившееся из Божеского и человеческого, стремятся признать в Нем, как едином, единую волю и единое личное действие".

Кроме монофизитов, к монофелитству склонились и те из православных, кои, основываясь на учении Церкви о единстве лица Богочеловека и забывая учение же Церкви о двойстве природы во Христе, приходили к такому заключению: "Господь наш Иисус Христос и по воплощении пребывает в двух совершенных естествах неслитно и нераздельно в одном лице и одной ипостаси; особенности того и другого естества стеклись в одно лицо, в одну ипостась; поэтому мы исповедуем Христа в новом образе без телесных хотений и человеческих помыслов, исповедуем в Нем одно ипостасное хотение и действие". Но такое утверждение и было монофелитской ересью, а не православным учением, которое признает во Христе две природы, Божескую и человеческую, как природы полные и всецелые, следовательно, с волями Божественной и человеческой.

Монофелитство своим широким распространением обязано императору Ираклию. Видя, что миллионы его подданных исповедуют монофизитство и потому находятся во вражде с православными, император, желавший упрочить единство империи на единении религиозном, хотел примирить православных и монофизитов. Достигнуть этого он думал чрез монофелитское учение, которое, несомненно,

должно было явиться присмлемым, как ему казалось, и для монофизитов — учивших об одной природе Божественной во Христе, и для православных — потому именно, что дорогая православию истина о двойстве природ во Христе, по-видимому, не устранялась монофелитским учением.

Находясь по военным делам с 622 года в Армении и Колхиде, гнезде монофизитства, император вел беседы с видными представителями этого еретического учения о том, не присоединятся ли монофизиты к Православной Церкви под условием провозглашения последней сродного монофизитству учения об одной воле и одном действии во Христе. Представители монофизитства, из коих император особенно близко сошелся с митрополитом Колхидским Киром, по-видимому, обнадежили Ираклия, одобрили его план. Император обратился с запросом к Константинопольскому патриарху Сергию, без сомнения еще ранее посвященному императором в его намерения. Сергий отвечал Ираклию, что учение об одной воле и одном действии во Христе более согласно с Преданием Церкви, чем учение о двух волях и двух действиях.

Унию, или объединение монофизитов с православными на почве признания теми и другими монофелитского учения, решено было начать с Египта, где в то время на 300 тысяч православных приходилось 5-6 миллионов монофизитов. Главным деятелем здесь, при осуществлении целей императора, был Кир, возведенный теперь, конечно, стараниями Ираклия и Сергия из митрополитов Колхиды в патриархи Александрии. Под надзором Ираклия и Сергия[1], Кир, как человек ловкий, повел дело очень умело. В Александрии к унии примкнули тысячи монофизитов: клирики, сановники и военачальники города вместе с народом в знак своего присоединения к Церкви приняли причастие из рук патриарха Кира. За Александрией почти весь Египет, Фиваида и Ливия “подали руку примирения православным”. “Таким образом, — писал Кир Сергию, — составился праздник, как написано, праздник во учащающих до рог олтаревых (*Пс., 117, 27*), а если сказать правдивее, то не до рог олтаревых, но до самых облаков и за облаками до небесных чинов, радующихся о мире церквей и обращающихся к нему”.

Но эта “радость” воссоединения монофизитов с Православной Церковью достигалась ужасной ценою — ценою измены православию. В исповедании веры, изданном Киром в Египте для привлечения монофизитов к православию, прямо провозглашалось монофизитское учение, продолжавшее собою монофизитскую ересь: “Один

и тот же Христос и Сын произволил, что прилично Богу и человеку, *одним* богомужным *действием*". Православные поняли это и назвали унию "водяною" как непрочную затею монофелитов. Стремление привить сознанию православных христиан учение об одной воле и об одном действии во Христе вызвало в Церкви, по словам патриарха Сергия, сильные "прения" и "любопрения". Чтобы прекратить эти споры, опасные для унии, патриарх Сергий писал Киру Александрийскому, что "не должно никому позволять проповедовать об одном или двух действиях во Христе Боге". Подобный совет Сергий давал и императору Ираклию. В целях усиления монофелитов Сергий вступил в сношения с папой Гонорием: Сергий представлял папе действия Кира в Египте делом необходимости, жаловался на поднимающих споры о волях во Христе и прямо высказывал, что учение об одной воле и одном действии во Христе предпочтительнее учения о двух волях и двух действиях в Нем. Гонорий, не бывший искусным богословом, запутался в еретических сетях, расставленных ему Сергием. В ответном послании Сергию папа соглашается, что не должно мудрствовать о вопросе, еще не разъясненном соборами, и признает монофелитство за истинное учение: "Мы исповедуем, — говорил он, — в Господе Иисусе одну волю".

Однако, несмотря на то, что монофелитство все более и более усиливалось, волнения, порожденные им, не только не угасали, а еще сильнее разгорались, грозя разрушить с таким трудом и искусством налаженную было унию. Чтобы утишить волнения, император Ираклий в 638 году издал известный под именем "изложения" (эктесис) указ: "Мы совершенно не позволяем, чтобы кто-нибудь утверждал и учил об одном или двух действиях вочеловечившегося Господа. Ибо хотя выражение *"одно действие"* употребляется некоторыми отцами, однако для слуха *некоторых* лиц оно чуждо и беспокоит их; таковым кажется, что оно употребляется для того, чтобы подорвать учение о двух природах во Христе, которые соединены в Нем ипостасно. Что же касается до выражения *"два действия"*, оно соблазняет *многих*, ни у кого из отцов не встречается, оно ведет к допущению учения о двух — одна другой противодействующих — волях во Христе, как будто бы Слово Божие, имея в виду наше спасение, хотело претерпеть страдание за нас, а Его человечество противодействовало этому Его намерению; но это нечестиво и чуждо христианскому учению; сам нечестивый Несторий, хотя и вводил в учение о Христе учение о двух сынах, но не дерзал утверждать двух воль в Нем. *Мы должны признавать одну волю Господа нашего Иисуса Хри-*

ста, истинного Бога; ни в какое время Его плоть не противодействовала Слову Божию, ипостасно соединенному с нею".

Но этот указ Ираклия вместо примирения давал повод к новым раздорам: призывая к прекращению споров об одной и двух волях во Христе, указ в то же время признавал учение об одной воле как истинное. Поэтому все царствование Ираклия наполнено было распрями между монофелитами и православными, не хотевшими исполнять беззаконную волю императора.

Преемник Ираклия Констанс II тоже думал утишить церковную бурю изданием указа, известного под наименованием "образца" (типоса). "Так как мы привыкли, — гласил указ, — употреблять всякое старание о том, что служит благосостоянию нашего христианского государства, и в особенности о том, что касается непреложного христианского учения, то мы, узнав, что наш народ пришел в великое движение, что одни в вочеловечившемся Боге признают одну волю, другие две воли, объявляем: пусть никто с настоящего времени не позволяет себе вступать в споры с другими об одной воле и об одном действии и двух волях и двух действиях; никто не должен возбранять и обвинять ни тех, кои признают одну волю и одно действие, ни тех, кои признают две воли и два действия. Кто настоящие повеления преступит, тот прежде всего будет подлежать суду страшного Бога; но он также не избегнет наказаний, определенных для презрителей императорских законов. Если презрителем будет клирик или епископ, таковой будет отставлен от должности; если монах — отлучен от Церкви и изгнан из монастыря; если гражданский чиновник и офицер — будут лишены своего достоинства; если частный человек из привилегированного сословия — будет наказан отнятием имущества; если же из низших сословий, то после телесного наказания, будет сослан в вечную ссылку". Много бедствий причинил указ православным членам Церкви, за исповедание правой веры поплатившимся даже жизнью.

При подобных обстоятельствах, столь благоприятствующих развитию монофелитства, последнее пустило глубокие корни на Востоке. В Церкви Константинопольской, руководительнице всех других церквей Востока, видим, начиная с Сергия, целый ряд других патриархов монофелитов: Пирра, Павла, Петра. Так, по свидетельству современника, "иерархи сделались ересиархами и вместо мира возвещали народу распрю, сеяли на церковной ниве вместо пшеницы плевелы; вино (истина) смешалось с водою (монофелитской ересью), и поили ближнего мутной смесью; волк принимался за ягнен-

ка, ягненок за волка, ложь считалась истиною и истина ложью; нечестие пожирало благочестие. Перепутались все дела Церкви".

В эту тяжкую годину для Православной Церкви Господь воздвиг в ней святых мужей, пылавших ревностью по истине и громко, несмотря на прещения и мучения, вопиявших в защиту поруганной правды, — то были св. Софроний, патриарх Иерусалимский, св. Максим Исповедник и св. папа Мартин.

Св. Софроний первый выступил на защиту православия в борьбе с монофелитством. Он начал ее, еще будучи простым палестинским монахом. Св. Софроний находился в Египте в то самое время, когда Кир, патриарх Александрийский, обнародовал вышеупомянутую грамоту единения, где открыто провозглашалось монофелитское лжеучение. В св. Софронии Кир встретил ревностного противника своим начинаниям. Он явился к Киру и пал пред ним на колени, умоляя не возвещать в церкви учения об одном действии во Христе. Напрасно Кир убеждал св. Софрония стать на сторону монофелитов, доказывая ему, главным образом, что при вопросе о спасении тысяч верующих не должно спорить из-за выражений. Св. Софроний остался непреклонным и, видя, что Кир твердо стоит на своем решении, отправился в Константинополь, рассчитывая в патриархе Сергии найти союзника в борьбе с Киром, и, конечно, ошибся в своих расчетах.

За свою ревность по вере св. Софроний был избран на патриаршую кафедру Иерусалима (ок. 634 г.). Окружное послание, которое, по обычаю, св. Софроний разослал другим патриархам с извещением о своем вступлении на кафедру, он начал с указания на опасность, грозящую Церкви от монофелитства: "Отцы! Отцы всеблаженнейшие! Вижу поднявшуюся волну и за волною следующую опасность". Это обширное послание, направленное против монофелитов, написано в духе кротости, обличающей без указания лиц, и с замечательною силою и ясностью излагает православное учение о двух волях и двух действиях во Христе: "Называя Христа состоящим из Божества и человечества, мы проповедуем, что Он и Бог и человек, состоит из двух естеств и двойствен по отношению к естествам, и естественно совершает то, что свойственно тому и другому существу, в силу присущего тому и другому существенного качества и естественной особенности. Как Бог, совершал Он Божественное, как человек — человеческое". Захват Иерусалима магометанами нарушил связь Иерусалимской церкви с Востоком и лишил св. Софрония возможности действовать в защиту православной истины.

В таких обстоятельствах св. Софроний решил призвать к борьбе

с монофелитетвом Рим. Он поручил исполнить это Дорийскому епископу Стефану. Отправляя его со столь важным поручением для Церкви в Рим, св. Софроний привел его на Голгофу и здесь, на месте крестных страданий Христа Спасителя, заповедал Стефану следующее: "Помни, что ты дашь ответ Распятому на этом самом месте, когда Он придет во славе судить живых и мертвых, если вознерадишь и пренебрежешь опасностию, в которой находится Его святая вера. Соверши то, чего я не могу сделать сам по причине нашествия сарацин, обойди в случае нужды всю вселенную, потщись преодолеть все препятствия, чтобы достигнуть Рима; открой там пред мужами благочестивыми по сущей правде все, что делается в наших странах, и не переставай умолять, пока они не восстанут на поражение врагов веры и совершенно не отвергнут нововведенного учения". Стефан отправился в Рим, где призывал римский собор к защите попираемой монофелитством истины. Св. Софроний почил около 640 года.

Великий подвиг служения православию со смертью св. Софрония, сосредоточился на Востоке в руках св. Максима Исповедника, претерпевшего мучение за исповедание двух воль во Христе Иисусе. Св. Максим занимал при дворе Ираклия высокопочетную должность государственного секретаря; император очень ценил таланты и познания св. Максима. Приняв постриг, св. Максим стал впоследствии игуменом одного из Константинопольских монастырей; с появлением монофелитства, св. Максим покинул Константинополь, где царь и патриарх покровительствовали лжеучению. Он жил в Африке, в Риме, отдавая всего себя борьбе с монофелитством. Особенно замечательна деятельность св. Максима на защиту православия в Африке; здесь, по словам его жизнеописателя, "он утверждал в вере (самих епископов), наставлял и вразумлял, потому что хотя они превышали его саном, но мудростию были гораздо ниже его". Здесь же в Африке произошло в 645 году знаменитое публичное прение св. Максима с Пирром, бывшим патриархом Константинопольским, защитником монофелитства. Св. Максим одержал решительную и блистательную победу над монофелитством в лице Пирра, что сильно содействовало утверждению православия в Африке.

Св. Максим подвизался за истину не один — одновременно и частью даже совместно с ним действовал св. папа Мартин. Будучи ранее папским поверенным в Константинополе, св. Мартин на месте зарождения монофелитства ознакомился подробно с сущностью ереси и с действиями монофелитов. Неудивительно, что, сделавшись папой, он явился деятельным борцом с ересью. В 648 году св. Мартин

в Латеране, в Риме, созывает многочисленный Собор, издавший 20 правил против монофелитов, утвердивший учение о двух волях и двух действиях во Христе, осудивший патриархов-монофелитов Константинопольских, начиная с Сергия, и два императорских указа: "Изложение" и "Образец". В это время в Рим прибыл Олимпий, новый экзарх Равеннский, управлявший Италией от имени восточного императора. Олимпий имел приказание императора побудить всех к принятию "Образца", папу же, в случае сопротивления, велено было арестовать. Но Олимпий, сам поднявший в Италии возмущение на императора, конечно, не исполнил поручения последнего.

В 653 году вступил в Рим с множеством войска новый экзарх Феодор Каллиопа. Св. Мартин был болен и, предчувствуя недобрый конец, укрылся в константинопольском храме Спасителя. Узнав от клириков, встретивших экзарха при вступлении в город, что последний болен, Каллиопа объявил о своем желании наутро в воскресенье приветствовать папу. Множество христиан собралось к воскресному богослужению в храм, где находился болящий папа. Каллиопа, рассчитывавший силой захватить папу, побоялся народа и потому отложил свое посещение под предлогом усталости с дороги. В понедельник Каллиопа с многочисленным войском вступил в храм, предварительно обыскав его и убедившись, что в нем нет оружия и камней, собранных папой, как было донесли экзарху. "Гром оружия раздался на месте молитвы". Каллиопа объявил папе приказ императора, по которому св. Мартин должен быть арестован и отправлен в Константинополь, и кафедра его становилась праздной.

Из храма св. Мартина перевели во дворец под стражу. Этот перевод папы в заключение совершался при громких безбоязненных возгласах клириков: "Анафема тому, кто думает, что папа изменил или намерен изменить вере; анафема тому, кто не пребудет в правой вере, даже если за это пришлось бы принять смерть". Смятение было столь сильно, что Каллиопа для его усмирения оказался вынужденным объявить, что на Востоке содержится та же самая вера, как и в Риме. Многие из клириков, привязанные любовию к св. Мартину, восклицали: "С ним мы пойдем, с ним мы умрем", выражая этим желание повсюду сопровождать папу. Каллиопа сначала обещал, что с папой будет дозволено отправиться каждому желающему. А затем тайно вывез св. Мартина из Рима и посадил на корабль, на котором больной папа и с ним находилось всего лишь несколько служителей находились все время "путешествия" в ужасных условиях. К тому же путешествие до Константинополя было крайне продол-

жительно.

Целый год он прожил на острове Наксосе, и за все это время, да и то в виде особенной милости, ему дозволили только три раза совершить омовение. Римские клирики, приезжавшие к папе сюда и привозившие необходимое для страдальца, бесстыдно и бесчестно отгонялись стражей, которая себе забирала приносимое св. Мартину.

В сентябре 654 года папа был привезен в Константинополь. С насмешками и оскорблениями он был переправлен в городскую тюрьму, где находился в самых тяжелых условий 93 дня. Для излечения его болезни требовались частые омовения, а ему в первые 47 дней не давали даже и холодной воды, не говоря уже о теплой. На 93-й день св. Мартина потребовали на суд, куда и принесли его, ввиду крайней телесной слабости, на носилках. Однако судьи потребовали, чтобы он давал показания стоя, и открыли допрос вопросом: "Жалкий человек, какое зло тебе сделал император?" Папа молчал. Тогда приведены были лжесвидетели, несправедливо обвинявшие неповинного папу в участии в заговоре экзарха Олимпия против императора. Когда св. Мартин, не желая губить души лжесвидетелей, которых намеревались привести к присяге, начал свое объяснение словами: "В то время как составлен был "Образец" и послан от императора в Рим...", судьи прервали его: "Ничего не говори о вере, мы сами христиане и православные". На это папа заявил: "Делайте со мной, что хотите, и чем скорее, тем лучше; знает Бог, что не можете более облагодетельствовать меня, как если отсечете мою голову мечом".

О происходившем на суде было доложено императору, который повелел совлечь со св. Мартина первосвященнические одежды и предать его казни. С папы публично сняли принадлежности первосвященнического достоинства и при этом разодрали ему даже нижнюю одежду, так что он оказался полуобнаженным; затем на шею ему надели железные кандалы и в таком виде в предшествии воина с обнаженным мечом его провели по улицам Константинополя в тюрьму. Здесь от сильной стужи св. Мартин едва не умер. Господь не судил ему скончаться от мечного посечения. В дни суда над св. Мартином патриарх Константинопольский Пирр лежал на смертном одре; император Констанс пришел его навестить и передал, что папу решено казнить. Умирающий Пирр просил даровать жизнь св. Мартину, хотя для последнего смерть, по его собственному сознанию, была несравненно желанней.

После 85-и дней пребывания во второй тюрьме папу отправили в ссылку в Херсонес в Крыму, куда он прибыл в мае месяце. Здесь,

среди варваров, св. Мартин терпел ужасную нужду, не имея даже хлеба. К этим физическим страданиям присоединялись душевные, вследствие удаленности от друзей и родственников из Рима, очевидно, опасавшимися сношений с ссыльным папой из рабского страха перед императором. "Я удивлялся и удивляюсь, — пишет папа в одном письме своим друзьям в Константинополь, — безучастию моих друзей и родственников: они совершенно забыли о моем несчастии; кажется, не хотят даже знать, существую я еще на свете или нет. Хотя Церковь Римская и не имеет денег, но она богата, по благости Божией, хлебом, вином и всем, нужным для жизни". "Я надеюсь, — писал папа в другом письме, — на милосердие Божие, что жизненный путь мой скоро достигнет цели, от Бога предназначенной". Надежда св. Мартина исполнилась: в сентябре 655 года он почил о Господе.

С папой Мартином взят был в Риме и св. Максим Исповедник, подвергшийся, как и св. Мартин, страданиям за веру. Как только корабль, на котором находился св. Максим, вошел (в сентябре 654г.) в Константинопольскую пристань, тотчас явился отряд воинов с оружием: с грубыми издевательствами повлекли воины св. Максима, босого и полуодетого, в мрачную темницу. Отсюда его не раз вызывали на суд, но судьи, несмотря на все свои хитросплетенные ухищрения, не могли склонить к монофелитству св. Максима. "Делайте со мной, что хотите, — заявил он. — Кто, как я почитает Бога, тот не боится обид и неправды от людей". Тогда решено было достигнуть хотя бы видимого соглашения монофелитов со св. Максимом. Ему предложено было подписать следующее исповедание веры, которое вместе с монофелитским учением содержало в себе и учение православное: "Исповедуем во Христе две воли и два действия по причине различия естеств, и одну волю и одно действие по причине соединения их". Св. Максим отверг это исповедание, за что и был сослан в глубь Фракии.

Отсюда через некоторое время, его снова приводят в Константинополь и помещают в одном монастыре. На другой день к нему являются патриции Епифаний и Троил и епископ Феодосий. Троил заявил св. Максиму, что они пришли к нему для передачи воли императора. "Скажи нам прежде, исполнишь ли ты волю императора или нет?" — спросил Троил. Св. Максим обещал под клятвой исполнить все, что "государь повелит касательно дел мира сего". Тогда патриций Епифаний сказал: "Вот что государь приказал объявить тебе: так как весь Запад и на Востоке те, которые увлечены в соблазн,

взирая на тебя, производят смуты и смятения и не хотят в делах веры иметь с нами общения, то да вразумит тебя Господь принять изданный нами "Образец" и вступить с нами в общение. Тогда мы лично пойдем тебе навстречу, открыто пред всеми будем приветствовать тебя, подадим тебе нашу руку, с честью и славой введем тебя в великую церковь (Софийскую), поставим на нашем императорском месте, вместе выслушаем литургию и приобщимся Тела и Крови Христовой, потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет радость не только в этом городе, но и во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение с нами, то присоединятся к нам все, которые ради тебя и под твоим руководством отпали от общения". Св. Максим отвечал: "Поистине все силы небесные не убедят меня сделать то, что вы предлагаете, ибо какой ответ дам, я не говорю, Богу, но моей совести, если из пустой славы и мнения людского отвергну спасительную веру?" После этого ответа патриции в ярости бросили мужественного исповедника на пол, терзали его руками, топтали ногами и оплевали всего. Остановленные епископом Феодосием, патриции перешли к ругательствам и злословию св. Максима, хвалясь при этом своим православием. Так ничем кончились их переговоры со св. Максимом, который опять был отправлен в прежнюю ссылку.

Долго томился исповедник в заключении. Но этого было мало для ненасытной злобы мучителей: св. Максим был снова препровожден в Константинополь и доставлен в преторию: здесь его били воловьими жилами, отрезали ему до корня язык, отсекли правую руку и изувеченного провели по всем кварталам Константинополя. После этого св. Максим был сослан в Колхиду, где и окончил свою страдальческую жизнь.

В продолжение почти полувека происходила в Церкви борьба монофелитства с православием, но единения церковного не достигалось; по отзыву современника, "все дела Церкви перепутались". Оставалось для умиротворения Церкви, покинув несвойственный ей путь насилия и мучительства от светской власти, обратиться к самой Церкви, что и сделал преемник Константа император Константин Погонат, решивший призвать "глаза Церкви — иереев, к рассмотрению истины".

Мысль о необходимости созвания Вселенского собора для решения вопроса о монофелитстве созрела у императора Константина Погоната, главным образом, под влиянием патриарха Константинопольского Феодора. Старанием императора Собор открылся в 680

году. Среди отцов Собора наиболее видными по занимаемому ими положению в Церкви, или представительству на Соборе были: Георгий, патриарх Константинопольский, Макарий, патриарх Антиохийский, пресвитер Петр, представитель патриарха Александрийского, и пресвитер Феодор, представитель патриарха Иерусалимского. Император, по обычаю, обратился и к папе Римскому Домну с требованием прислать на предстоящий Собор представителей папского престола. "Просим, — писал император, — прислать благопотребных и способных мужей, имеющих познание во всяком богодухновенном писании и обладающих безупречным знанием догматов, мужей, которые бы принесли с собой нужные книги". Послание императора не застало Домна в живых: его получил преемник последнего папа Агафон. Отправляя своих представителей на Собор, папа писал в Константинополь, что он не может прислать, как желал того император, людей ученых, так как по обстоятельствам времени наука не могла процветать в Риме[2]. В своих представителях, коими были пресвитеры Феодор и Георгий и диакон Иоанн папа отмечает главным образом глубокую веру. Всех епископов и их заместителей, присутствовавших на Соборе, к концу его, насчитывалось до 153[3]; на первых заседаниях и десяти последующих присутствовал сам император с 13 сановниками — патрициями и консулами. Собор продолжался почти год[4].

Деятельность Собора сосредоточивалась, в сущности, на двух главных вопросах: 1) на тщательном исследовании лжеучения монофелитов и 2) на изложении православного учения, направленного против ереси монофелитской.

Заседания открылись заявлением легатов папы: "Около 46 лет тому назад бывшие в различное время предстоятелями сего царствующего града Сергий, Павел, Пирр и Петр, также Кир, бывший некогда предстоятелем александрийским, и Феодор, бывший епископ города Фаран, и некоторые другие, последовавшие им, ввели некоторые новые выражения, противные Православной вере, и произвели смуты во Вселенской Церкви, исповедуя и уча, что в домостроительстве воплощения Единого от Святой Троицы Господа нашего Иисуса Христа одна воля, одно действие. И много раз верноподданный вам наш апостольский престол отвергал это учение, потом умолял и доселе нисколько не успел отвратить их от такого злославного мнения. Потому мы просим боговенчанное ваше могущество: пусть представители святейшей Константинопольской Церкви скажут, откуда явилось это нововведение?"

Ответ легатам папы император поручил Макарию, патриарху Антиохийскому, который выступает на Соборе как горячий приверженец монофелитства; Макарию, по крайней мере, в начале Собора, бесспорно сочувствует патриарх Константинопольский Георгий. Исполняя повеление императора, Макарий отвечал легатам папы не только от своего лица, но и от лица Церквей Антиохийской и Константинопольской: "Мы не делали никаких нововведений в учении, но как приняли от Вселенских соборов и святых уважаемых отцов, также от предстоятелей сего святого города Сергия, Павла, Пирра и Петра, также от Гонория, бывшего папы древнего Рима, и Кира, бывшего папы Александрийского, т.е. — о воле и действии, так и уверовали, веруем и проповедуем и готовы отстаивать это".

Император потребовал от Макария доказательства истинности разделяемого Макарием монофелитского учения "из святых Вселенских соборов и святых уважаемых отцов". Поэтому на Соборе начато было чтение деяний III и IV Вселенских соборов, решавших вопрос о двух естествах в лице Богочеловека. Когда пресвитер Стефан, ученик патриарха Макария, стал читать из деяний Ефесского собора увещевательное слово св. Кирилла Александрийского к императору Феодосию и дошел до слов: "Непоколебимое утверждение нашего царства есть Сам Господь наш Иисус Христос; чрез Него цари властвуют и сильные творят правду, — ибо Его воля всемогуща...", то Макарий, выделяя последнее выражение, воскликнул: "Вот, государь, я доказал, что во Христе одна воля". Собор через папских легатов и некоторых епископов отверг такое неправильное истолкование выражения св. Кирилла: "Макарий преувеличенно и неубедительно полагает на основании прочитанного сейчас текста, что в двух естествах Иисуса Христа, в Божестве и человечестве, одна воля. Св. Кирилл написал эти слова, имея в виду лишь Божественное естество Христа, которое у Него общее с Отцом и Святым Духом, а потому всемогущее. Говоря о божественном естестве Иисуса Христа, Кирилл назвал и волю, принадлежащую этому естеству, всемогущею. Здесь нет речи о том, одна или две воли во Христе". Затем беспрепятственно дочитаны были деяния Ефесского собора, и этим закончилось первое заседание.

На втором заседании, происходившим, как и первое, в присутствии императора, были читаны деяния IV Вселенского собора, причем снова возникли прения между отцами Собора и Макарием. Когда среди деяний Халкидонского собора читалось послание папы Льва Великого, легаты папы остановили внимание отцов на сле-

дующих словах послания: "То и другое естество во взаимном общении обнаруживают действия, свойственные их природе. Слово действует так, как свойственно Слову, плоть так, как свойственно плоти; одно из них блистает чудесами, другое подвергается уничижениям". "Святой IV Собор, — заметили легаты по поводу приведенных слов послания, — внес это послание как утверждение православия и осуждение всякой ереси. Что благоволят сказать на это почтеннейший Макарий и единомысленные с ним боголюбезные мужи?" — "Я, — отвечал Макарий, не скрывая своего еретичества, — не исповедую этих двух действий и не думаю, чтобы св. Лев в этих словах говорил о двух действиях". — "Ты полагаешь, — задал вопрос император, — что он исповедывал одно действие?" — "Я не говорю о числе, — возразил Макарий, — последуя св. Дионисию, называю Его (т.е. Христа) действие богомужным". — "Как же ты понимаешь богомужное действие?" — допытывался император. "Я не считаю нужным отвечать", — уклонился от разъяснения Макарий.

На следующем заседании читаны были деяния V Вселенского собора. Здесь отцами Собора была установлена подложность документов, которыми как документами первостепенной важности, монофелиты пользовались в качестве доказательства правоты своего учения. Такими документами, заключавшими в себе монофелитские мысли, были: послание патриарха Константинопольского Мины к папе Вигилию: "Слово Мины к Вигилию о том, что во Христе *одна воля*" и две статьи папы Вигилия, адресованные императору Юстиниану и его супруге Феодоре. В этих статьях, между прочим, говорилось: "Анафематствуем и Феодора, бывшего епископа Мопсуестского, как всегда чуждого Церкви за то, что он не исповедует, что воплотившийся Бог Слово, т.е. Христос имеет одно естество, одно лицо и одно действие".

Подложность послания патриарха Мины была раскрыта отцами Собора на следующих основаниях: 1) патриарх Мина умер за шесть лет до V Вселенского собора, во дни которого Константинопольским патриархом был Евтихий; 2) послание Мины помещалось на первых трех листах соборных "Деяний", а эти листы по почерку не были похожи на остальные листы рукописи и притом на них отсутствовала нумерация, которая начинается с четвертого листа, коим и полагалось начало подлинным актам V Вселенского собора; отсюда вполне справедливо заключение, что первые, не нумерованные и отличные по почерку три листа внесены в "Деяния" позднее, а неодновременно с перепиской подлинных актов; 3) в библиотеке патриарха Кон-

стантинопольского находился реестр посланий Мины, в котором не значилось послания Мины к Вигилию. Подобное же замечено было отцами Собора и по отношению к посланиям папы Вигилия Юстиниану и Феодоре. Статьи Вигилия находились в 7-м деянии V Вселенского собора, представлявшем собой особый том с особым счетом страниц. 15-й лист этого тома был вырван, как открыл осмотр, и заменен новым со статьей Вигилия; лист этот не имел и должной нумерации. Каким же путем произошел подлог?

Отцы Собора путем тщательного исследования открыли ту печальную истину, что подложная вставка обязана своим происхождением Макарию, патриарху Антиохийскому. Член Собора, епископ Селевкийский, заявил, что ранее им был получен от одного военачальника Филиппа экземпляр "Деяний" V Вселенского собора, в котором оказались поддельные статьи папы Вигилия. Из объяснений по этому поводу епископ узнал, что полученный им от Филиппа экземпляр "Деяний" находился в руках пресвитера Стефана, ученика Макария. В почерке же, которым были сделаны подделки, епископ узнал хорошо известный ему почерк монаха Георгия, тоже ученика Макария. В подтверждение своего заявления епископ представил Собору и самый экземпляр "Деяний" с подделками.

Указанный епископом Селевкийским монах Георгий был призван на Собор. Здесь по требованию отцов он открыл, что поддельные вставки принадлежат, насколько ему, Георгию, известно, Макарию и Стефану: когда между Константинопольским патриархом Феодором и Макарием возник спор о волях во Христе, то Макарий начал переписку статей Вигилия, будто бы найденных им в патриаршей библиотеке; эти статьи Макарий и Стефан и вставляли потом во все списки V Вселенского собора, если только копия им попадала в руки. Из их рук, между прочим, вышел и экземпляр "Деяний", через военачальника Филиппа перешедший к помянутому Селевкийскому епископу. Вместе с этим Георгий признался, что и сам он по приказанию патриарха Макария занимался подделкой статей Вигилия. Один клирик показал еще, что помянутые подлоги были сделаны и в одном латинском экземпляре "Деяний" V Вселенского собора. После этих показаний, уничтожающих всякое сомнение в виновности патриарха Макария с учениками, Собор провозгласил анафему на подделывателей "Деяний" и на самые подделки.

Закончившееся чтение "Деяний" III и IV Вселенских соборов выяснило, что в этих "Деяниях", как и следовало того ожидать, нет учения об *одной* воле и *одном* действии в Лице Господа нашего Ии-

суса Христа. Когда на это было указано патриарху Макарию и его единомышленникам, защищавшим монофелитскую ересь, то последние попросили у императора и Собора отсрочки для представления свидетельств из писаний святых отцов, будто бы развивающих монофелитское учение. Император дал отсрочку до следующего заседания. В то же время Константинопольский патриарх Георгий и члены подчиненного ему Синода просили императора ознакомить Собор с теми посланиями, которые были адресованы Собору "как от самого папы, так и от его Собора". Император дал обещание исполнить и эту просьбу в следующем четвертом заседании. Это заседание, действительно, всецело было посвящено чтению послания папы Агафона и еще одного послания от Римского собора, состоявшего из 125 подчиненных папе епископов.

Послание папы Агафона представляет собой замечательнейшее богословское произведение VII века. Оно с особенной силой и ясностью развивает православное учение о двух волях и двух действиях во Христе; поэтому оно оказало преимущественное влияние на отцов VI Вселенского собора при составлении ими православного исповедания веры относительно спорного вопроса о двух волях и двух действиях во Христе Иисусе. В "Деяниях" Собора прямо говорится, что отцы это послание папы Агафона приняли "с распростертыми объятиями" как "объяснившее тайну богословия". Послание было написано на латинском языке; поэтому для отцов Собора, не знакомых с этим языком, оно было переведено на греческий секретарем и советником императора Диогеном. Главные мысли этого выдающегося по своему значению творения в следующем.

За вступлением о поводах, побудивших папу составить послание и о причинах, вызвавших замедление в прибытии на Собор делегатов, папа после краткого изложения учения о Святой и Нераздельной Троице переходит к предмету, составляющему главное содержание послания — к учению о Боге Слове. "Следуя евангельскому Преданию, — пишет папа, — мы утверждаем в едином и том же Господе Спасителе нашем Иисусе Христе все двоякое, то есть исповедуем в Нем два естества, Божеское и человеческое; исповедуем также, что каждое из Его естеств имеет естественные свойства: Божеское имеет все божеские свойства, человеческое — все человеческие, кроме греха. Исповедуя два естества, два естественных хотения и два естественных действия в едином Господе нашем Иисусе Христе, мы не учим, что они противны и враждебны друг другу, не учим, что они разделены как бы на два лица или ипостаси, а гово-

рим, что один и тот же Господь наш Иисус Христос имеет в Себе как два естества, так и два естественных хотения и действия, то есть Божеское и человеческое, что Божеское хотение и действие Он имеет от вечности общения с единосущным Ему Отцом, человеческое же принято от нас вместе с нашим естеством во времени. <...>

Дабы смысл этого истинного исповедания открылся умам вашего благочестия из богодухновенного учения Ветхого и Нового заветов, Сам же Господь в Своих святых Евангелиях открывает в Себе то человеческие, то божественные свойства, то те и другие вместе и тем научает верных своих веровать, что Он есть истинный Бог и истинный человек".

Приведя затем слова Спасителя: "Отче, аще возможно есть, да мимо идет от Меня чаша сия", папа сопровождает их следующим толкованием из послания св. Амвросия к Грациану: «Воля, которую Он назвал Своею, есть моя, потому что Он восприял скорбь мою, как человек, и говорит, как человек, и потому сказал: "Не яко же Аз хощу, но якоже Ты". Та скорбь, которую Он принял моим способным к страданию естеством, есть моя скорбь».

Далее папа приводит свидетельства из творений св. Афанасия Великого, блаж. Августина, св. Амвросия Медиоланского, св. Григория Богослова. Из этих свидетельств видно, что, по учению помянутых отцов, каждое из естеств во Христе имеет свое собственное, свойственное ему хотение, или божеское, или человеческое. И по причине ипостасного соединения естеств и то, и другое хотение должно быть признаваемо принадлежащим одному и тому же Господу нашему Иисусу Христу. Для вящего подтверждения этой истины папа буквально приводит определение Халкидонского собора, а за ним и свидетельство из V Вселенского собора. Свидетельства этих Вселенских соборов, говоря строго, утверждали лишь ту истину, что в соединении естеств в Христе Иисусе не уничтожалось их различие. Но, основываясь на этой истине, папа рассуждает таким образом: "Если никоим образом не уничтожилось различие естеств Господа нашего Иисуса Христа, то необходимо, чтобы мы сохраняли это различие во всех свойствах. Ибо тот, кто учил никоим образом не уничтожать различия, тем самым показал, что различие это должно сохранять во всех отношениях. Но если еретики и их последователи признают одно хотение и одно действие, то какое же в них может быть признано различие? Когда утверждают, что в Нем одна воля, то утверждающие это должны признать ее или божескою, или человеческою, или составленною из той и другой, смешанной и слитной,

или же признать, что Христос имеет одно хотение и одно действие, как проистекающие из одного составного естества? Во всяком случае здесь уничтожается естественное различие, которое после чудного соединения святые Соборы утвердили и повелели нам сохранять".

За сим следуют новые свидетельства из писаний святых Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Илария, Афанасия Великого, Дионисия Ареопагита, Амвросия, папа Льва Великого.

Обращаясь к разысканию источника, из которого берет начало лжеучение монофелитов, папа находит такой источник в сочинениях еретиков: Аполлинария[5], Севера[6], Нестория[7], Феодосия Александрийского[8].

Переходя к ближайшему времени, папа пишет: «Посмотрим, по каким образцам составилось содержание нового учения и на чей авторитет оно опирается. Кир Александрийский в седьмой главе своих определений говорит: "Один и тот же Христос и один Сын совершает, по свидетельству св. Дионисия, одним богомужным действием и божественные, и человеческие действия". Феодор, бывший епископ Фаранский, в послании к Сергию, епископу Арсинойскому, говорит: "Так как Спаситель есть един и тот же, то и действие у Него, как целого, есть единое". Сергий Константинопольский в послании к Киру Александрийскому говорит: "Вы сказали, что один и тот же Христос совершает божеские и человеческие действия одним действием и изложили это благочестиво". В "Изложении" своем и в других сочинениях он также утверждает, что Господь наш Иисус Христос имеет одно хотение и всякое божественное и вместе человеческое действие. Пирр в догматической книге и в подписи "Изложения" исповедует одно хотение во Христе. Павел, преемник Пирра, в послании к папе Феодору (предшественнику Агафона) исповедует, что Христос имеет одно хотение; преемник его Петр в послании к папе Виталиану исповедует, что он признает и одно и два хотения, и одно и два действия в домостроительстве воплощения».

"Кто же, — восклицает папа по поводу этого еретичества константинопольских патриархов, — не повергнется в печаль и не будет с трепетом взирать на такие угрожающие человеческой жизни сети и с внутренним воплем не обратится к источнику милосердия Богу с молитвой об избавлении от ков врага, всюду уготованных для совращения человеческого ума, при виде того, как люди, почитающие себя достойными славы за свои великие познания, впали в сети

еретического заблуждения и притом являются непостоянными и колеблющимися в самом заблуждении (колебаниями разумеется то, что некоторые из лжеучителей выражались и так, и иначе, то одну волю исповедуют то две, то одно действие, то два). Итак, пусть ваше от Бога поставленное величество внимательно рассмотрит оком внутреннего рассуждения, кому из этих учителей должен следовать христианский народ, которого из них учение принять, когда они всех и друг друга взаимно предают осуждению".

Послание папа заключает такими словами: "Мы уверены, что не осталось ничего темного и двусмысленного, что могло бы препятствовать вразумлению тех, которые последовали изобретателям нового учения. Ибо и поставлена пред очами сладость духовного разумения, какой дышат речения отцов, и выставляется на вид отвратительный смрад еретический, заслуживающий презрения всех верных. Так как изобретатели нового учения оказались последователями еретиков, а не святых отцов, то и это поставлено на вид. Так как по внушению Божию пред очами вашего благочестия воссияла истина и обнаружилась ложь, то остается, чтобы благочестивыми милостями вашего боговенчанного милосердия не была лишена света своего истина, получив победный венец; а новое заблуждение, его изобретатели и последователи — подверглись бы достойному своей гордыни наказанию.

Итак, если предстоятель Константинопольской Церкви согласится вместе с нами содержать и проповедовать сие неповрежденное апостольское правило веры, то великий будет мир для любящих имя Божие. Если же (от чего да сохранит Бог) он лучше захочет охранять недавно введенную другими новизну, то пусть подумает, какой удовлетворительный ответ даст он за такое пренебрежение на божественном суде Христа. Я умоляю, благочестивейший и милосерднейший Август, и вместе с моею малостью умоляет всякая христианская душа, чтобы вы даровали безнаказанное слово и свободное право всякому желающему говорить и защищать свою веру, дабы все единодушно во все продолжение своей жизни прославляли за такое неизреченное благо ваше императорское величество и единодушно изливали непрестанные мольбы Христу Господу о целости и возвеличении вашей мужественнейшей власти. Верховная благодать да сохранит власть благочестивейших государей и преклонит пред ним выи всех народов".

За этим посланием папы Агафона было прочитано приложенное к нему послание Собора епископов в Риме, в сущности, повторявшее

послание Римского первосвященника.

Вслед за этим чтением посланий из Рима император напомнил Макарию Антиохийскому, чтобы последний, согласно обещанию, представил Собору свидетельства святых отцов о единой воле в лице Господа Иисуса Христа. Макарий и его единомышленники к следующему заседанию Собора представили два свитка под заглавием: "Свидетельства святых отцов, учащие об *одной* воле Господа нашего Иисуса Христа, которая есть также воля Отца и Св. Духа". Два заседания посвящены были выслушиванию этих двух свитков. На третьем заседании отцы Собора знакомились с третьим представленным Макарием свитком "Дальнейшие свидетельства о воле". Когда чтение было окончено, Макарию Антиохийскому предложили сказать еще что-либо в добавление. Но Макарий ответил: "Мы считаем, государь, достаточными уже представленные нами свидетельства святых и уважаемых отцов и не желаем представлять ничего другого".

Тогда легаты папы выступили с опровержением доказательств Макария Антиохийского и его сторонников. Легаты начали с такого заявления: "Боголюбезный Макарий и сторонники его: Стефан, ученик Макария, Петр, епископ Никомидийский, и Соломон, епископ Кланейский, нисколько не доказали одного хотения и одного действия в домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа. Но они исказили и самые эти свидетельства, представленные вашему благочестию и святому Собору. Они выдали за свидетельства об одном хотении в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа те, которые относятся к учению об одной воле Троицы, а те свидетельства, которые идут к делу и относятся действительно к домостроительству воплощения Господа нашего Иисуса Христа, они исказили в смысле и выражениях. Посему мы просим ваше благочестивейшее мужество, чтобы были принесены из почтенной патриархии сего царствующего града подлинные тексты представленных ими отеческих свидетельств и сличены со свитками, которые представлены ими, и мы покажем, какое в этих текстах сделано ими искажение. Имея же с собою свиток, содержащий многочисленные свидетельства святых и уважаемых отцов, ясно показывающие, что в домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа два естественные хотения и два естественные действия, неслиянно и нераздельно, (имея) также и еретические свидетельства, говорящие об одном хотении и одном действии и благоприятствующие учению Макария, боголюбезного архиепископа Антиохийского, и находящихся с ним,

об одном хотении и одном действии, мы просим, чтобы все это прочтено было пред вашим благочестием".

На следующем заседании легаты и представили свидетельства (из писаний отцов Церкви), "которые яснее света показывают два естественных хотения и два естественных действия в домостроительстве спасения Господа нашего Иисуса Христа". После оглашения на Соборе этих свидетельств легаты папы заявили: "Мы нашли бы и могли бы представить много и других свидетельств; но чтобы не утомить ваш богонаставляемый слух, мы почитаем достаточным для доказательства истины и приведенных свидетельств". "Просим, — обратились затем легаты к императору, — богоутвержденное мужество ваше, спросить Георгия, архиепископа Константинопольского, и подчиненный ему Собор, также и Макария, архиепископа Антиохийского, и подчиненных ему епископов, согласны ли они с содержанием двух прочитанных посланий, т.е. с содержанием послания святейшего Агафона, папы апостольского престола древнего Рима, и с содержанием послания подчиненного ему Собора?"

В ответ на это Георгий и Макарий с единомышленниками просили о выдаче копий с посланий, чтобы сличить находящиеся в них свидетельства святых и уважаемых отцов с книгами патриархии (Константинопольской), обещаясь в то же время дать ответ в следующем заседании. Георгий, патриарх Константинопольский, на вопрос отцов Собора об отношении его к посланию папы Агафона и Собора его епископов, отвечал таким образом: "Видя всю силу посланий, присланных как от святейшего Агафона, так и от его Собора и справившись с книгами святых и уважаемых отцов в досточтимой патриархии, я нашел все свидетельства, находящиеся в упомянутых посланиях, согласными и ни в чем нее разнящимися от книг святых и уважаемых отцов, посему соглашаюсь с этими посланиями, так исповедую и верую". Подобное же заявление было сделано и со стороны епископов, подчиненных патриарху Георгию.

Но когда спросили патриарха Макария об его исповедании относительно хотений и действий во Христе, то Макарий, не обинуясь, заявил: "Я говорю, что не два хотения или два действия в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа, но одно хотение и одно богомужное действие". Собор потребовал, чтобы Макарий свое еретическое учение подтвердил доказательствами. Макарий сослался на свой свиток, поданный ранее императору. Собор повелел прочесть этот довольно обширный свиток, заключавший в себе "исповедание" еретичествующего патриарха. Сущность этого

исповедания видна из содержания находящейся под ним подписи: "Макарий, милостию Божией епископ Феопольский (Феополь синоним слову Антиохия), диктовавший всю вышеприведенную основу православия согласно изложению пяти Святых и Вселенских соборов и поименно упомянутых мною святых уважаемых отцов, изъяснявших по мере сил своих, что в Господе нашем Иисусе Христе Боге нашем одно хотение и что Он являл нам свое богомужное действие, убежденный внутренне и исповедавший, что нечестиво говорить, будто в одном и том же Христе Боге нашем два хотения". Когда прочтено было "исповедание", то император и Собор предложили: "Пусть боголюбезнейший Макарий объяснит, исповедует ли он два естественных хотения и два естественных действия в домостроительстве воплощения Христа Бога нашего". — "Я не скажу, — отвечал Макарий, — что два естественных хотения или два естественных действия в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа, хоть бы меня разрубили на мелкие части и бросили в море".

Собор приступил к тщательной проверке свидетельств, заключающихся в представленных Макарием Собору сочинениях, при этом открылось, что свидетельства из писаний отцов Макарий в целях хотя бы и недобросовестной защиты своего ересеучения приводил или в неполном, или искаженном виде. Для сохранения полного беспристрастия при суждении о еретичестве патриарха Макария Собором были рассмотрены и другие его сочинения, которые также оказались исполненными лжеучения. Поэтому сочинения были осуждены. Во все время обсуждения сочинений патриарха Макария и содержащихся в них еретических мнений отцы Собора неоднократно обращались к нему с увещаниями исповедывать во Христе два естественных хотения и действия, но патриарх Макарий, по выражению "Деяний" Собора, "шею натянул, как железный нерв, лицо сделал медным, уши заградил от слушания, сердце сделал упорным в непослушании закону". Видя такое упорство еретичествующего патриарха, Собор сначала лишил его омофора, а потом произвел такое осуждение:

"Божественное правило отнюдь не дозволяет сидеть на учительском престоле Макарию, состарившемуся в догматах нечестия и не только наполнившему подпольным извращением весь христолюбивый народ и подделавший свидетельства святых и славных отцов, но и возмутившему посредством своих писем и посланных людей всех от востока солнца до запада и справедливо и законно лишенному святительского облачения".

Низложенный патриарх предан был анафеме, причем отцы Собора положили просить императора об изгнании его из Константинополя. На место Макария на патриарший престол Антиохии избран был Феофан, который затем в качестве патриарха Антиохийского принимал участие в дальнейших деяниях Собора.

В лице патриарха Макария отцами Собора был осужден главный защитник и опора монофелитской ереси. Но к концу соборной деятельности отцам пришлось иметь дело и с менее видными сторонниками ереси, которые добровольно приходили на Собор для защиты своего лжеучения. Из этих прений отцов Собора с отдельными монофелитами стоит упомянуть прение с монахом Полихронием.

В конце одного из последних заседаний епископ Прусиадский Дометий доложил Собору, что какой-то монах-пресвитер Полихроний, разделяющий еретические воззрения патриарха Макария, с успехом рассевает семена пагубной ереси среди простых малосведущих в вопросах веры людей. "Не угодно ли вашей святости, — предложил епископ, — чтобы Полихроний прибыл к вам и дал показание относительно своей веры". Собор определил отложить рассмотрение дела Полихрония до следующего заседания. Когда спросили, как он исповедует таинство воплощения Сына Божия, то получили такой странный ответ: "Я дам исповедание своей веры на гробе мертвеца с призыванием Сына Божия, чтобы Он воскресил его; если же мертвец не встанет, то вот Собор и император, — пусть будет со мною, что им угодно".

Собор выразил желание знать, какое именно исповедание веры намерен Полихроний положить на мертвеца, чтобы воскресить последнего. Полихроний на это ответил: "Я положу мое исповедание поверх мертвеца, и тогда вы прочтете". Но Собор потребовал, чтобы хартия, содержавшая исповедание веры Полихрония, была распечатана и прочтена, а потом уже положена на мертвеца. В хартии оказалось написанным следующее: «Я, Полихроний, приветствую и поклоняюсь кротчайшему и боговенчанному императору Константину, так как бы я был в его присутствии. И видел я множество мужей в белых одеждах и в середине мужа, о доблести которого я не могу рассказать, который говорил мне: "Поспешай, скажи императору Константину, чтобы он не выдумывал новой веры и не принимал". И когда я шел из Ираклии в Хризополь и остановился под палящим солнцем, видел я мужа страшного и очень блистающего. Он стал против меня, говоря: "Кто не исповедует одной воли и богомужнего действия, тот не христианин". Я сказал: "Это определил и премуд-

рый император Константин — одну волю и богомужное действие". Он сказал: "Очень хорошо и богоугодно"».

Когда хартия была прочтена, отцы Собора предложили Полихронию два вопроса: им ли написана эта хартия и ее ли именно желает Полихроний положить на мертвеца, чтобы его воскресить? И на тот и на другой вопросы Полихроний отвечал в утвердительном смысле. Собор разрешил после этого Полихронию исполнить его намерение. И вот на большой площади города, недалеко от дворца, в присутствии Собора, сановников и множества народа Полихроний положил на одного мертвеца, которого несли в могилу, свою хартию. Несколько часов лежала хартия на мертвеце, но последний не обнаруживал никаких признаков жизни, так что в конце концов Полихроний принужден был сознаться: "Я не могу воскресить мертвеца". Народ поднял крик: "Анафема новому Симону, анафема Полихронию, обольстителю народа".

Когда волнение утихло, отцы Собора и сановники снова собрались в зале заседания. Все предполагали, что неудача, постигшая Полихрония, расположит его к раскаянию. В надежде на последнее Полихронию снова повторили вопрос: исповедует ли он две естественные воли и два естественных действия в домостроительстве воплощения Сына Божия? К удивлению всех, от упрямого еретика послышался прежний ответ: "Как говорится в хартии, которую я подал и положил на мертвеца, так я верую в одну волю и богомужное действие и другого ничего не говорю". — "Кто написал хартию, которую ты подал?" — снова спросил Собор. "Я собственною рукою", — опять подтвердил Полихроний.

Видя упорство нераскаянного еретика, Собор постановил о нем следующее: "После того как пресвитер и монах Полихроний дожил в своем зломыслии до старости, а ныне, несмотря на наши увещевания относительно того, как он мудрствует о вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа, дерзнул искушать Святого Духа и составил эту богохульную хартию, не устыдился сказать, что, положив эту хартию на мертвеца, он воскресит ею из мертвых, мы уже предали его в душе анафеме, о которой говорит св. апостол Павел. Но для удостоверения христолюбивых народов, из которых очень многих обольщали в прежнее время и он, и его единомышленники, мы дозволили, чтобы совершилась всенародно его несбыточная затея и безумное и дерзкое предположение. И вот, после того как принесен был мертвец, в присутствии нашем и славнейших сановников, и множества христолюбивого народа он положил на мертвеца свое нечес-

тивое сочинение, как предполагал, и очень долгое время, сколько хотел, стоял у этого мертвеца и нашептывал про себя, что думал, пока не сказал, что он ничего не может сделать, — постановляем, чтобы он, как соблазнитель и обольститель народа и явный еретик, лишен был всякого священного чина и священнослужения. Еретику Полихронию и мудрствующим заодно с ним анафема. Макарию, Стефану и Полихронию анафема; Троица низложила сих трех".

В личных беседах с еретиками-монофелитами и разбором их сочинений Собор опроверг все доводы, которыми монофелиты хотели защитить свое лжеучение. Теперь, после обличения монофелитской ереси, отцы Собора провозглашают истину православия по столь долго волновавшему Церковь вопросу о соединении во Христе Иисусе двух естеств, Божеского и человеческого.

Указав на повод, которым оно вызвано, определение веры VI Вселенского собора утверждает затем авторитет предшествовавших Вселенских соборов и приводит символы веры соборов Никейского и Константинопольского. "Конечно, — говорит вслед за этим вероопределение VI Вселенского собора, — для совершенного познания и утверждения Православной веры достаточно сего благочестивого и православного символа божественной благодати. Но как искони не бездействовал изобретатель зла, нашедший себе помощника во змие и чрез него привнесший в человеческую природу смертоносный яд, так и ныне, найдя пригодные для собственного своего желания органы, а именно: Феодора, бывшего епископа Фаранского, Сергия, Пирра, Павла и Петра, бывших предстоятелей сего царствующего града, и еще Гонория, бывшего папу древнего мира, Кира, епископствовавшего в Александрии, Макария, бывшего в недавнее время предстоятелем Антиохии, и Стефана, ученика сего последнего, он не замедлил возбудить чрез них соблазн заблуждения, в новых словах посеяв в православном народе ересь одной воли и одного действия в двух естествах единого от Святой Троицы Христа, истинного Бога нашего, — старающуюся посредством какой-то коварной выдумки уничтожить полноту вочеловечения того же Самого единого Господа Иисуса Христа Бога нашего, бесславно вводящую в Нем плоть без воли и деятельности, одушевленную духовно". Основываясь далее главным образом на послании папы Агафона, а также на вероопределении V Вселенского собора, окружном послании Софрония, патриарха Иерусалимского, и послании папы Льва Великого, VI Вселенский собор так выражает православное учение о волях и действиях во Христе:

"Проповедуем, согласно учению святых отцов, что в Нем (Христе) два естественных хотения или воли нераздельно, неизменно, неразлучно, неслитно, и две естественные воли не противоположные, как говорили нечестивые еретики, да не будет, но человеческая Его воля уступает, не противоречит или противоборствует, а подчиняется Его божественной и всемогущей воле. Утверждаем, что в одном и том же Господе нашем Иисусе Христе, истинном Боге нашем, два естественных действия нераздельно, неизменно, неразлучно, неслитно. Мы признаем две естественные воли и действия (во Христе), согласно сочетавшиеся между собой для спасения рода человеческого".

Провозглашение и утверждение этого соборного вероопределения совершилось 16 сентября 681 года, на торжестве присутствовал и император Константин. Когда император предложил отцам Собора: "Пусть святой и Вселенский собор скажет, по согласию ли всех епископов провозглашено вероопределение", то в ответ послышались единодушные восклицания отцов: "Все так веруем, все так думаем, все мы подписали по согласию и сочувствию, все веруем православно! Проповедовавшим, проповедующим и имеющим проповедовать одну волю и одно действие в воплотившемся Христе Боге, анафема!"

Император обратился к отцам Собора с приветственной речью, выражая, между прочим, свою уверенность, что вероопределение Собора соответствует истине. "Мы не избегнем, — говорил император, — с вами суда на страшном судилище Божием, когда Он будет судить живых и мертвых, если вы знаете, что есть какой-нибудь пропуск в вероизложении или если что-нибудь в нем недоговорено".

Собор ответил императору речью, в которой выказывалась радость по поводу ниспровержения ереси и утверждения православной истины: «"Рим-старец простер тебе (императору) богоначертанное исповедание, хартия превратила в отношении догматов вечер в день, чернила издавали свет, чрез (папу) Агафона говорил Петр (апостол) и вместе с царствующим Вседержителем постановлял ты самодержец — ты богопоставленный. Симоны (еретики), заметные по перью (т.е. по оперению) отступления, упали с высоты полета, и памятником сего служит низложение, и вера встает, и согласие народов восстановляется в собственную красоту. "Воздвижеся солнце, и луна ста в чине своем" *(Ав., 3, 11)*. Воздвижеся солнце к свету — это значит: ваш ум поднялся к солнцу правды, чисто узрел чистейшего и принес нам оттуда умиротворение. И луна ста в чине своем — это

значит Церковь и невеста Христова одевается в свое благолепие и украшается благочестием и, вполне восстановив чистоту православия, блистает миру прочным спокойствием».

Копии с деяний Собора, по его определению, были доставлены патриарху Римскому, Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому. Римскому папе, кроме того, от Собора было препровождено особое послание, в котором Восток с радостью известил Западную Церковь о торжестве веры. "Где произведшие соблазн сокрушенной ереси?" спрашивает, между прочим, послание. И отвечает: "Сняты покровы с лиц, обличены подделки обольстителей. Волк (Макарий) снял с себя кожу и торжественно выступает нагим волком. Истина торжествует, ложь ниспровергнута. Сеятель плевельных догматов отлучен. Пшеница, христолюбивый народ, собрана в одну житницу Церкви Христовой. Свет православия взошел, тьма скрылась из глаз. Кончилось время траура, печаль превратилась в веселие, скорбь в радость. Посему и мы, сорадуясь церквам Божиим, принявшим благодать мира, взываем по-апостольски: "Радуйтеся, радуйтеся, и паки реку, — радуйтеся" *(Флп., 4, 4)*.

Император Константин прилагал все усилия к тому, чтобы вероопределение VI Вселенского собора распространилось и утвердилось в империи. Сохранился указ его, который был прибит в притворе Софийской церкви в Константинополе для обнародования. Указ этот содержит в себе историю Собора и его постановлений и оканчивается таким определением: "Кто любит Бога и желает будущего спасения, тот пусть держится этой православной веры. Если же кто не окажет ревностной любви к Богу и презрит настоящее наше благочестивое объявление, тот, если он епископ или клирик, или одет в монашеское одеяние, подвергается извержению; если же состоит в чине должностных людей, будет наказан конфискацией имущества и лишением пояса (знак воинского достоинства); если же находится в состоянии частного человека, будет осужден на изгнание из столицы и вообще из всякого города и сверх всего этого не избежит наказания от страшного и праведного суда".

О том глубоком, благоговейном уважении, коим пользовались "Деяния" VI Вселенского собора на Востоке, можно судить по следующему событию из царствования преемника Константина Погоната — Юстиниана II.

Подлинный экземпляр актов VI Вселенского собора попал каким-то образом в руки каких-то сенаторов. Об этом узнал импера-

тор. Находя, что столь великая драгоценность, как подлинные акты Соборов, должны храниться в царских руках, император созвал Собор из патриархов, апокрисиария (уполномоченного) Римского папы, из митрополитов и епископов — вообще всех высших духовных лиц, находившихся в Константинополе; приглашены были также на Собор сенат, представители народа, почетная императорская стража и военачальники различных областей. В этом торжественном собрании "Деяния" Собора были взяты у сенаторов и прочтены, а после этого запечатаны и переданы в руки императора во избежании порчи или подмены. При этом император говорил: "Эти бумаги мы всегда будем сохранять неприкосновенными и неизменными, доколе положено Богом пребывать в нас нашему духу".

К деятельности VI Вселенского собора самым тесным образом примыкает деятельность Трулльского собора. Определения его Восточной Церковью почитаются наравне с определениями Вселенских соборов. Собор этот носит название пято-шестого потому, что в нем были составлены правила относительно положения Церкви и христианской жизни, каковых правил не было составлено на V и VI Вселенских соборах, и поэтому они являются дополнением к их догматической деятельности. Собор был в 691 или 692 гг., в царствование императора Юстиниана II. Заседания его происходили в императорском дворце в Константинополе — в зале, носившей имя Труллы, — отсюда и второе наименование Собора.

Председательствовал на Соборе патриарх Константинопольский Павел, присутствовали патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский; представителем Римского папы был митрополит Гортинский (о. Крит) Василий, имевший полномочие от всей Римской Церкви. Всех отцов, скрепивших "Деяния" Собора подписями, было 213.

В "Приветственном слове" императору отцы Собора так выясняют причины его созвания: "Народ, раздираемый и истощаемый страданиями, происходящими от бесчиния, мало-помалу отторгся от божественного стада, блуждает в неведении и забвении успехов в добродетели, говоря по-апостольски: а Завета и Духа благодати оскорбляют" *(Евр., 10, 29)*; в зрелую пшеницу истины замешались кое-какие остатки языческой и иудейской незрелости". Поэтому Собор должен был "обсудить все средства к обращению народа на путь спасения", чтобы, "по подобию пастыря Христа, разыскать заблудшую овцу по горам, возвратить в дом Его и убедить сохранять заповеди и божественные повеления". Чтобы "отвратить народ от худого

и порочного поведения и обратить к лучшей жизни", Собор составил целый ряд правил (числом 102), упорядочивающих, 1) отправление богослужения, 2) жизнь клира, 3) монахов и 4) мирян.

Правила Трулльского собора не признаются Западной Церковью, потому что некоторые определения направлены против обычаев и учения Римской Церкви. Например, Собор принимает в руководство Церкви 85 ап. правил, а Западная Церковь принимала только 50; 13-е правило обличает римское учение об обязательном безбрачии священников; 55-е правило осуждает посты в субботу, введенные Римской Церковью; 82-е правило запрещает употреблять в храмах изображение Христа в виде агнца, распространенное на Западе.

Примечания:

[1] Сергий отправил Киру послание с таким рассуждением, развивавшим монофелитское учение: "Следовать учению о двух волях — значило бы предположить во Христе две противоположные одна другой воли — волю Бога Слова, желающего совершить спасительное страдание, и волю естества человеческого, противящегося воле Божественной. И, таким образом, вводить двух желающих, противоположных один другому, что нечестиво. Невозможно, чтобы в одном лице находились вместе две противоположные одна другой воли. Учение святых отцов ясно внушает, что одушевленная плоть Господа никогда не делала своего естественного движения сама по себе и по собственному стремлению, вопреки мановению соединенного с нею Бога Слова, но делала движение, когда, какое и сколько хотел Сам Бог Слово. Говоря яснее: как наше тело управляется разумной душой, так и во Христе человеческая Его природа руководилась всегда и во всем Божеством Слова, была богодвижима".

[2] "Можно ли у людей, — спрашивает папа, — живущих среди народа (бедного) и трудами рук своих с большими усилиями снискивающих себе насущный хлеб, искать полного знания писаний? Мы сохраняем законно составленные определения святых наших предшественников и св. соборов, — сохраняем в простоте сердца и без всякой двусмысленности. Что же касается светского красноречия, то не думаем, чтобы в наше время можно было найти кого-либо, могущего похвалиться высокими познаниями, потому что в наших странах постоянно свирепствует восстание различных народов, которые то борются между собою, то бегут вроде и грабят. Мирского красноречия нет у людей неученых".

[3] Здесь следует заметить, что при определении числа членов Собора принято считать сверх бывших самолично в Константинополе еще 125 епископов, подписавшихся под соборным посланием в Константинополь папы Агафона и занимавших кафедры вблизи Римской Церкви.

[4] Заседания в 680 году происходили: 7, 10, 13, 15 ноября, 7 декабря; в 681 году: 12-13 февраля, 7, 8, 18, 20, 22, 28 марта, 5 и 26 апреля, 9 августа, 11 и 16 сентября.

[5] Папа приводит следующие слова Аполлинария: "Единый Христос возбуждался к деятельности только божественною волей, вследствие чего мы и признаем одно в Нем действие, проистекающее и в чудесах, и в страданиях из одного Его составного естества. Ибо Он есть и исповедуется воплотившимся Богом".

[6] Север, между прочим, говорил: "Поелику один есть Действующий, то одно и действие Его и одно деятельное движение".

[7] В сочинении Нестория "Превосходное наставление" находилось такое место: "Мы

сохраняем естества не слитными, соединенными только волею, а нее по естеству, и, действительно, мы видим, что по равенству достоинства они обнаружили одно хотение, действие и господство".

* Феодосий Александрийский в книге к Феодоре Августе пишет: "Осталось признать, что у того и другого естества действие одно — обожествленное; одна и та же есть у одного Господа нашего Иисуса Христа свойственная Богу премудрость, всеведение и знание и по божеству, и по человечеству, потому что мы признаем одно достойное Бога действие".

СЕДЬМОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

11 октября Православная Церковь творит воспоминание о святых отцах VII Вселенского собора. Поводом к созванию его благочестивой царицей Ириной и Константинопольским патриархом Тарасием была так называемая ересь иконоборцев.

Начало сей ереси восходит ко временам императора Льва Исавриянина, издавшего указ, предписывавший выносить святые иконы из церквей и домов и сжигать их на площадях, а равно и уничтожать изображения Спасителя, Божией Матери и святых угодников, поставленных в городах на открытых местах или находящихся на стенах храмов. Когда народ стал препятствовать исполнению указа, тогда к гонимым им святыням Лев присоединил и их ревностных почитателей. Тотчас же было издано повеление убивать таковых. И много, в особенности женщин, пало в тот день от мечей иконоборцев за свою любовь и ревность к святым иконам. Затем император приказал закрыть высшую богословскую школу в Константинополе и тем лишить православных их победоносного оружия в борьбе с иконоборцами, какое они умели извлекать из основательного богословского образования. Некоторые из византийских историков говорят даже, будто он в тех же целях сжег и богатую имевшуюся при школе библиотеку. Но гонитель отовсюду встречал резкое противление своим распоряжениям. Из Сирии, из Дамаска, против них писал св. Иоанн Дамаскин[1].

Из Рима, по смерти Григория II[2] продолжал писать преемник его, папа Григорий III. А из других мест отвечали на них даже открытыми восстаниями.

Сын и преемник Льва Константин Копроним (царствовал с 741 по 775 г.) не отступая от направления, принятого его отцом в отношении к вопросу о почитании св. икон, решился воздействовать, главным образом, на духовенство, потому что деятельными противниками иконоборцев были повсюду преимущественно епископы и иноки.

Для сей цели он постарался созвать Собор[3], на котором было осуждено иконопочитание. Ближайшим следствием лже-вселенского собора было то, что иконы были выброшены из церквей и большей частью сожжены, живописные и мозаичные священные изображения на стенах храмов затерты известью. Не избег такой участи

даже великолепный Влахернский храм Богоматери, на стенах которого лучшими художниками была изображена вся земная жизнь Бого-человека, все Его чудеса, все события Евангельской истории, оканчивая сошествием Св. Духа на апостолов. От гонения на иконы Копроним перешел к гонению на святые мощи: их велено было выбрасывать. Так поступили, например, с св. мощами великомученицы Евфимии (приблизительно ок. 303 г., память ее совершается Церковью 16-го сентября). Мощи ее вместе с гробницей были выброшены из храма в море, а великолепный Халкидонский храм, посвященный ее имени, обращен в казарму.

Считая иноков главными поборниками иконопочитания, Копроним решился закрыть все монастыри. Многие монастыри Константинополя, начиная с знаменитого Далматского, были обращены в казармы или разрушены. Много иноков было замучено.

В царствование преемника Копронима Льва IV (царствовал с 775 по 780 г.) иконопочитатели могли вздохнуть несколько свободнее.

Но полное торжество иконопочитания совершилось лишь при императрице Ирине[1], занявшей за малолетством сына Константина престол своего супруга Льва IV после его смерти. Заняв престол, она прежде всего возвратила из ссылки всех иноков, сосланных за иконопочитание, а большинство епископских кафедр предоставила ревностным иконопочитателям. Затем возвратила св. мощам все почести, которые были отняты иконоборцами. Но императрица сознавала, что всего этого еще мало для полного восстановления иконопочитания. Необходимо было созвать Вселенский собор, который бы, осудив недавний собор, созванный Копронимом, восстановил истину иконопочитания. На этом особенно настаивал при своем избрании на патриарший престол Тарасий (патриаршествовал в Константинополе с 784 по 806 г., память его совершается 25 февраля).

"Если императрице действительно угодно, — заявил он, — чтобы Тарасий принял бремя патриаршего правления, то он согласен, но не иначе, как только под условием созвания Вселенского собора."

Выслушав это объяснение Тарасия, императрица вывела его к сенаторам и духовенству, собравшимся в Матаврском дворце для избрания патриарха. В сильной и выразительной речи Тарасий пред лицом этого собрания заявил, что, если желают, чтобы он принял патриаршество, то пусть созовут Вселенский собор для утверждения иконопочитания. Большинство собравшихся признало требование справедливым, и Тарасий был посвящен в патриархи в праздник Рожества Христова в 784 году. Вскоре от лица императрицы

Ирины и ее малолетнего сына Константина, за коего она стояла во главе государства, было отправлено послание к Римскому папе Адриану с приглашением на собор. К этому посланию присоединил и от себя приглашение патриарх Тарасий. Папа отказался от чести присутствовать лично на Соборе. Он прислал от себя двух легатов: Петра, протопресвитера церкви святого Апостола Петра в Риме, и Петра, игумена обители св. Саввы в Риме же. Прибыли в Константинополь и представители от патриархов Александрийского и Антиохийского. Это были старшие синкеллы[5] их: пресвитеры Иоанн и Фома.

Помимо полномочий от своих патриархов они привезли еще и послание и от Иерусалимского патриарха, в котором он выражал свое согласие на утверждение иконопочитания. Созваны были в столицу и епископы Константинопольского патриархата. Вначале предполагалось открыть Собор летом 786 года в Константинопольском храме свв. Апостолов. Все уже было приготовлено к открытию соборных заседаний, как вдруг, накануне самого открытия, в Константинополе вспыхнул бунт среди войска, который и помешал состояться Собору. Он открылся лишь осенью следующего года (24 сентября), и уже не в Константинополе, а в близкой к нему Никее, где происходил и I Вселенский собор, в храме св. Софии. Число членов Собора в точности не установлено. Во всяком случае их было более трехсот, потому что под соборными актами имеется подпись 307 епископов. Собор начался речью патриарха Тарасия, после которой была прочитана императорская грамота к собору. По прочтении ее было приступили к разбору виновности епископов, замешанных в иконоборстве.

Затем императорский секретарь Леонтий напомнил Собору о необходимости выслушать послания о св. иконах папы Адриана к императору и патриарху. Эти послания открывают пред нами завесу самой глубокой апостольской древности и выясняют, как смотрела на иконы в то время св. Церковь[6].

По прочтении обоих этих посланий представители папы пожелали знать, согласны ли с ними патриарх и все члены Собора.

Тарасий отвечал, что он приемлет все, что написано папой: "Этому надобно следовать, противоречить ему значит поступать неразумно. И сами мы на основании Писаний, умозаключений и доказательств, исследовав истину и познав ее на основании учения отцов, твердо и непреложно исповедали и будем исповедовать, согласно древнему преданию св. отцов, живописные иконы, поклоняясь им с

горячей любовью, так как они во имя Господа Бога и непорочной Владычицы нашей Святой Богородицы, св. апостолов и всех святых, но поклонение и веру будем относить к Единому Истинному Богу.<...>

Затем было прочитано окружное послание патриарха Тарасия, написанное им к епископам и пресвитерам Антиохии, Александрии и Иерусалима при вступлении на патриарший престол и ответная на него грамота восточных патриархов. По прочтении этих посланий, отцы Собора единогласно заявили: "Мы совершенно согласны с ними, с любовью принимаем и почитаем священные и досточтимые иконы и поклоняемся им."

В начале следующего заседания по совету патриарха Тарасия решено было сделать пересмотр всех мест из Священного Писания, из святоотеческих творений и из описаний житий святых, могущих служить основанием к утверждению догмата иконопочитания. Среди последних встретилось великое множество повествований о чудесах, исшедших от св. икон и мощей. Вот некоторые из них.

В описании мученичества св. Анастасия Персянина (ок. 628 г., память его совершается 22 января) рассказывалось, что при перенесении его мощей в Кесарию Палестинскую, когда народ отовсюду устремлялся в сретение им, одна женщина, по имени Арета, впала в сомнение и сказала: "Я не поклоняюсь мощам, принесенным из Персии." Через несколько дней св. мученик явился Арете во сне и спросил: "Ты страдаешь болезнью в бедрах?"

Не успела Арета ответить ему, что здорова, как вдруг почувствовала, что действительно больна. Долго томилась она в своей болезни, затем, получив временное облегчение от нее, стала размышлять, по какой причине постигла ее такая болезнь. В размышлении она провела четыре дня. На рассвете пятого дня ей опять является св. мученик и говорит: "Иди в Тетрапил (местность в Константинополе, где находились мощи и икона святого и где строилась в то время во имя его церковь). Помолись св. Анастасию и будешь здорова."

Принесенная к указанному месту Арета увидела икону св. мученика, громко возгласила: "Это поистине тот, которого я видела во сне." Повергшись на помост, она долго плакала слезами раскаяния и встала совершенно здоровой.

По прочтении на Соборе повествования о сем чуде, представители папы заявили, что сия икона св. Анастасия с честной главой его находится в одном из монастырей Рима и в настоящее время, а епископ Тавроменийский Иоанн добавил к их заявлению, что он знает

одну женщину из Сицилии, которая, будучи в Риме, получила от иконы св. мученика исцеление.

Затем было сообщено епископом Никомидийским Петром, о чуде, происшедшем от иконы Господа в Берите и приведено из Евагрия (церковный историк, VI в.) повествование об Едесском чуде от Нерукотворенного образа Спасителя.

Однажды Едессу осадил Хозрой, царь Персии. С огромнейших насыпей, сделанных по его приказанию, воины стреляли через городские стены в жителей города. Осажденные жители решились сделать подкопы под насыпи и затем сжечь их. Но огонь, который они разводили в подкопах, за неимением притока туда свежего воздуха, всякий раз угасал. Тогда едессяне взяли Нерукотворенный образ и принесли его на выкопанные рвы. Окропив образ водой, они стекавшими по нему каплями брызнули на слабо горевший огонь в сложенных дровах, и тотчас же все дрова были объяты необычайным пламенем. Обратив их в уголь, пламя перешло к верхним деревам и быстро уничтожило все сооружения Хозроя[7].

При чтении сего повествования чтец великой Константинопольской церкви сказал: "Я сам, недостойный раб, когда ходил в Сирию с царскими апокрисиариями[8], был в Едессе и видел сей Нерукотворенный образ; верные почитают его и поклоняются ему".

Много и других, подобных приведенным, извлечений из святоотеческих творений было прочитано на следовавших за первым заседаниях Собора. Когда отцы Собора, как выразился патриарх Тарасий "насытились святоотеческими свидетельствами", на средину заседаний была вынесена одна досточтимая икона, и перед ней все присутствовавшие на Соборе отцы, лобызая ее, произнесли двадцать два кратких изречения, повторяя каждое из них по три раза. Все главные иконоборческие положения в них были осуждены и преданы проклятию.

Следующие заседания были посвящены разбору определений лжевселенского Копронимова собора. Разбор этот был произведен с величайшей тщательностью. Велся он все время при посредстве двух лиц, как бы двух сторон: один читал то, что было определено лжевселенским собором, другой читал опровержение на то, что было ложного в определениях. Места Свящ. Писания, ложно истолкованные Копронимовым собором, теперь подверглись новому толкованию. Например: из Ветхозаветного Писания в защиту своих мнений иконоборцы указывали на запрещение Десятословия: "не сотвори себе кумира" *(Исх., 20, 4)*.

Отцы Собора отвечали на это: "Изречения, сказанные израильскому народу, который служил тельцу и не чужд был египетских заблуждений, нельзя переносить на Божественное собрание христиан. Бог, намереваясь ввести иудеев в землю обетования, потому дал им заповедь: "Не сотвори себе кумира", что там обитали идолопоклонники, поклонявшиеся и демонам, и солнцу, и луне, и звездам, и другим тварям, даже птицам и четвероногим, и гадам и не поклонявшиеся только Богу Живому и Истинному. Когда же, по повелению Господню, Моисей создал Скинию свидения, тогда он, показывая, что все служит Богу, приготовил из золота человекообразных херувимов, представлявших собой образ херувимов разумных."

Также ложно истолкованы были лже-вселенским собором некоторые места и из святоотеческих творений. В свою защиту иконоборцы приводили, например, такое место из творений св. Афанасия Александрийского: "Как же не жалеть о почитающих творения по той причине, что зрячие кланяются не видящим и одаренные слухом не слышащим? — Тварь никогда не спасет твари."

Но Собор разъяснил, что св. Афанасий в данном месте имел в виду язычников и против них направлял свою речь; христиане никогда не служили твари вместо Единого всех Бога, как обвиняли их иконоборцы. Оказалось также, что иконоборцы часто приводили святоотеческие слова отрывочно, без связи их с предшествующей им и последующей за ними речью, отчего в этих словах мог получаться желательный для них смысл.

Наконец, некоторые из приведенных иконоборческим собором выражений оказались совершенно подложными.

Как скоро оказалось, что основания, какие приводил лже-вселенский собор в оправдание своих вероопределений, ложны и недостаточны, для всех само собой стало понятным, что и сами вероопределения его, утвержденные на таких основаниях, ложны, и поэтому отцы Собора скоро перешли к окончательной выработке собственного соборного вероопределения. В этом окончательном вероопределении отцы нашли нужным сначала упомянуть о поводе к созванию Собора и о предпринятых им трудах, затем привели дословно весь Символ Веры и опровержение всех тех ересей, которые уже были опровергнуты шестью предшествующими Вселенскими соборами и, наконец, на вечные времена утвердить догмат иконопоклонения: "Мы определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались для поклонения точно так же, как и изображения честного и животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок, или моза-

ичных плиточек, или из какого-либо другого вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находиться во св. церквах Божиих, на священных сосудах и одеждах, на стенах и дощечках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли эти иконы Господа и Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа, или Непорочной нашей Владычицы Богородицы, или честных Ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще, при помощи икон, они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует одному только Божественному естеству. Взирающие на сии иконы возбуждаются приносить иконам фимиам и ставить свечи в честь их, как делалось это в древности, потому что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси[9] изображенного на ней."

Осмеливающиеся же думать или учить иначе, если это будут епископы или клирики, должны быть низвергаемы, если же будут иноки или миряне, должны быть отлучаемы.

Собор закончился прославлением Господа со стороны всех епископов, начальников, воинских чинов и других граждан Константинополя, в несметном количестве заполнивших залы дворца. Списки соборных деяний были посланы папе, восточным патриархам, императрице с императором и всем церквам Константинопольского патриархата.

Так торжественно закончился VII Вселенский собор[10], восстановивший истину иконопочитания и поныне ежегодно воспоминаемый 11 октября всею Православной Восточной Церковью

Примечания:

[1] **Св. Иоанн Дамаскин из Сирии прислал в Константинополь три обширных письма в защиту св. икон, где наглядно изложил догматическое учение о сем предмете и занялся разбором тех возражений, с какими выступили иконоборцы. Не имея возможности лично отомстить св. Иоанну, Лев Исаврянин решился оклеветать его пред дамасским калифом. С этой целью Лев составил подложное письмо, будто бы присланное к нему от придворного калифа Иоанна, в котором тот будто бы обещал ему — Льву — предать Дамаск. Письмо было передано калифу, и мнимый виновник был присужден последним к отсечению руки, осмелившейся написать такое коварное письмо. Но поруганная правда Божия величественно объявила свой суд: отсеченная рука без всякого врачевания вновь приросла к телу. В благодарность за сие св. Иоанном была составлена известная песнь к Пресвятой Богородице: "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь".**

[2] **Папа Григорий II написал два послания к императору. В первом своем послании**

Григорий разъяснил все места св. Писания, с одной стороны, повелевающее, а с другой, как будто и запрещающие делать священные изображения, и приводит свидетельства древности. "В бытность Христа во Иерусалиме, — пишет он, — Авгар, тогдашний князь и владыка Едесский, услышав о чудесах Христа, написал к Нему послание, и Христос послал ему собственноручный ответ и святое славное изображение Лица Своего. Пошли за этим Нерукотворенным образом и посмотри. Туда стекаются во множестве народы Востока и приносят молитвы". Познакомив императора с подобными свидетельствами, папа наглядно рисует всю ненависть, которую вызывают императорские указы среди западного православного населения. Император отослал с угрозой ответ, на который папа Григорий II написал свое второе послание, с прежней твердостью убеждая императора оставить задуманное им дело.

[3] Собор происходил в 754 году. Место заседаний его несколько раз менялось: то они происходили в царском дворце так называемом Гиерея, на Азиатском берегу Босфора, то во Влахерском храме Богоматери в самом Константинополе. Немало пришлось услышать проклятий от лица этого Собора всем тогдашним ревнителям православия. Немало было возведено на них ложных обвинений. В основу своих ложных иконоборческих мудрствований Собор положил вымышленные сказания и подложные изречения Отцов Церкви.

[4] Императрица Ирина была воспитана в благочестивом семействе иконопочитателей и свою ревность к святым иконам обнаружила еще при муже своем Льве IV, за что подвергалась опале и даже была удалена из дворца.

[5] *Синкелл — название клириков, живших в одних кельях с епископом. Обыкновенно* епископы выбирали в синкеллы людей более образованных, которые могли бы им содействовать в решении важнейших вопросов.

[6] Кроме свидетельств из глубокой древности о почитании святых икон; в этих посланиях находятся выдержки из святоотеческих творений. Например: 1) Слова Василия Великого к Юлиану Отступнику: "Приемлю и св. апостолов, пророков и мучеников, которые возносят молитвы к Богу. Поэтому почитаю и изображения их на иконах и открыто поклоняюсь им. Это предано св. апостолами и не должно быть воспрещаемо, поэтому во всех церквах своих мы изображаем историю их". 2) Слова св. Стефана, епископа Бострийского: "Относительно икон исповедуем, что они, как и всякое дело во имя Божие, дело благое и святое, потому что иное дело икона и иное дело идол или статуя. Всякое изображение, сделанное во имя Господа или ангелов, пророков или апостолов, мучеников или праведников, свято потому, что поклонение воздается не древу, но тому, что созерцается на дереве и что воспринимается. Все мы почитаем начальников и с любовью приемлем их, хотя они и грешники, отчего же мы не должны почитать рабов Божиих? Почему в память их не устроят изображений, чтобы не были преданы забвению?.. Мы в воспоминание о святых пишем иконы их, чтобы всякий, видя их на иконе, вспоминал о них и прославлял Господа, прославившего их".

[7] Нападение на Едессу персидского царя Хозроя I относится к 545 году.

[8] Апокрисиариями назывались временные или постоянные представители епископов важнейших церквей при особе государя, которые заведовали всеми сношениями своей церкви и ее предстоятелей с верховной властью.

[9] Ипостась по переводу с греческого значит сущность, существо; по отношению к иконе означает того, кому посвящена икона.

[10] Если 11 октября случится в один из дней седмицы, то служба отцам VII Вселенского собора совершается в ближайшее воскресенье.

ЗНАЧЕНИЕ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ

Семь Вселенских соборов, после Евангелия Христова, основание и утверждение нашей Православной Христианской Веры, ибо вера наша не только Апостольская, проповеданная св. Апостолами, учениками Самого Господа Иисуса Христа, но и Отеческая, истолкованная и изъясненная Святыми Отцами, как законными благодатными преемниками Святых Апостолов. Дух Святой, почивший на Св. Апостолах в день Пятидесятницы, просветивший и умудривший их, почивал и на Святых Богоносных Отцах, просвещая и умудряя и их.

В нашей Православной Церкви нет, однако, нечестивого учения о чьей бы то ни было личной непогрешимости — *непогрешимость принадлежит лишь всему соборному сознанию всей Церкви в целом*, каковое сознание как раз и находило себе внешнее выражение на Вселенских Соборах, дерзновенно повторявших поэтому апостольские слова, произнесенные в определении Первого Апостольского Собора в Иерусалиме в 51 году, каковой Собор и стал прототипом всех последующих Соборов: *"изволися Духу Святому и нам" (Деян., 15, 28).*

Надо помнить при этом, что далеко не всякий собор непогрешим, а только *тот, который выражает и утверждает вселенское сознание Церкви*, который принят всей Церковью как вселенский.

И хотя в спорных случаях на соборах прибегали иногда к голосованию, чтобы установить "большинство голосов", которое должно "превозмогать", демократический принцип "большинства голосов" никогда не имел в Церкви абсолютного значения. *Мы знаем множество случаев, когда истина была не на стороне большинства, а наоборот — на стороне меньшинства и даже сосредотачивалась вся в одном лишь лице.* С другой стороны, бывали в истории Церкви соборы, и весьма многолюдные, которые претендовали именоваться "вселенскими", но вселенским сознанием Церкви были отвергнуты, а один из таких "соборов" получил даже красочное и выразительное наименование "разбойничьего" (449 г.).

Что же является для нас мерилом несомненной, непогрешимой истины?

Ответ на этот первостепенной важности вопрос мы находим в высоко авторитетном, принятом нашей св. Церковью, учении св. Викентия Лиринского, аввы Лиринского монастыря на юге Галлии, одного из знаменитейших отцов Западной Церкви V столетия (умер ок. 450 г.).

Св. Викентий особенно прославился в истории богословской науки

своим "золотым" догматико-апологетическим творением, которое известно под общим названием "Commonitorium", или *памятных записок.* Один из наиболее важных древне-церковных письменных памятников написан св. Викентием (около 443 г., три года спустя после III Вселенского собора) в иноческом уединении, в монастыре св. Гонората, архиепископа Арелатского, где подвизался до самой своей кончины вместе со своим братом Луппом, епископом Тройским.

Об этом творении всегда с великой похвалой отзывались как западные (римско-католические и даже протестантские), так и православные богословы. Отмечалось при этом, что едва ли во всей христианской древности есть такое святоотеческое творение, которое более его заслуживало бы всяческих похвал.

Все догматико-историческое значение этого творения состоит в прекрасном обобщении и в глубоко-вдохновенном истолковании всего православно-христианского учения об источниках и основах христианского откровения и веры. Это, однако, не опыт самого изложения догматов веры, а только теория того, какими началами должен руководиться богослов-догматист при исследовании, раскрытии и доказательстве истин христианской веры. Теория эта весьма замечательна по своему строго-церковному ясному и отчетливому взгляду на этот предмет автора и по характерно-выразительной постановке им этого дела.

Главная задача, которую поставил себе св. Викентий в своем труде, это — *как с возможной точностью определить верный, научный и общедоступный способ, при помощи которого легко было бы с несомненностью отличить истину вселенской православно-христианской веры от лживости еретических уклонений* (См.: Еп. Сильвестр. "Опыт прав. догм. богословия". Т. I. С.111).

Для этого св. Викентий прежде всего устанавливает гносеологический способ, составляющий как бы пробный камень при определении подлинной истины Христова и апостольского учения. Вот как рассуждает этот великий вдохновенный отец Церкви: "Часто со всеусердием и величайшим вниманием обращался я к весьма многим, украшенным святостью и даром учения, мужам — с вопросом: каким бы образом удобнее было мне, идя верным, как бы царственным путем, отличать истину вселенской веры от лживости еретических уклонений, и всегда все давали мне почти слово в слово такого рода ответ: если кто, я ли, другой ли всякий, хочет избежать еретической лжи и пребыть в здравой вере здравым и невредимым, то должен, с помощью Божией, двояким образом оградить свою веру, во-первых, *авторитетом Священного Писания* и, во-вторых, *Преданием Вселенской Кафолической Церкви.* Но, может быть, спросит кто-нибудь, — если писанное Слово Божие свято,

всесовершенно и всегда вполне вразумительно при снесении одних его мест с другими, то какая же надобность присоединять к нему еще авторитет церковного его разумения? — Та надобность, что Священное Писание, по самой его возвышенности, не все понимают в одном и том же смысле, но один толкует его изречения так, другой иначе; так что почти сколько голов, столько же, по-видимому, можно извлечь из него и смыслов. А потому-то и совершенно необходимо при таком множестве бесчисленно разнообразных изворотов заблуждения направлять нить толкования пророческих и апостольских писаний по норме церковного и вселенского их понимания. В самой же вселенской Церкви всеми мерами надобно держаться того, *во что верили повсюду, во что верили всегда, во что верили все:* потому что то только в действительности и в особенном смысле есть вселенское, как показывает и самое значение этого слова, что, сколько возможно, вообще все обнимает. А этому правилу мы будем, наконец, верны при том единственно условии, если будем следовать *всеобщности (Universitas), древности (Antiquitas), согласию (Consensio)*. Следовать всеобщности — значит признавать истинною ту только веру, которую исповедует вся Церковь на всем земном шаре; следовать древности — значит ни в каком случае не отступать от того учения, которого, несомненно, держались наши Святые Отцы и предки; следовать, наконец, согласию — значит в самой древности принимать те только вероопределения и изъяснения, которых держались все или, по крайней мере, почти все пастыри и учители.

"О, Тимофее", говорит Апостол: "*предание сохрани*" и т. д. *(1 Тим., 6, 20—21)*.

Что такое *предание*?

То, что тебе вверено, а не то что тобою изобретено, — то, что ты принял, а не то, что ты выдумал, — дело не ума, но учения, не частного обладания, но всенародной передачи, — дело, до тебя дошедшее, а не тобою открытое, в отношении к которому ты должен быть не изобретателем, но стражем, не учредителем, но последователем, не вождем, но ведомым.

"Предание сохрани" — то есть талант веры вселенской обереги в целости и неповрежденности. Что тебе вверено, то пусть и останется у тебя, то ты и передавай. Ты получил золото; золото и отдавай. Не хочу, чтобы ты мне подкидывал, вместо одного, другое; не хочу, чтобы вместо золота, подставлял ты нагло свинец или обманно — медь; не хочу золота по виду, давай его натурой.

"О, Тимофее" — о пастырь, писатель, учитель! Если дарование Божие сделало тебя способным по уму, образованию, учености, то будь Веселеилом духовной скинии: полируй драгоценные камни божествен-

ного догмата, прилаживая их верно, распределяй их мудро, придавая им блеска, грации, прелести. Старайся, чтобы вследствие твоего, более ясного изложения, яснее разумели то, во что прежде верили не так ясно. Достигай, чтобы потомство с сознанием славословило то, что прежде древность чтила несознательно. *Но учи тому, чему тебя научили, и, говоря ново, не скажи нового!* Следовательно, скажет, может быть, кто-нибудь, в Церкви Христовой не должно быть никакого преуспеяния (в усвоении) религии? Всеконечно, должно быть, и при том — величайшее. Кто так завидлив к людям и ненавистлив к Богу, что решится отвергать это! *Только преспеяние это должно быть действительно преспеянием, а не переменой веры.* Преуспеяние состоит в том, когда тот или другой предмет усовершается сам по себе; а перемена в том, когда что-нибудь перестает быть тем, что оно есть, и превращается в другое. Итак, пусть вырастает и в высшей степени преуспевает с течением лет и веков, понимание, разумение, мудрость как каждого отдельного христианина, так и всех вместе, — как одного человека, так и всей Церкви, но только в том же роде, то есть в одном и том же догмате, в одном и том же смысле, в одном и том же предмете понимания. Религия, дело души, пусть уподобляется в этом отношении телам. С приращением лет тела раскрывают и развивают члены свои; однако, остаются тем же, чем были. Цветущая пора детства и зрелый возраст старческий очень различны между собою: однако, стариками делаются те же самые, которые прежде были детьми; так что рост и наружность одного и того же человека изменяются; тем не менее природа его неизменна, личность его остается одна и та же. Этому же закону преуспеяния необходимо должно следовать и догматическое учение христианской веры. Пусть, то есть оно с годами укрепляется, со временем расширяется, с веком возвышается, но остается нерушимым и неповрежденным, целым и совершенным во всех подразделениях своих частей, во всех, так сказать, чувствах и членах своих, следовательно, без малейшей, сверх того, перемены, без всякой утраты в своем содержании, без всякого изменения своих определений. Таким образом, следует древние догматы небесной философии с течением времени укреплять, обглаживать, очищать; но не следует их переменять, обсекать, уродовать. Пусть они получают очевидность, блеск, раздельность, — это можно; но их полнота, цельность, качество должны быть удерживаемы, — это необходимо. И Церковь Христова, заботливая и осторожная блюстительница вверенных ее хранению догматов, никогда в них ничего не изменяет, не уменьшает, не прибавляет, — необходимого не отсекает, излишнего не прицепляет, своего не теряет, чужого не присвояет; но со всею рачительностью старается единственно о том, чтобы рассуждая о древнем верно и муд-

ро, если что в древности предначертано и основано, то довершать и отделывать, — если что пояснено уже и истолковано, то укреплять и подтверждать, если что подтверждено уже и определено, то хранить. Должно, впрочем, заметить, что мы обязаны с величайшим усердием исследовать согласные суждения древних Святых Отцов и следовать им не относительно всех каких-либо маловажных вопросов по Священному Писанию, но, главным образом, только касательно правила веры. С другой стороны, не всегда и не все ереси должно обличать этим способом, но только новые и недавние, в первый раз, то есть появившиеся. Что же касается ересей давних и застарелых, то нам нет и малейшей надобности подступать к ним этой дорогой. Как бы ни были древни непотребства такого рода ересей или расколов, мы должны или поражать их, если нужно, не иначе, как авторитетом Священного Писания; или же без колебания убегать от них, как от давно пораженных уже и осужденных Вселенскими Соборами православных пастырей Церкви".

"Вот те руководительные начала, которые, по воззрению св. Викентия, безусловно необходимы при определении и доказательстве истин христианской веры для каждого православного богослова" (Еп. Сильвестр. "Опыт прав. догм. бог." Т. I. С.112).

Эти начала, так ясно и вдохновенно высказанные св. Викентием, несомненно выражавшие собою вселенское сознание Церкви, вдохновляли и Святых Богоносных Отцов, участников Вселенских соборов, и полагались ими в основание всех решений и определений этих Соборов. Каждый последующий Вселенский собор, прежде всего, утверждал поэтому как незыблемую и непоколебимую истину то, что было поставлено на предыдущем Вселенском соборе.

Как видим, тут нет и не может быть никакого места так называемой, весьма модной в наше время, "демократии". *Суть дела не в демократии, не в случайно-подобранном "большинстве голосов", а в истине, которая, в конечном итоге, всегда торжествует, хотя бы на некоторых и весьма многолюдных соборах эта истина временно попиралась и отвергалась.*

Отсюда естественно сделать вывод, что *ничего нового, ничего противоречащего постановлениям семи Вселенских соборов никакой новый собор ввести не может, не имеет на это права, как бы ни хотелось это современным модернистам, замышляющим созвать VIII Вселенский собор для каких-то обновленческих "реформ" в Церкви.* Всякий такой собор, который осмелился бы покуситься на постановления семи Вселенских соборов, отменить или видоизменить их, в согласии с "духом времени", будет не "вселенским", а новым "разбойничьим собором", ни для кого из христиан православных не обязательным.

В какой-то степени это так не только для догматических вероопределений Вселенских соборов, но и для канонических правил, выработанных на соборах, по крайней мере, для тех из них, которые не имели временного, чисто формального значения, а касаются самых основ административного устройства и управления Церкви и религиозно-нравственной жизни священнослужителей и верующих мирян.

Кроме догматических вероопределений, почти все Вселенские соборы оставили после себя и эти, так называемые, "*каноны*", или *канонические правила*, коими обязана руководиться как вся церковная иерархия, так и отдельные верующие в своей личной и церковной жизни.

I Вселенский собор в Никее в 325 году оставил нам 20 правил:

Правило первое запрещает принимать в клир лиц, которые сами себя оскопили;

Правило второе запрещает производить в священные степени новообращенных;

Правило третье запрещает священнослужителям иметь у себя в доме женщину, которая не является близкой родственницей;

Правило четвертое гласит, что епископы должны избираться епископами данной области и утверждаться митрополитом;

Правило пятое запрещает епископу принимать в общение лиц, отлученных другим епископом и повелевает дважды в год созывать соборы епископов;

Правило шестое подтверждает высшую власть некоторых епископов над другими епископами и запрещает поставлять епископа без соизволения митрополита и общего избрания;

Правило седьмое возвышает иерусалимского епископа на степень митрополита;

Правило восьмое законополагает о присоединении к Церкви еретиков и запрещает быть двум епископам в одном городе;

Правило девятое запрещает допускать к священнослужению лиц порочных;

Правило десятое заповедует извергать из священного чина падших;

Правило одиннадцатое говорит о способе покаяния отступивших от веры;

Правило двенадцатое говорит также об образе покаяния другого вида падших;

Правило тринадцатое повелевает напутствовать Св. Тайнами каждого умирающего;

Правило четырнадцатое устанавливает образ покаяния для отпадших от веры оглашенных;

Правило пятнадцатое воспрещает епископам и клирикам самовольно

переходить “из града во град”;

Правило шестнадцатое предписывает не принимать в общение клириков, которые самовольно удаляются от собственной церкви;

Правило семнадцатое воспрещает клирикам заниматься ростовщичеством;

Правило восемнадцатое воспрещает дьяконам преподавать св. Дары пресвитерам, причащаться прежде епископов и сидеть между пресвитерами;

Правило девятнадцатое говорит о “павлианах”, что они, в случае их обращения, должны быть вновь крестимы, а клирики перерукополагаемы;

Правило двадцатое запрещает преклонять колена в день воскресный и во дни Пятидесятницы.

II Вселенский собор в Константинополе в 381 году оставил после себя всего семь правил:

Правило первое подтверждает Символ Веры, составленный на I Вселенском соборе и анафематствует всякую ересь;

Правило второе запрещает епископам простирать свою власть “за пределами своей области”, вмешиваться в дела чужой епархии и устанавливает 5 церковных округов на Востоке;

Правило третье дает Константинопольскому епископу “преимущество чести по Римском епископе”;

Правило четвертое осуждает Максима Киника и “произведенное им бесчиние”;

Правило пятое принимает “исповедающих Едину Божество Отца и Сына и Святого Духа”;

Правило шестое повелевает “не без исследования” принимать обвинения на правителей Церкви;

Правило седьмое указывает на правила принятия кающихся еретиков.

III Вселенский собор, состоявшийся в Ефесе в 431 году, оставил восемь правил:

Правила — первое, второе, третье, четвертое, пятое и шестое — все касаются отлучения от Церкви еретика Нестория и его сторонников;

Правило седьмое запрещает слагать какой-либо новый Символ Веры;

Правило восьмое запрещает епископам “простирать свою власть на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его” и освобождает кипрских епископов от зависимости Антиохийского патриарха.

IV Вселенский собор, созванный в Халкидоне в 451 году, оставил после себя 30 правил. Из этих правил:

Правило первое подтверждает необходимость соблюдать все, что было постановлено на прежних соборах;

Правило второе карает низвержением симонию, или поставление в церковные степени за деньги;

Правило третье воспрещает епископам, клирикам и монашествующим "ради гнусного прибытка" заниматься "мирскими делами";

Правило четвертое запрещает монахам бесчинное жительство;

Правило пятое подтверждает запрет епископам или клирикам "преходить из града во град";

Правило шестое запрещает рукополагать клириков без определенного назначения;

Правило седьмое запрещает клирикам и монахам, под угрозой анафемы, "вступать в воинскую службу или в мирской чин";

Правило восьмое повелевает клирикам пребывать "под властью епископов каждого града";

Правило девятое запрещает клирикам судиться в светских судилищах;

Правило десятое воспрещает клирику числиться одновременно в двух церквах;

Правило одиннадцатое говорит о грамотах, выдаваемых убогим;

Правило двенадцатое запрещает епископам в церковных делах обращаться к гражданским властям;

Правило тринадцатое запрещает служить клирикам в чужой епархии без представительной грамоты своего епископа;

Правило четырнадцатое запрещает чтецам и певцам вступать в брак с иноверными женами;

Правило пятнадцатое говорит о поставлении дьяконисс;

Правило шестнадцатое запрещает монашествующим и девам вступать в брак;

Правило семнадцатое определяет точные границы епархий;

Правило восемнадцатое воспрещает "составлять скопища" и "строить ковы" епископам и своим сопричетникам;

Правило девятнадцатое повторяет правило о двукратном созыве в год Собора епископов;

Правило двадцатое повторяет запрещение клирикам переходить в другую церковь;

Правило двадцать первое повелевает не принимать доноса на епископов "просто и без исследования";

Правило двадцать второе запрещает клирикам "расхищать вещи" епископа по его смерти; запрещает клирикам и монашествующим без всякого поручения от своего епископа приходить в Константинополь и жить в нем;

Правило двадцать четвертое запрещает обращать монастыри в мирские жилища;

Правило двадцать пятое запрещает оставлять кафедры епископов незамещенными больше трех месяцев;

Правило двадцать шестое повелевает епископам управлять церковным имуществом с помощью икономов;

Правило двадцать седьмое запрещает похищать жен для супружества;

Правило двадцать восьмое определяет круг судебной и административной деятельности Константинопольского патриарха и уравнивает его с папой Римским;

Правило двадцать девятое запрещает низводить епископа на пресвитерскую степень;

Правило тридцатое говорит о египетских епископах.

V Вселенский собор в Константинополе в 553 году и VI Вселенский собор в Константинополе в 680 году не оставили после себя правил, но, вместо этого, в 691 году был созван собор так наз. "Трулльский", именуемый иногда поэтому "Пято-Шестым", на котором было возмещено это опущение и составлено целых 102 правила. Из правил этого собора особенно важны:

36-е правило, которое повторяет о равноправии константинопольской и римской патриарших кафедр и указывает вообще иерархический порядок патриарших кафедр;

8-е правило, которое повелевает митрополиту ежегодно созывать собор епископов;

12-е, 13-е и 48-е правила решают вопросы о браке священнослужителей;

33-е правило осуждает обычай Армянской страны принимать в состав клира только лиц, происходящих из священнического рода;

64-е и 70-е правила запрещают мирянину и жене поучать всенародно в храме во время богослужения;

80-е правило грозит отлучением тому, кто в течение трех воскресных дней не придет в храм на богослужение;

54-е правило запрещает вступление в брак в близком родстве;

53-е правило узаконяет духовное родство восприемников с воспринимаемыми и запрещает им вступление в брак;

72-е правило запрещает смешанные браки с еретиками;

73-е правило повелевает воздавать честь животворящему Кресту Господню и запрещает начертывать изображение его на земле, дабы оно не попиралось ногами;

75-е правило требует благочинного пения в храмах;

74-е и 76-е правила запрещают в храмах и "внутри священных оград" устраивать трапезы, корчемницы или "купли производить";

77-е правило запрещает не только священнослужителям и инокам, но и "всякому христианину мирянину" мыться в бане вместе с женщинами;

83-е правило запрещает преподавать Евхаристию телам умерших;

86-е правило повелевает отлучать от Церкви тех, кто содержит блудниц;

90-е правило повторяет запрещение преклонять колена в дни воскресные, "ради чести Воскресения Христова";

91-е правило повелевает отлучать от Церкви вытравляющих плод во чреве;

100-е правило подвергает отлучению распространяющих порнографию;

102-е правило говорит о епитимиях кающихся.

VII Вселенский собор в Никее в 787 году издал двадцать два правила, из которых наиболее важные:

3-е правило, запрещающее избрание во священные степени мирскими начальниками;

4-е и 5-е правила, запрещающее симонию;

6-е правило повторяет требование о созыве ежегодных соборов епископов и запрещает мздоимство;

10-е правило повторяет запрещение клирикам оставлять свои приходы и занимать мирские должности;

11-е правило повторяет требование иметь иконома в каждой церкви и по монастырям;

12-е правило повелевает епископу и игумену иметь попечение о всех церковных вещах и ими распоряжаться, но не присваивать чего-либо самому себе в собственность, под страхом изгнания;

15-е, 16-е, 18-е и 22-е правила запрещают священнослужителям и монашествующим своекорыстие, роскошь и близкое общение с лицами женского пола;

20-е правило запрещает устройство "двойных монастырей", где бы женщины жили вместе с мужчинами, и близкое сообщение монахов с монахинями;

21-е правило запрещает монаху или монахине оставлять свой монастырь и отходить в другой без воли игумена.

Такова огромная работа, которая была совершена Вселенскими соборами на вечные времена для всей Христовой Церкви. И догматические вероопределения этих соборов и канонические постановления, определяющие весь административный строй и узаконения для личной жизни священнослужителей и мирян, должны оставаться незыблемыми и нерушимыми в Церкви, о чем обязаны пещись "блюстители" Церкви — епископы, и в чем они дают страшную клятву — торжественное обещание при своей хиротонии: *"обещаюся каноны святых Апостол, седми Вселенских и Благочестивых Поместных Соборов и правила святых Отец хранити и соблюдати: вся, яже тии прияша, и аз приемлю: и ихже тии отвратишася, и аз отвращаюся".*

Само собою должно быть понятно, что догматические вероопределения вообще не могут подвергаться никаким изменениям, а из канонических правил могут быть изменяемы лишь те, которые были изданы применительно к определенной внешней обстановке тогдашней жизни и не имеют сами по себе какого-либо абсолютного значения. *Все же, что вытекает из требований религиозно-нравственного учения Евангелия и аскетического строя жизни христиан первых веков христианства, никак не может подлежать отмене. Что установили Вселенские соборы, это — голос самого Духа Святого, живущего в Церкви, по обетованию Господа Иисуса Христа, изреченному Его ученикам на Тайной Вечере: "Аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам, да будет с вами во век" (Ин., 14, 16).*

Вот в чем великое значение Вселенских соборов для нас, христиан, поскольку мы не утратили ощущения принадлежности своей к Церкви — этому таинственно-благодатному Телу Христову!

*† Архиепископ **АВЕРКИЙ***

Памятка о Вселенских соборах

Собор	В каком году	Где	При Царе	При патриархе и при папе	Сколько членов	Против кого
I	325	в Никее	св. Константине Великом	св. Митрофании Цареградском, Сильвестре	318	Ария — хулителя Сына Божия
II	381	в Царьграде	Феодосии Великом	св. Григории Богослове, Дамасе	150	Македония — духоборца
III	431	в Ефесе	Феодосии Младшем	св. Кирилле Александрийском, Целестине	200	Нестория — человекопоклонника
IV	451	в Халкидоне	Маркиане	св. Анатолии Цареградском, св. Льве Великом	630	Евтихия и Диоскора — монофизитов
V	553	в Царьграде	св. Юстиниане	св. Евтихии Цареградском, Вигилии	165	"Трех глав"
VI	680	в Царьграде	Константине Погонате	св. Георгии Цареградском, Агафоне	170	Монофелитов
VII	787	в Никее	Константине и Ирине	св. Тарасии Цареградском, Адриане	367	Иконоборцев

ОГЛАВЛЕНИЕ